

РОССИЙСКОЕ ПРАВО

ОБРАЗОВАНИЕ,
ПРАКТИКА,
НАУКА

РЕЦЕНЗИРУЕМЫЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Основан в июле 2004 года

Выходит 6 раз в год

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ

ФГБОУ ВО «Уральский государственный
юридический университет
имени В. Ф. Яковлева»
620137, Екатеринбург,
ул. Комсомольская, д. 21

РЕДАКЦИЯ

В. В. ДОЛГАНИЧЕВ, главный редактор
К. С. ПУТУШКИНА, редактор
И. В. ЛЕДНЕВ, ответственный
секретарь

АДРЕС РЕДАКЦИИ

620137, Екатеринбург,
ул. Комсомольская, 23, каб. 209.
Адрес для корреспонденции:
620137, Екатеринбург,
ул. Комсомольская, 21.
тел./факс (343) 375-58-47,
<https://rospravojournal.usla.ru>
e-mail: rp@usla.ru

Издание зарегистрировано в Федеральной
службе по надзору в сфере связи, информа-
ционных технологий и массовых коммуника-
ций, свидетельство ПИ № ФС 77-55438 от
17 сентября 2013 г.

Использование материалов возможно то-
лько с письменного согласия редакции

Фотографии, использованные в номере, пре-
доставлены авторами статей, героями
интервью и организаторами мероприятий

Журнал распространяется по подписке;
придерживается независимой политики.
Мнения авторов могут не совпадать
с мнением редакции

СОДЕРЖАНИЕ

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ГЕНОМНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

- Фетюков Ф. В.** Геном человека
как объект междисциплинарных
социально-гуманитарных исследований
и система соответствующих
им методологических средств 4

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

- Одинцова В. С.** Международно-правовой
аспект реализации права на здоровье
в контексте применения генетических
технологий 15
- Дрыгина А. А.** Летальное оружие
v. нелетальное. Правовой анализ
применения оружия 20

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

- Коржова И. В.** История развития научных
представлений о криптоактивах 28

ГРАЖДАНСКИЙ И АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС

- Бараданченкова Н. Е.** Практика обращения
взыскания на коррупционные доходы
в Российской Федерации 36
- Попов А. А., Попов В. А.** Право арбитражного
суда первой инстанции разрешить спор
по имеющимся в материалах дела
доказательствам 46

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

- Лифанов Д. М.** Об административной
ответственности за нарушение порядка
рассмотрения обращений граждан 52

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Ю. С. Безбородов, Л. Н. Берг, В. С. Белых, А. В. Брызгалин, В. А. Бублик, А. В. Винницкий, Д. В. Винницкий, Б. М. Гонгало, В. В. Гошуляк, Е. Ю. Грачева, Д. А. Гришин, И. Г. Дудко, Т. Д. Зражевская, В. Б. Исаков, А. Я. Капустин, И. Я. Козаченко, Ю. В. Козубенко, Г. А. Кокурин, Г. Н. Комкова, А. Н. Костюков, В. В. Круглов, В. И. Крусс, А. М. Куренной, А. А. Ливеровский, Н. А. Мехренцева, А. Н. Митин, А. Н. Мочалов, Е. И. Носырева, В. В. Полянский, А. Д. Прошляков, И. В. Решетникова, В. Н. Руденко, М. С. Саликов (председатель), Н. М. Саликова, А. С. Смыкалин, С. Д. Хазанов, А. М. Хлус, С. Н. Чернов, В. В. Ярко

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

С. А. Авакьян, С. Н. Бабурин, В. В. Блажиев, А. К. Голиченков, В. В. Ершов, В. В. Игнатенко, Г. С. Казинян, Л. О. Красавчикова, П. В. Крашенинников, В. А. Малиновский, С. П. Степкин, Т. Я. Хабриева, Ю. Я. Чайка, Г. Н. Чепотарев, М. Ф. Чудаков, Ю. С. Шемшученко, Б. С. Эбзеев, Э. С. Юсубов

Бондаренко Д. В. Единственная отрасль законодательства, оставшаяся неизменной в современной России 61

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

Маслов В. А. Общественная опасность деяния как основание криминализации (декриминализации) 71

КРИМИНАЛИСТИКА

Бахтеев Д. В. Об основных направлениях междисциплинарного развития криминалистики 86

ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО

Дубовик Д. М. Объекты накопленного вреда: к вопросу о несанкционированных свалках 93

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Мельников Р. В. Формирование морально-этических требований к прокурорским работникам в России: исторический анализ 100

LEGAL BASIS FOR GENOMIC RESEARCH

Fetyukov F. V. Human Genome as an Object of Interdisciplinary Socio-Humanitarian Research and a System of Appropriate Methodological Means	4
---	---

INTERNATIONAL LAW

Odintsova V. S. The International Legal Dimension of Realization of the Right to Health in the Context of Genetic Technologies	15
Drygina A. A. Lethal v. Non-Lethal Weapons. Legal Analysis of the Use of Weapons	20

CIVIL LAW

Korzhova I. V. History of the Development of Scientific Ideas about Crypto-Assets	28
--	----

CIVIL AND COMMERCIAL PROCEDURE

Baradanchenkova N. E. Corruption Proceeds Recovery in the Russian Federation	36
Popov A. A., Popov V. A. The Right of the Commercial Court of the First Instance to Resolve a Dispute on the Evidence Available in the Case Materials	46

ADMINISTRATIVE LAW

Lifanov D. M. On the Administrative Responsibility for Violation of the Procedure for Consideration of Citizens' Appeals	52
Bondarenko D. V. The Only Branch of Legislation That Has Remained Unchanged in Modern Russia	61

CRIMINAL LAW

Maslov W. A. Public Danger of an Act as a Basis for Criminalization (Decriminalization)	71
--	----

FORENSIC SCIENCE

Bakhteev D. V. On the Main Directions of Interdisciplinary Development of Criminalistics	86
---	----

ENVIRONMENTAL LAW

Dubovik D. M. On the Problem of Unauthorized Dumps	93
---	----

HISTORY OF STATE AND LAW

Melnikov R. V. Formation of Moral and Ethical Requirements for Prosecutors in Russia: a Historical Analysis	100
--	-----

Ф. В. Фетюков

Уральский государственный
юридический университет им. В. Ф. Яковлева
(Екатеринбург)

ГЕНОМ ЧЕЛОВЕКА КАК ОБЪЕКТ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ И СИСТЕМА СООТВЕТСТВУЮЩИХ ИМ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ СРЕДСТВ*

Автор выдвигает гипотезу о междисциплинарном взаимодействии социально-гуманитарных наук при исследовании гена человека. Гипотеза проверяется на основе характеристики генома человека как объекта социально-гуманитарных исследований и системы соответствующих методологических средств. Также выявляется методологическое взаимодействие естественных и социально-гуманитарных наук, в результате которого возникли синтетические области знаний, в частности психогенетика и поведенческая генетика.

Анализ социально-гуманитарных исследований генома человека позволил выявить их предметную ориентацию на социальное регулирование геномных исследований, правовую охрану геномной информации и нормирование исследований генома человека и использования их результатов. При этом применяются методологические средства трех уровней: 1) фило-софско-методологический анализ; 2) общенаучные методологические принципы; 3) специально-научный методологический подход.

Ключевые слова: геном человека, междисциплинарность, объект исследования, правовая охрана, генетическая информация, социальное регулирование, методология, синергия

Для цитирования

Фетюков Ф. В. Геном человека как объект социально-гуманитарных исследований и система соответствующих им методологических средств // Российское право: образование, практика, наука. 2022. № 3. С. 4–14. DOI: 10.34076/2410_2709_2022_3_4.

УДК 340

DOI: 10.34076/2410_2709_2022_3_4

Одними из главных черт постнеклассической науки выступают изменение характера объекта исследования и усиление роли междисциплинарных подходов к его изучению. Объектом современной науки становятся «человекообразные» системы: медико-биологические объекты, объекты экологии, объекты биотехнологии (в первую очередь геномной инженерии), системы «человек – машина». Изменение характера объекта исследования ведет к изменению методов исследования [Степин, Горохов, Розов 1995: 244–246].

* Исследование выполнено за счет средств субсидии из федерального бюджета на реализацию научного проекта на тему «Выявление проблем правового регулирования в сфере использования генетической и геномной информации. Подготовка научно обоснованных предложений по внесению изменений в систему российского законодательства с целью их устранения» (шифр темы: FEUW-2020-0005).

Интенция на построение общенаучной картины мира в современной науке задана синергетическими методологическими установками на исследование саморазвивающихся целостных объектов, представленных в сложных, нелинейных, нестабильных, неравновесных системах. С XX в. усилился обмен парадигмальными установками как между естественными науками, так и между естественными науками и науками социально-гуманитарного ряда. В данных условиях традиционные границы между науками о духе и науками о жизни (В. Дильтей), естественными и историческими науками / науками о культуре (В. Виндельбанд, Г. Риккерт) стираются, а междисциплинарность становится методологической нормой.

Междисциплинарная ситуация, как правило, возникает вследствие переноса метода

из одной области научного знания в другую [Кара-Мурза 1986: 57]. При этом метод переносится извне в конкретно-научную область знания лишь частично: переносу подлежат те или иные элементы и основания метода (в том числе содержащиеся в общенаучных и всеобщих методах), которые интегрируются в качественно новое мысленное образование [Лукашевич 1991: 194]. Примером такой ситуации может служить выдвижение Г. Менделем идеи дискретной наследственности (фактора наследственности) благодаря одновременному использованию достижений биологии и вероятностно-статистического метода математики. Как видим, использование в науке методов, не свойственных ей, способно вызывать синергетический эффект и приводить к появлению нового научного знания.

Междисциплинарная ситуация может возникнуть и в том случае, когда в исследовательскую область, базирующуюся на важном научном методе, из другой области проникают новые идеи и концепции, а то и сам предмет исследования [Кара-Мурза 1986: 51]. В науке перенос методов, принципов, онтологических представлений, способов системного оформления знания из одной группы наук в другую получил название методологического взаимодействия наук [Лукашевич 1991: 145], или «парадигмальной прививки» [Степин 1999: 22].

«Парадигмальные прививки» нередко применяют к социальным и гуманитарным наукам из предметных областей естественнонаучного знания, в частности из биологии (О. Конт – концепция общества как единого организма), кибернетики, теории систем, теории информации (достижения современной лингвистики). Поэтому междисциплинарный подход признается имманентным свойством социологически-гуманитарной парадигмы методологического мышления [Марача 2012].

Следствием таких «парадигмальных прививок» иногда становятся синтетические области знаний. К примеру, психогенетика изучает роль генотипа в детерминации индивидуального развития, в частности девиантного поведения, имеющего значение для пенитенциарной практики [Коданева 2019: 66], поведенческая генетика изучает то, как генетические различия между людьми влияют на различия в их психологии и поведении [Harden 2021]. Многочисленные исследования

убедительно доказывают влияние генетического фактора на предрасположенность человека к самоубийству [Козаченко, Сергеев 2019: 48], алкоголизму [Fletcher, Lu 2021: 194–195], педофилии [Berryessa 2014: 66], наркомании [Coors 2013].

Настоящее исследование основано на гипотезе о взаимодействии социально-гуманитарных наук в процессе изучения генома человека, а предмет исследования образуют геном человека как объект социально-гуманитарных исследований и система применяемых при этом методологических средств.

Автор исходит из отраженного в ряде специальных исследований приоритета проблемы над методом, поскольку необходимость использования определенного метода вызывают предметы и явления объективной действительности [Селье 1987: 120; Дзюн 1983: 59–60]. Поэтому следует прежде всего кратко охарактеризовать особенность генома человека как объекта исследования.

Очевидно, что геном человека является особым биологическим объектом. Несмотря на биологическую природу этого объекта в нем заложены социально-гуманитарные межпредметные связи, детерминированные последствиями изучения генома человека для общества и каждого индивида. Вероятно, этим объясняется неподдельный интерес представителей социальных и гуманитарных наук к исследованию такого сложного и несвойственного социогуманитаристике объекта, как геном человека.

Анализ научных источников по теме исследования показал устойчивость мнения ученых о неопределенности этических, правовых и социальных последствий использования технологий редактирования генома зародышевой линии, получения и использования результатов секвенирования генома человека [Niemiec, Howard 2020a; Golinghorst, Prince 2020; Townsend 2020]. Вследствие интенсивного развития технологий редактирования генома человека, которое значительно опережает критическое осмысление их применения (в том числе правовое регулирование), в обществе возникает напряженность, ставящая под сомнение ценности, на которых основываются моральные и правовые нормы [Vu 2019: 115–117]. В общественном сознании процессы накопления и применения знаний о человеческом геноме оцениваются с по-

зиций пользы и вреда, а точнее, их соотношения. При отсутствии достоверных и полных сведений о биомедицинских и социальных последствиях изучения генома человека адекватная оценка этого объекта обществом, и уж тем более выбор оптимального правового режима обращения с ним, крайне затруднительны.

Предметы междисциплинарных исследований, которые решают задачи нормирования (и в этом смысле – предвидения) исследования генома человека и использования соответствующих результатов, условно можно разделить на две группы. Первая – социальное регулирование геномных исследований. Вторая – правовая охрана геномной информации, направленная на устранение рисков противоправного использования результатов геномных исследований.

Особенность социального регулирования геномных исследований состоит в том, что в этой сфере отсутствует четкое разделение между моралью, правовыми нормами, религиозными нормами, обычаями). Диалектические связи между социальными регуляторами обусловлены единством охраняемых ими ценностей (жизнь, здоровье, честь и достоинство человека, его самоидентичность, интерес и т. д.). Например, этические вопросы возникают при установлении режима доступа правоохранительных органов к базам данных ДНК и контроля над содержащимися в них сведениями со стороны государственных участников геномных отношений [Katsanis 2020: 541], а также при установлении правового режима исследований в сфере редактирования генома человеческого эмбриона [Niemiec, Howard 2020b: 888].

Исследователи отмечают, что юридической науке и законодательной практике необходимо обращаться к регулированию проблем генетической медицины, биологии и генетики человека, опираясь на достигнутые результаты и предугадывая социальные, а следовательно, и юридические последствия открытых перспектив [Козаченко, Сергеев 2019: 104]. Правовое регулирование общественных отношений в сфере проведения геномных исследований и использования полученной в результате генетической информации должно претендовать на ведущую роль в системе социального регулирования. Во-первых, правовые нормы являются наи-

более эффективным инструментом воздействия на поведение людей благодаря признакам общеобязательности, формальной определенности и нормативности. Во-вторых, правовые нормы нередко основываются на представлениях о должном в поведении людей, сформировавшихся в других социальных нормах.

Некоторые авторы указывают, что национальное законодательство должно содержать требование о разработке единой методологии междисциплинарных исследований генома человека, определять пути и перспективы ее использования [Doronina, Semilyutina, Tsirina 2020]. Однако это означало бы попытку вмешательства государства в сам исследовательский процесс, что губительно для развития любого научного знания. Поэтому нужно присоединиться к призыву исследователей проявлять осторожность при установлении мораториев и запретов, которые негативно влияют на фундаментальные исследования; лучше искать гибкие правила, вырабатываемые в результате участия в правотворчестве заинтересованных сторон [Nordberg, Minssen, Feeney 2020: 29].

Среди специалистов распространено мнение о необходимости усиления запретов и ограничений при работе с геномом человека. К примеру, с позиции охраны окружающей среды, обеспечения экологической безопасности человека и рационального природопользования целесообразной признана система правовых запретов и ограничений при проведении любых геномных исследований [Luneva 2019: 937], а существующие средства правовой защиты и механизмы предложено использовать для установления запрета на редактирование генома человеческого эмбриона [Mokhov, Levushkin, Yavorsky 2020: 486].

Автор настоящего исследования глубоко убежден в том, что применение запретов в сфере изучения генома человека не всегда оправданно. Во-первых, такие меры будут сдерживать научный прогресс в области генетики, в котором в мире нуждаются миллионы людей. Во-вторых, как показывает практика, даже самые жесткие запреты и уголовная ответственность не исключают одержимости ученых новыми открытиями. Существующих законодательных ограничений недостаточно для надлежащего регулирования общественных отношений в сфере проведения

геномных исследований и использования геномной информации. К примеру, Р. Йотова описала законодательные лазейки, позволяющие обходить установленные в международном праве ограничения в части редактирования генома зародышевой линии. При закреплении указанных ограничений не в полной мере учитываются всесторонние последствия применения новых технологий для общества и человечества [Yotova 2020: 655]. В-третьих, запреты лишь на время отодвигают объективную необходимость нормативного правового регулирования общественных отношений, складывающихся в сфере исследования и использования генома человека.

Применение законодателем императивного нормативного построения, сочетающего предусмотренный специальным законом запрет и юридическую ответственность, оправданно только в тех случаях, когда проведение экспериментов с геномом человека связано с риском для человеческой жизни или способно привести к утрате человеком как биологическим видом уникальности (например, репродуктивное клонирование, редактирование зародышевой линии) [Fetyukov 2020]. Во всех остальных случаях законодателю следует предоставлять исследователям генома человека возможность работать на благо человечества под контролем государства путем установления исключений из общего запрета. Для этого необходимо создать соответствующую государственную систему лицензирования и контроля. Обязательными ее элементами должны стать государственные органы и учреждения, обеспечивающие контроль (федеральная служба) и оказание услуг (федеральное агентство, государственные учреждения) в данной области.

Все больше стран принимает нормативные правовые акты в сфере проведения экспериментов с геномом человека. Юристы убеждены в том, что правовое регулирование геномных исследований поможет сформировать прагматичное отношение к проблеме и найти баланс между риском и пользой человеческих знаний [Doronina, Semilutina, Tsigina 2021: 101]. В качестве правовых средств, стимулирующих юридическое сопровождение геномных исследований, предложены налоговые льготы, кредитные льготы, государственно-частное партнерство и др. [Luneva 2019: 936].

Право сохраняет ведущую роль в регулировании общественных отношений в рассматриваемой сфере, но их участникам нужно руководствоваться и иными социальными нормами. Следует обратить внимание на представленную в научной литературе модель модульного регулирования общественных отношений, преодолевающую недостатки правового регулирования и обеспечивающую общественный порядок в сфере геномных исследований. Суть ее заключается в выборе по усмотрению субъекта из всей системы социальных норм (моральных, правовых, корпоративных, религиозных) наиболее эффективной. При этом модульное регулирование имеет ограниченное применение и не подменяет собой правовое регулирование [Kolosova 2020: 1022].

Исследования второй группы посвящены охране геномной информации в связи с многочисленными рисками противоправного использования результатов геномных исследований. Рассматриваемая группа исследований раскрывает реализацию охранительной функции права применительно к геномным правоотношениям, в то время как в первой рассмотренной нами группе исследований раскрывается реализация регулятивно-статической и регулятивно-динамической функций права.

Необходимость охраны прав человека в сфере обращения геномной информации вызвана широким спектром рисков. Большая часть из них связана с угрозой утечки конфиденциальной геномной информации; утечка может произойти непреднамеренно или вследствие умышленной передачи указанной информации на платформы генетических услуг [He, Zhou 2020], взлома биобанков геномной информации [Vasiliev, Burtsev, Osaveliuk et al. 2020: 463]. Геномная информация может использоваться злоумышленниками в качестве основы для генетической дискриминации [Tracking Genetic Discrimination 2020]. В научной литературе также рассматриваются риски ответственности поставщиков медицинских услуг и испытательных лабораторий [Marchant, Barnes, Evans et al. 2020: 12]. Ввиду повышенной общественной опасности и нарушения прав и свобод человека в этой сфере ученые нередко приходят к выводу о необходимости использования механизма уголовно-правовой защиты таких отношений [Blinov, Lapunin, Evstifeeva et al. 2020: 612].

Охрана прав человека в сфере обращения геномной информации выполняет также обеспечительную функцию в гражданском обороте. Например, в договоре с медицинской организацией о проведении секвестрования содержится условие о соблюдении конфиденциальности полученной информации. Очевидно, что вовлечение генома в гражданский оборот – недалекая перспектива. Единственным препятствием к этому является неопределенность правовой природы генома, усложняющая юридическое восприятие генома человека в правовой доктрине и правоприменительной практике. К примеру, в частном праве компенсация ущерба представляет собой один из способов защиты нарушенных прав. Поэтому в литературе справедливо подчеркивается, что нужно установить четкие юридические принципы компенсации ущерба, причиненного в результате редактирования генов в человеческих эмбрионах и репродуктивных клетках [Krekora-Zajac 2020: 30].

Очевидно, что вовлечение генома в гражданский оборот – недалекая перспектива

При определении объекта настоящего исследования используются методологические знания трех уровней: философско-методологический анализ, общенаучные методологические принципы и специально-научный методологический подход [Юдин 1978].

При помощи философско-методологического анализа, как правило, объект как фрагмент реальности сужается до объекта конкретного исследования. Непосредственно наблюдаемая действительность очерчивается в границах, заданных содержанием фундаментальных научных понятий и категорий. В результате создаются исходные мировоззренческие установки, гносеологические ориентиры объекта исследования.

В социально-гуманитарных исследованиях гносеологические рамки генома человека заданы категорией «ценность». В ней диалектически сочетаются представления о пользе научных достижений в генетике, позволяющих решать сложные социальные и индивидуальные проблемы, и отстаивание биологической уникальности человека. Указанное диалектическое единство составляет основу современной биоэтики.

Важную роль в определении границ объекта играют общенаучные методологические принципы, применение которых не ограничивается одной или двумя науками. К ним относят содержательные общенаучные концепции, воздействующие одновременно на все фундаментальные научные дисциплины или по крайней мере на некоторую их совокупность (идеализация, формализация, моделирование), и формальные разработки и теории, связанные с решением широкого круга методологических задач (теория игр, теория систем, методы кибернетики) [Юдин 1997: 66].

В современных социально-гуманитарных исследованиях генома человека ярко проявляются методологические принципы системного подхода: рассмотрение многообразия форм и способов взаимодействия генома с окружающей действительностью, а также выявление совокупности элементов (структуры) генома человека.

Применяются и элементарные общенаучные методы анализа, синтеза, сравнения, дедукции, индукции и др. Например, при исследовании психологических эффектов раскрытия результатов клинического секвенирования экзома и генома была произведена оценка психологических результатов участников в различных клинических условиях. В качестве метода использовался метаанализ случайных эффектов состояния тревожности, депрессивных симптомов и многомерного воздействия. Был сделан вывод об отсутствии клинически значимого психологического вреда от получения результатов клинического секвенирования экзома и генома [Robinson, Wynn, Biesecker 2019: 2788].

Специально-научный методологический подход рассматривает объект в рамках конкретной науки, декларирует общую стратегию исследования, в основе которой лежит понятие или принцип. При помощи данного подхода объект рассматривается под определенным углом зрения, нормативно заданным конкретно-научной методологией.

В междисциплинарных социально-гуманитарных исследованиях генома человека, проводимых учеными-юристами, методологическое значение имеют специальный понятийно-категориальный аппарат (правоотношение, правонарушение, юридическая ответственность, убытки, режим правовой охраны информации и др.) и юридические конструкции (модели урегулированных пра-

вом общественных отношений или их элементов), которые выступают средствами формально-юридического (догматического) метода юридической науки. При помощи этих средств исследуются социальная действительность, специфика общественных отношений, связанных с получением, хранением и использованием генома человека.

К примеру, О. А. Пучков при определении генома человека в качестве предмета междисциплинарного исследования использовал юридическую конструкцию правоотношения, которая выступила специально-юридическим инструментом (способом) определения объекта, а затем и предмета исследования – синтетической теории геномного правоотношения – в результате одновременного применения метода восхождения от абстрактного к конкретному и формально-юридического метода [Берг, Владимирова, Лисаченко 2021: 164].

Зачастую в междисциплинарных социально-гуманитарных исследованиях генома человека эмпирические данные получают при помощи социологических методов. В одном из исследований, например, проверялась гипотеза о влиянии этнической идентичности на убеждения и намерения людей учитывать результаты секвенирования их генома. Использовался социологический метод опроса для оценки социальных и поведенческих конструкций, связанных со здоровьем, геномикой и этнической идентичностью референтной группы людей, согласившихся на секвенирование. Был сделан вывод о том, что люди с более сильной этнической идентичностью (афро-карибцы) больше внимания уделяют когнитивным убеждениям, например о ценности результатов секвенирования генома, при обдумывании получения результатов по сравнению с людьми с более слабой этнической идентичностью [Turbitt, Roberts, Hollister 2018: 1738].

В группе социологических методов, применяемых в междисциплинарных социально-гуманитарных исследованиях генома человека, особое место занимает метод Дельфи. Его суть заключается в анонимной, заочной и многоуровневой оценке группой экспертов предстоящих событий или результата какой-либо деятельности.

На основе указанного метода с мая 2015 г. по декабрь 2016 г. было проведено трехэтапное исследование социальной приемлемости

текущего и потенциального применения технологии неинвазивного пренатального тестирования с использованием внеклеточной ДНК (позволяет выявлять количество генетических рисков и состояний у плода). Реализация этой технологии вызывает этические, правовые и социальные проблемы, связанные, в частности, с посягательством повсеместного пренатального генетического тестирования на свободу принятия решений будущими родителями [Dupras, Birko, Affdal et al. 2020].

При помощи метода Дельфи были получены эмпирические данные, положенные в основу отчета о редактировании генома человека, опубликованного в сентябре 2020 г. и предложившего возможность редактирования зародышевой линии при особых обстоятельствах и при условии соблюдения группы критериев. В исследовании приняли участие около тридцати экспертов в области редактирования генома, медицины, биоэтики, права и смежных областях [Angrist, Barrangou, Baylis 2020: 336].

Для получения комплексных результатов исследования могут использоваться сразу несколько разноуровневых методов. Так, для устранения пробелов в знаниях, вызывающих дискуссии о генетической конфиденциальности и идентичности, специалисты центра *GetPreCiSe* применили, в частности, экспериментальные методы (например, теорию игр) и этнографические (например, интервью и опрос). Ученые заключили, что 1) несмотря на опасения утратить конфиденциальные генетические данные, люди по-прежнему готовы участвовать в геномных исследованиях с целью улучшения общественного здоровья; 2) те из них, кто не полностью доверяет биомедицинским исследователям или учреждениям, уверены в ценности биомедицинских исследований и верят в преобладание пользы для общества над рисками для личной жизни; 3) участие в проведении геномных исследований определяется множеством факторов, включая предыдущий опыт дискриминации, уровень образования и демографические переменные; 4) для поддержания доверия уязвимого населения необходимы прозрачные этические стандарты соблюдения конфиденциальности данных / обмена данными, надежные средства защиты от неправомерного использования данных [Davis 2018].

Можно сделать вывод, что проверяемая автором статьи гипотеза о междисципли-

нарном взаимодействии социально-гуманитарных наук в процессе изучения генома человека подтвердилась. Интерес представителей социальных и гуманитарных наук к исследованию генома человека обусловлен априорными социально-гуманитарными межпредметными связями, которые детерминированы особой значимостью последствий

изучения и использования генома человека для общества и каждого человека в отдельности. В процессе исследования попутно выявлено методологическое взаимодействие естественных и социально-гуманитарных наук, в результате которого возникли такие синтетические области знаний, как психогенетика и поведенческая генетика.

Список литературы

Angrist M., Barrangou R., Baylis F. Reactions to the National Academies / Royal Society Report on Heritable Human Genome Editing // *CRISPR Journal*. 2020. № 3. P. 332–349.

Berryessa C. M. Potential Implications of Research on Genetic or Heritable Contributions to Pedophilia for the Objectives of Criminal Law // *Recent Advances in DNA & Gene Sequence*. 2014. Vol. 8. № 2. P. 65–77.

Blinov A. G., Lapunin M. M., Evstifeeva E. V. et al. Foreign Experience of Legal Regulation and Protection of Relations in the Sphere of Genome Editing // *Lecture Notes in Networks and Systems*. 2020. № 111. P. 611–617.

Bu Q. Reassess the Law and Ethics of Heritable Genome Editing Interventions: Lessons for China and the World // *Issues in Law & Medicine*. 2019. Vol. 2. № 34. P. 115–146.

Coors M. E. Genetic Research on Addiction: Ethics, the Law, and Public Health // *American Journal of Psychiatry*. 2013. Vol. 170. № 10. P. 1215–1216.

Davis L. Stewards of the Genome: Ethical Issues Related to Data Privacy and Sharing in Psychiatric Genetics Research // *European Neuropsychopharmacology*. 2019. Vol. 29. № 4. P. 1049. DOI: 10.1016/j.euroneuro.2018.07.060.

Doronina N., Semilyutina N., Tsirina M. Methodology of Interdisciplinary Research on the Example of Scientific Research of the Human Genome // *E3S Web of Conferences International Scientific Conference on Biotechnology and Food Technology (BFT-2020)*. 2020. Vol. 215. № 05008. P. 1–8. DOI: 10.1051/e3sconf/202021505008.

Doronina N. G., Semilyutina N. G., Tsirina M. A. Bioinformatics and Issues of Conclusion a Contract for Provision of Medical Services // *Economic Systems in the New Era: Stable Systems in an Unstable World. IES 2020. Lecture Notes in Networks and Systems / ed. by S. I. Ashmarina, J. Horák, J. Vrbka et al.* 2021. Vol. 160. P. 99–107. DOI: 10.1007/978-3-030-60929-0_14.

Dupras C., Birko S., Affdal A. O. et al. Governing the Futures of Non-Invasive Prenatal Testing: an Exploration of Social Acceptability Using the Delphi Method // *Social Science and Medicine*. 2020. № 112930. P. 1–10. DOI: 10.1016/j.socscimed.2020.112930.

Fetyukov F. V. Development of Legislation on Human Cloning: World Experience and a Promising Legal Model for Modern Russia // *RUDN Journal of Law*. 2020. Vol. 24. № 4. P. 881–900. DOI: 10.22363/2313-2337-2020-24-4-881-900.

Fletcher J. M., Lu Q. Health Policy and Genetic Endowments: Understanding Sources of Response to Minimum Legal Drinking Age Laws // *Health Economics (United Kingdom)*. 2021. Vol. 30. № 1. P. 194–203.

Golinghorst D. R., Prince A. E. R. A Survey of U. S. State Insurance Commissioners Concerning Genetic Testing and Life Insurance: Redux at 27 // *Journal of Genetic Counseling*. 2020. Vol. 29. № 6. P. 928–935.

Harden K. P. Reports of My Death Were Greatly Exaggerated: Behavior Genetics in the Postgenomic Era // *Annual Review of Psychology*. 2021. Vol. 72. № 1. P. 37–60.

He Z., Zhou J. Inference Attacks on Genomic Data Based on Probabilistic Graphical Models // *Big Data Mining and Analytics*. 2020. Vol. 3. № 3. P. 225–233. DOI: 10.26599/BDMA.2020.9020008.

Katsanis S. H. Pedigrees and Perpetrators: Uses of DNA and Genealogy in Forensic Investigations // *Annual Review of Genomics and Human Genetics*. 2020. № 21. P. 535–564.

- Kolosova N. M.* Modern Model of Genomic and Other Research Regulations // Journal of Siberian Federal University – Humanities and Social Sciences. 2020. Vol. 13. № 6. P. 1020–1027.
- Krekora-Zajac D.* Civil Liability for Damages Related to Germline and Embryo Editing against the Legal Admissibility of Gene Editing // Palgrave Communications. 2020. Vol. 6. № 1. P. 1–8. DOI: 10.1057/s41599-020-0399-2.
- Luneva E. V.* Legal Support of Environmental Safety with Targeted and Non-Targeted Changes in the Genome of Living Organisms // Journal of Environmental Treatment Techniques. 2019. № 7. P. 935–938.
- Marchant G., Barnes M., Evans J. P., LeRoy B., Wolf S. M.* From Genetics to Genomics: Facing the Liability Implications in Clinical Care // Journal of Law, Medicine and Ethics. 2020. Vol. 48. № 1. P. 11–43.
- Mokhov A. A., Levushkin A. N., Yavorsky A. N.* Genome Editing of Human Embryo: Allow or Prohibit? // Journal of Advanced Research in Law and Economics. 2020. Vol. 11. № 2. P. 483–490.
- Niemiec E., Howard H. C.* Ethical Issues Related to Research on Genome Editing in Human Embryos // Computational and Structural Biotechnology Journal. 2020b. Vol. 18. P. 887–890.
- Niemiec E., Howard H. C.* Germline Genome Editing Research: What Are Gamete Donors (Not) Informed About in Consent Forms? // CRISPR Journal. 2020a. Vol. 3. № 1. P. 52–60.
- Nordberg A., Minssen T., Feeney O. et al.* Regulating Germline Editing in Assisted Reproductive Technology: An EU Cross-Disciplinary Perspective // Bioethics. 2020. Vol. 34. № 1. P. 16–32.
- Robinson J. O., Wynn J., Biesecker B.* Psychological Outcomes Related to Exome and Genome Sequencing Result Disclosure: A Meta-Analysis of Seven Clinical Sequencing Exploratory Research (CSER) Consortium Studies // Genetics in Medicine. 2019. Vol. 21. № 12. P. 2781–2790.
- Townsend B. A.* Human Genome Editing: How to Prevent Rogue Actors // BMC Medical Ethics. 2020. Vol. 21. № 1. DOI: 10.1186/s12910-020-00527-w.
- Tracking Genetic Discrimination // Nat Genet. 2020. Vol. 52. № 5:465. P. 465. DOI: 10.1038/s41588-020-0632-3.
- Turbitt E., Roberts M. C., Hollister B. M.* Ethnic Identity and Engagement with Genome Sequencing Research // Genetics in Medicine. 2019. Vol. 21. № 8. P. 1735–1743. DOI: 10.1038/s41436-018-0410-0.
- Vasiliev S. A., Burtsev A. K., Osavelyuk A. M. et al.* Legal Regulation of Consent to the Provision of Biomaterial for Genome Research in the USA // International Journal of Advanced Research in Engineering and Technology. 2020. Vol. 11. № 4. P. 461–467.
- Yotova R.* Regulating Genome Editing under International Human Rights Law // International and Comparative Law Quarterly. 2020. Vol. 69. № 3. P. 653–684.
- Берг Л. Н., Владимирова Д. С., Лисаченко А. В.* Геном, человек, право: проблемы теории и практики правового воздействия. М.: Юрлитинформ, 2021. 200 с.
- Джон Т.* Теория науки. М.: Наука, 1983. 192 с.
- Кара-Мурза С. Г.* Дисциплинарность и взаимодействие наук. М., 1986. 324 с.
- Коданева М. С.* Психогенетика: учеб. пособие. Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2019. 160 с.
- Козаченко И. Я., Сергеев Д. Н.* Генетические исследования: законодательство и уголовная политика. Екатеринбург: Лаб. SAPIENTIA, 2019. 268 с.
- Лукашевич В. К.* Научный метод: структура, обоснование, развитие. Минск: Навука і тэхніка, 1991. 206 с.
- Марача В.* Отличительные черты методологического мышления, определяющие особенности ММК как интеллектуальной традиции // Методология ММК и особенности методологического мышления: 6-я ежегод. конф. (1 июня 2012 г.). URL: <http://www.fondgp.ru/projects/conference/mmk> (дата обращения: 03.08.2021).
- Селье Г.* От мечты к открытию: Как стать ученым. М.: Прогресс, 1987. 368 с.
- Степин В. С.* Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 1999. 390 с.
- Степин В. С., Горохов В. Г., Розов М. А.* Философия науки и техники: учеб. пособие для высш. учеб. заведений. М.: Контакт-Альфа, 1995. 377 с.
- Юдин Э. Г.* Методология науки. Системность. Деятельность. М.: Эдиториал УРСС, 1997. 444 с.

Юдин Э. Г. Системный подход и принцип деятельности. Методологические проблемы современной науки. М.: Ин-т истории естествознания и техники; Наука, 1978. 391 с.

Федор Викторович Фетюков – кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательской лаборатории правового обеспечения безопасного использования генетической и геномной информации Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева. 620137, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21. E-mail: fetukov@inbox.ru.

ORCID: 0000-0003-1621-3142

Human Genome as an Object of Interdisciplinary Socio-Humanitarian Research and a System of Appropriate Methodological Means

The author puts forward a hypothesis about the interdisciplinary interaction of social sciences and humanities during the research of the human genome. The hypothesis is tested by means of characterizing the human genome as an object of interdisciplinary social and humanitarian research and the system of the corresponding methodological means. The paper also identifies the methodological interaction between natural and social sciences and humanities, which resulted in the emergence of such synthetic areas of knowledge as psychogenetics and behavioral genetics.

The author concludes that the special significance of the consequences of studying and using the human genome for society and individual determines the social and humanitarian interdisciplinary connections, thanks to which the human genome becomes an object of interdisciplinary social and humanitarian research. The paper reveals their subject orientation towards the social regulation of genomic research, legal protection of genomic information, and standardization of the human genome research and the use of its results. In such studies, the following methodology is applied: philosophical and methodological analysis; general scientific methodological principles; special scientific methodological approach.

Keywords: human genome, interdisciplinarity, object of research, legal protection, genetic information, social regulation, methodology, synergy

Recommended citation

Fetyukov F. V. Genom cheloveka kak ob"ekt sotsial'no-gumanitarnykh issledovaniy i sistema sootvetstvuyushchikh im metodologicheskikh sredstv [Human Genome as an Object of Socio-Humanitarian Research and a System of Appropriate Methodological Means], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2022, no. 3, pp. 4–14, DOI: 10.34076/2410_2709_2022_3_4.

References

Angrist M., Barrangou R., Baylis F. et al. Reactions to the National Academies / Royal Society Report on Heritable Human Genome Editing, *CRISPR Journal*, 2020, no. 3, pp. 332–349.

Berg L. N., Vladimirova D. S., Lisachenko A. V. *Genom, chelovek, pravo: problemy teorii i praktiki pravovogo vozdeistviya* [Genome, Human, Law: Problems of Theory and Practice of Legal Impact], Moscow, Yurlitinform, 2021, 200 p.

Berryessa C. M. Potential Implications of Research on Genetic or Heritable Contributions to Pedophilia for the Objectives of Criminal Law, *Recent Advances in DNA & Gene Sequence*, 2014, vol. 8, no. 2, pp. 65–77.

Blinov A. G., Lapunin M. M., Evstifeeva E. V. et al. Foreign Experience of Legal Regulation and Protection of Relations in the Sphere of Genome Editing, *Lecture Notes in Networks and Systems*, 2020, no. 111, pp. 611–617.

Bu Q. Reassess the Law and Ethics of Heritable Genome Editing Interventions: Lessons for China and the World, *Issues in Law & Medicine*, 2019, vol. 34, no. 2, pp. 115–146.

Coors M. E. Genetic Research on Addiction: Ethics, the Law, and Public Health, *American Journal of Psychiatry*, 2013, vol. 170, no. 10, pp. 1215–1216.

Davis L. Stewards of the Genome: Ethical Issues Related to Data Privacy and Sharing in Psychiatric Genetics Research, *European Neuropsychopharmacology*, 2019, vol. 29, supp. 4, pp. 1049, DOI: 10.1016/j.euroneuro.2018.07.060.

Doronina N., Semilyutina N., Tsirina M. Methodology of Interdisciplinary Research on the Example of Scientific Research of the Human Genome, *E3S Web of Conferences International Scientific Conference on Biotechnology and Food Technology (BFT-2020)*, 2020, vol. 215, no. 05008, pp. 1–8, DOI: 10.1051/e3sconf/202021505008.

Doronina N. G., Semilutina N. G., Tsirina M. A. *Bioinformatics and Issues of Conclusion a Contract for Provision of Medical Services*, Ashmarina S. I., Horák J., Vrbka J. et al. (eds.) *Economic Systems in the New Era: Stable Systems in an Unstable World. IES 2020. Lecture Notes in Networks and Systems*, 2021, vol. 160, pp. 99–107, DOI: 10.1007/978-3-030-60929-0_14.

Dupras C., Birko S., Afddal A. O. et al. Governing the Futures of Non-Invasive Prenatal Testing: an Exploration of Social Acceptability Using the Delphi Method, *Social Science and Medicine*, 2020, no. 112930, pp. 1–10, DOI: 10.1016/j.socscimed.2020.112930.

Dzyun T. *Teoriya nauki* [Theory of Science], Moscow, Nauka, 1983, 192 p.

Fetyukov F. V. Development of Legislation on Human Cloning: World Experience and a Promising Legal Model for Modern Russia, *RUDN Journal of Law*, 2020, vol. 24, no. 4, pp. 881–900, DOI: 10.22363/2313-2337-2020-24-4-881-900.

Fletcher J. M., Lu Q. Health Policy and Genetic Endowments: Understanding Sources of Response to Minimum Legal Drinking Age Laws, *Health Economics (United Kingdom)*, 2021, vol. 30, no. 1, pp. 194–203.

Golingerhorst D. R., Prince A. E. R. A Survey of U. S. State Insurance Commissioners Concerning Genetic Testing and Life Insurance: Redux at 27, *Journal of Genetic Counseling*, 2020, vol. 29, no. 6, pp. 928–935.

Harden K.P. Reports of My Death Were Greatly Exaggerated: Behavior Genetics in the Postgenomic Era, *Annual Review of Psychology*, 2021, vol. 72, no. 1, pp. 37–60.

He Z., Zhou J. Inference Attacks on Genomic Data Based on Probabilistic Graphical Models, *Big Data Mining and Analytics*, 2020, vol. 3, no. 3, pp. 225–233. DOI: 10.26599/BDMA.2020.9020008.

Kara-Murza S. G. *Distsiplinarnost' i vzaimodeistvie nauk* [Disciplinarity and Interaction of Sciences], Moscow, 1986, 324 p.

Katsanis S. H. Pedigrees and Perpetrators: Uses of DNA and Genealogy in Forensic Investigations, *Annual Review of Genomics and Human Genetics*, 2020, no. 21, pp. 535–564.

Kodaneva M. S. *Psihogenetika* [Psychogenetics], Vologda, VIPE FSIN Rossii, 2019, 160 p.

Kolosova N. M. Modern Model of Genomic and Other Research Regulations, *Journal of Siberian Federal University – Humanities and Social Sciences*, 2020, vol. 13, no. 6, pp. 1020–1027.

Kozachenko I. Ya., Sergeev D. N. *Geneticheskie issledovaniya: zakonodatel'stvo i ugovol'naya politika* [Genetic Research: Legislation and Criminal Policy], Ekaterinburg, Lab. SAPIENTIA, 2019, 268 p.

Krekora-Zajac D. Civil Liability for Damages Related to Germline and Embryo Editing against the Legal Admissibility of Gene Editing, *Palgrave Communications*, 2020, vol. 6, no. 1, pp. 1–8, DOI: 10.1057/s41599-020-0399-2.

Lukashevich V. K. *Nauchnyi metod: struktura, obosnovanie, razvitie* [Scientific Method: Structure, Justification, Development], Minsk, Navuka i tekhnika, 1991, 194 p.

Luneva E. V. Legal Support of Environmental Safety with Targeted and Non-Targeted Changes in the Genome of Living Organisms, *Journal of Environmental Treatment Techniques*, 2019, no. 7, pp. 935–938.

Maracha V. *Otlichitel'nye cherty metodologicheskogo myshleniya, opredelyayushchie osobennosti MMK kak intellektual'noi traditsii* [Distinctive Features of Methodological Thinking That Determine the Characteristics of the MMK as an Intellectual Tradition], *Metodologiya MMK i osobennosti metodologicheskogo myshleniya* [MMK Methodology And Features Of Methodological

Thinking]: conference papers, Moscow, 2012, available at: <http://www.fondgp.ru/projects/conference/mmk> (accessed: 03.08.2021).

Marchant G., Barnes M., Evans J. P. et al. From Genetics to Genomics: Facing the Liability Implications in Clinical Care, *Journal of Law, Medicine and Ethics*, 2020, vol. 48, no. 1, pp. 11–43.

Mokhov A. A., Levushkin A. N., Yavorsky A. N. Genome Editing of Human Embryo: Allow or Prohibit? *Journal of Advanced Research in Law and Economics*, 2020, vol. 11, no. 2, pp. 483–490.

Niemiec E., Howard H. C. Germline Genome Editing Research: What Are Gamete Donors (Not) Informed About in Consent Forms?, *CRISPR Journal*, 2020a, vol. 3, no. 1, pp. 52–60.

Niemiec E., Howard H. C. Ethical Issues Related to Research on Genome Editing in Human Embryos, *Computational and Structural Biotechnology Journal*, 2020b, vol. 18, pp. 887–890.

Nordberg A., Minssen T., Feeney O. et al. Regulating Germline Editing in Assisted Reproductive Technology: An EU Cross-Disciplinary Perspective, *Bioethics*, 2020, vol. 34, no. 1, pp. 16–32.

Robinson J. O., Wynn, J., Biesecker B. Psychological Outcomes Related to Exome and Genome Sequencing Result Disclosure: a Meta-Analysis of Seven Clinical Sequencing Exploratory Research (CSER) Consortium Studies, *Genetics in Medicine*, 2019, vol. 21, no. 12, pp. 2781–2790.

Sel'e G. *Ot mechty k otkrytiyu: Kak stat' uchenym* [From Dreams to Discovery: How to Become a Scientist], Moscow, Progress, 1987, 368 p.

Stepin V. S. *Teoreticheskoe znanie* [Theoretical Knowledge], Moscow, Progress-Traditsiya, 1999, 390 p.

Stepin V. S., Gorokhov V. G., Rozov M. A. *Filosofiya nauki i tekhniki* [Philosophy of Science and Technology], Moscow, Contact-Alpha, 1995, 377 p.

Townsend B. A. Human Genome Editing: How to Prevent Rogue Actors, *BMC Medical Ethics*, 2020, vol. 21, no. 1:95, DOI: 10.1186/s12910-020-00527-w.

Tracking Genetic Discrimination, *Nat Genet*, 2020, vol. 52, no. 5:465, p. 465, DOI: 10.1038/s41588-020-0632-3.

Turbitt E., Roberts M. C., Hollister B. M. Ethnic Identity and Engagement with Genome Sequencing Research, *Genet Med*, 2019, vol. 21, no. 8, pp. 1735–1743, DOI: 10.1038/s41436-018-0410-0.

Vasiliev S. A., Burtsev A. K., Osavelyuk A. M. et al. Legal Regulation of Consent to the Provision of Biomaterial for Genome Research in the USA, *International Journal of Advanced Research in Engineering and Technology*, 2020, vol. 11, no. 4, pp. 461–467.

Yotova R. Regulating Genome Editing under International Human Rights Law, *International and Comparative Law Quarterly*, 2020, vol. 69, no. 3, pp. 653–684.

Yudin E. G. *Metodologiya nauki. Sistemnost'. Deyatel'nost'* [Methodology of Science. Consistency. Activity], Moscow, Editorial URSS, 1997, 444 p.

Yudin E. G. *Sistemnyi podkhod i printsip deyatel'nosti. Metodologicheskie problemy sovremennoi nauki* [System Approach and Principle of Activity. Methodological Problems of Modern Science], Moscow, AN SSSR, In-t istorii estestvoznaniya i tekhniki, Nauka, 1978, 391 p.

Fyodor Fetukov – candidate of juridical sciences, leading researcher of the Research Laboratory of Legal Support for the Safe Use of Genetic and Genomic Information, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev. 620137, Russian Federation, Ekaterinburg, Komsomol'skaya str., 21. E-mail: fetukov@inbox.ru.

ORCID: 0000-0003-1621-3142

Дата поступления в редакцию / Received: 26.10.2021

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 01.12.2021

В. С. Одинцова
Уральский государственный
юридический университет им. В. Ф. Яковлева
(Екатеринбург)

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НА ЗДОРОВЬЕ В КОНТЕКСТЕ ПРИМЕНЕНИЯ ГЕНЕТИЧЕСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ*

Автор исследует вопрос реализации индивидом права на здоровье в свете применения современных генетических технологий на примере возможности вмешательства в геном человека. Рассмотрено закрепление права на здоровье в международно-правовых актах.

Анализируется вопрос о возможности вмешательства в геном на примере положений Конвенции Овьедо. Акцентировано внимание на целях такого вмешательства. Автор указывает, что решением вопросов нарушения права на здоровье при применении генетических технологий может выступать создание специальных правовых комитетов по рассмотрению индивидуальных обращений о возможности применения процедур вмешательства в геном. Предложены следующие критерии для определения возможности такого вмешательства: его цель (только медицинская), полный запрет на осуществление «негативного» медицинского вмешательства, исключение каких-либо последствий для будущих поколений.

Ключевые слова: права человека, право на здоровье, генетические технологии, вмешательство в геном человека

Для цитирования

Одинцова В. С. Международно-правовой аспект реализации права на здоровье в контексте применения генетических технологий // Российское право: образование, практика, наука. 2022. № 3. С. 15–19. DOI: 10.34076/2410_2709_2022_3_15.

УДК 341

DOI: 10.34076/2410_2709_2022_3_15

Сегодня на международном уровне не вызывает сомнений важность защиты прав человека. Одно из них – право каждого человека на охрану здоровья или право на здоровье. Отмечается, что те права, которые отражают ценности общества, имеют наибольшие шансы на успешную реализацию [Shaw 2014: 490]. К таким правам можно отнести право на здоровье, так как оно является универсальным, базовым и неотъемлемым правом каждого индивида в любом обществе. Кроме того, оно необходимо для реализации

других прав человека¹. Право на здоровье тесно связано с правом на жизнь, так как реализация первого обеспечивает полноценное осуществление второго. Ф. В. Цомартова указывает, что «здоровье является неотъемлемой составляющей социального благополучия» [Цомартова 2021: 9].

В связи с быстрым развитием биотехнологий, необходимостью решения глобальных вопросов в области здравоохранения высказываются мнения о формировании новой отрасли международного права – международного здравоохранительного права [Маличенко 2021] или международного биоме-

* Исследование выполнено за счет средств субсидии федерального бюджета на реализацию научного проекта на тему «Выявление проблем правового регулирования в сфере использования генетической и геномной информации. Подготовка научно обоснованных предложений по внесению изменений в систему российского законодательства с целью их устранения» (шифр темы: FEUW-2020-0005).

¹ Замечание общего порядка № 14 (2000). Право на наивысший достижимый уровень здоровья (статья 12 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах) // URL: <https://www.refworld.org/ru/docid/47ebcc3c2.html> (дата обращения: 15.03.2022).

дицинского права [Воронина, Савощикова, Саблин 2018]. Вместе с тем сейчас можно рассматривать вопросы защиты прав человека в связи с применением новых биомедицинских и генетических технологий в рамках международного права прав человека.

Право на здоровье закреплено во многих международно-правовых актах универсального и регионального уровня. Статья 25 Всеобщей декларации прав человека 1945 г. гласит, что «каждый человек имеет право на медицинский уход, который необходим для поддержания его здоровья». Согласно ч. 1 ст. 12 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах 1966 г. «участвующие в настоящем Пакте государства признают право каждого человека на наивысший достижимый уровень физического и психического здоровья».

В ст. 11 Европейской социальной хартии 1996 г. указывается необходимость обеспечения права на охрану здоровья. Статья 16 Африканской хартии прав человека и народов 1986 г. гарантирует каждому человеку «максимально возможный уровень физического и психического здоровья». Конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г. не закрепляет права на здоровье прямо, но его гарантированность подтверждается в практике Европейского Суда по правам человека в связи с нарушением права на жизнь (ст. 2), права на уважение частной и семейной жизни (ст. 8), запрещением дискриминации (ст. 14). В ст. 3 Конвенции о защите прав человека и человеческого достоинства в связи с применением достижений биологии и медицины: Конвенции о правах человека и биомедицине (далее – Конвенция Овьедо) говорится о том, что страны должны принимать необходимые меры, направленные на обеспечение равной для всех членов общества доступности медицинской помощи.

Гарантирование права на здоровье налагает на государство позитивные и негативные обязательства по его реализации. Вместе с тем, как отмечает Ш. Р. Долаев, если государство предоставляет возможность для вмешательства в геном в целях, закрепленных в Конвенции Овьедо, то на государство возлагаются контрольные функции в форме запретов, надзора за исследовательской деятельностью, санкционирования определенных видов исследований [Долаев 2004: 120–121].

Понятие здоровья закреплено в Преамбуле Устава Всеобщей организации здравоохранения 1946 г. и означает «состояние полного физического, душевного и социального благополучия, а не только отсутствие болезней или физических дефектов». А. Ю. Ястребова и Е. Е. Гуляева отмечают, что в праве Совета Европы и Европейского союза в связи с различными вопросами в области биоэтики, редактирования генома человека право на здоровье толкуется расширительно [Ястребова, Гуляева 2021: 100].

Право на здоровье может обеспечиваться, в том числе, путем подготовки большого количества медицинских работников, поддержки медицинского образования, научных исследований в области медицины. А. М. Солнцев отмечает, что рассматриваемое право содержит и «экологическую компоненту» [Солнцев 2016].

Кроме того, право на здоровье включает свободу не подвергаться принудительному медицинскому вмешательству¹. В части I Европейской социальной хартии закреплено, что «каждый имеет право на использование любых средств, позволяющих ему поддерживать свое здоровье в наилучшем возможном состоянии».

В зависимости от уровня развития страны право на здоровье охватывает разные компоненты. Так, в развивающихся странах важно само получение права на оказание медицинской помощи и доступа к ней [Andorno 2002: 961], возникают проблемы с наличием питьевой воды, прохождением базового курса вакцинации и т. п. В развитых же странах большое значение имеют вопросы трансплантации органов, вмешательства в геном человека в медицинских целях, наличия добровольного информированного согласия на оказание тех или иных медицинских услуг. Внимание при этом обращается на качество оказания данных услуг, последствия вмешательства в геном человека для будущих поколений, этический аспект различных манипуляций [Каюмова 2019].

Возможность редактирования генома является результатом научного прогресса в сфере здравоохранения. Вместе с тем научный прогресс в области медицины, биоэтики се-

¹ Права на здоровье // URL: <https://www.ohchr.org/sites/default/files/Factsheet31ru.pdf> (дата обращения: 15.03.2022).

годня вступает в некоторое противоречие с традиционными ценностями в обществе [Thomasma 2008: 11].

В Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах 1966 г. говорится, что каждый имеет право пользоваться результатами научного прогресса и применять их. Вместе с тем данное право может быть ограничено, например, с целью охраны здоровья нации. В связи с развитием биомедицинских технологий встает вопрос о возможности вмешательства в геном человека, а также реализации права на здоровье индивида при применении генетических технологий. Можно ли говорить о реализации индивидом своего права на здоровье при вмешательстве в геном в медицинских целях для предотвращения в будущем развития того или иного заболевания?

Конвенция Овьедо допускает возможность вмешательства в геном человека в строго установленных целях, а именно профилактических, диагностических или терапевтических (ст. 13). Таким образом исключается возможность, например, вмешательства в геном с целью изменения цвета глаз или пола потенциального ребенка. Исключением из данного положения является ситуация, когда выбор пола делается для предотвращения наследования будущим ребенком заболевания, связанного с полом (ст. 14). Кроме того, вмешательство в геном не должно повлечь за собой изменение генома последующих поколений.

Необходимо отметить, что при любом медицинском вмешательстве требуется наличие добровольного информированного согласия пациента на такое вмешательство. Указанный принцип был впервые закреплен еще в Нюрнбергском кодексе 1947 г. и в последующем нашем отражении в Конвенции Овьедо. В связи с этим возникает вопрос о том, возможно ли вмешательство в геном эмбриона. Здесь, на наш взгляд, достаточным является получение согласия на это родителей будущего ребенка. Принимая решение, родитель действует в интересах будущего ребенка, реализуя тем самым право на здоровье в тех случаях, когда редактирование генома потенциально поможет избежать развития какого-либо заболевания. Например, впервые редактирование генома эмбриона было осуществлено в 2018 г. Хэ Цзянькуем; в результате родились близнецы, предположительно обладающие иммунитетом к ВИЧ-инфекции.

Таким образом, цель вмешательства в геном человека имеет первостепенное значение при решении вопроса о законности и возможности такого вмешательства. Вместе с тем нельзя говорить о том, что вмешательство в геном человека в медицинских целях должно стать общим правилом, скорее, оно является исключением и применяется, когда невозможно добиться излечения иным способом.

Медицинское вмешательство в геном человека можно условно разделить на «позитивное» и «негативное». «Позитивное» вмешательство предполагает устранение какого-либо генетического заболевания, предрасположенность к которому имеет ребенок. «Негативное» вмешательство осуществляется с целью намеренного ухудшения состояния здоровья, например, вызывания глухоты у детей. Указанное вмешательство не отвечает, на наш взгляд, требованиям обеспечения наилучших интересов ребенка, а противоречит им.

Можно ли говорить о реализации индивидом своего права на здоровье при вмешательстве в геном в медицинских целях для предотвращения в будущем развития того или иного заболевания?

Возможным выходом при решении вопроса реализации права на здоровье и вмешательства в геном человека может выступить создание на национальном уровне специальных комитетов по рассмотрению вопросов о правовой возможности осуществления указанных процедур, их сопровождения, а также этической составляющей в каждом деле. При этом необходимо соблюдать баланс между реализацией индивидом своего права на здоровье и соблюдением прав будущих поколений. Правовое сопровождение данных манипуляций будет исключать вероятность нарушения прав лиц, подвергшихся такому вмешательству. Основными критериями для решения вопроса о возможности вмешательства в геном человека будут являться цель такого вмешательства (только медицинская), полный запрет на осуществление «негативного» медицинского вмешательства, исключение каких-либо последствий для будущих поколений.

Список литературы

Andorno R. Biomedicine and International Rights Law: In Search of a Global Consensus // Bulletin of the World Health Organization. 2002. № 80. P. 959–963.

Thomasm D. C. Evolving Bioethics and International Human Rights // Autonomy and Human Rights in Health Care / ed. by D. N. Weisstub, G. D. Pintos. Berlin: Springer, 2008. P. 11–24.

Shaw M. N. International Law. 7th ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. 1063 p.

Воронина И. А., Савощикова Е. В., Саблин Д. А. Интеграция биомедицины и биоэтики в правовое пространство как основа охраны и защиты прав граждан на здоровье и медицинскую помощь // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 9. С. 67–70.

Долаев Ш. Р. Прогресс в медицине и проблема защиты прав человека: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. 176 с.

Каюмова А. Р. Защита прав человека в контексте применения современных биотехнологий: некоторые проблемы // Юрист. 2019. № 1. С. 64–71.

Маличенко В. С. Формирование международного права здравоохранения // Московский журнал международного права. 2021. № 4. С. 6–20.

Солнцев А. М. Защита экологических прав человека в контексте интернационализации конституционного права // Вестник Костромского государственного университета. 2016. № 4. С. 196–199.

Цомартова Ф. В. Право и биомедицина: моногр. М.: ИЗИСП; Норма; Инфра-М, 2021. 136 с.

Ястребова А. Ю., Гуляева Е. Е. Право на здоровье в системе международно-правовой защиты прав человека на универсальном и региональном уровне // Московский журнал международного права. 2021. № 2. С. 99–121.

Виктория Сергеевна Одинцова – аспирант кафедры международного и европейского права Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева. 620137, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21. E-mail: vika1769533@mail.ru.

ORCID: 0000-0003-2476-6820

The International Legal Dimension of Realization of the Right to Health in the Context of Genetic Technologies

The author examines the realization of the right to health of the individual in the light of applying modern genetic technologies, on the example of the possibility of intervention in the human genome. The normative-legal entrenchment of the right to health in international legal instruments is considered in the paper.

The possibility of intervening in the genome is analyzed on the example of the provisions of the Oviedo Convention. Attention is focused on the purpose of such intervention. On the author's opinion, the issue of violation of the right to health when using genetic technologies, could be addressed by establishing special legal committees to consider individual applications for possible procedures of interference with the genome. The following criteria are suggested for determining the possibility of intervention in the human genome: the purpose of such intervention (medical only), a total ban on «negative» medical intervention, avoiding any impact on future generations.

Keywords: human rights, right to health, genetic technologies, interventions in the human genome

Recommended citation

Odintsova V. S. Mezhdunarodno-pravovoi aspekt realizatsii prava na zdorov'e v kontekste primeneniya geneticheskikh tekhnologii [The International Legal Dimension of Realization of the Right to Health in the Context of Genetic Technologies], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2022, no. 3, pp. 15–19, DOI: 10.34076/2410_2709_2022_3_15.

References

Andorno R. Biomedicine and International Rights Law: In Search of a Global Consensus, *Bulletin of the World Health Organization*, 2002, vol. 80, no. 12, pp. 959–963.

Dolaev Sh. R. *Progress v meditsine i problema zashchity prav cheloveka* [Advances in Medicine and the Protection of Human Rights]: cand. jur. sc. thesis, Moscow, 2004, 176 p.

Kayumova A. R. Zashchita prav cheloveka v kontekste primeneniya sovremennykh biotekhnologii: nekotorye problem [Human Rights Protection in View of Application of Modern Biotechnologies: Some Issues], *Yurist*, 2019, no. 1, pp. 64–71.

Malichenko V. S. Formirovanie mezhdunarodnogo prava zdravookhraneniya [The Rise of International Health Law], *Moskovskii zhurnal mezhdunarodnogo prava*, 2021, no. 4, pp. 6–20.

Shaw M. N. *International Law*, 7th ed., Cambridge, Cambridge University Press, 2014, 1063 p.

Solntsev A. M. Zashchita ekologicheskikh prav cheloveka v kontekste internatsionalizatsii konstitutsionnogo prava [Protection of Environmental Human Rights in the Context of the Internationalization of Constitutional Law], *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2016, no. 4, pp. 196–199.

Thomasma D. C. *Evolving Bioethics and International Human Rights*, Weisstub D. N., Guillerma D. P. (eds.) *Autonomy and Human Rights in Health Care*, Berlin, Springer, 2008, pp. 11–24.

Tsomartova F. V. *Pravo i biomeditsina* [Law and Biomedicine], Moscow, IZiSP, Norma, Infra-M, 2021, 136 p.

Voronina I. A., Savoshchikova E. V., Sablin D. A. Integratsiya biomeditsiny i bioetiki v pravovoe prostranstvo kak osnova okhrany i zashchity prav grazhdan na zdorov'e i meditsinskuyu pomoshch' [Integration of Biomedicine and Bioethics in the Legal Environment as a Ground for Safeguarding and Protection of Civil Rights to Health and Medical Treatment], *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo*, 2018, no. 9, pp. 67–70.

Yastrebova A. Yu., Gulyaeva E. E. Pravo na zdorov'e v sisteme mezhdunarodno-pravovoi zashchity prav cheloveka na universal'nom i regional'nom urovne [Right to Health in the International Legal System of Human Rights at the Universal and Regional Levels], *Moskovskii zhurnal mezhdunarodnogo prava*, 2021, no. 2, pp. 99–121.

Victoria Odintsova – postgraduate student of the Department of international and European law, Ural State Law University. 620137, Russian Federation, Ekaterinburg, Komsomol'skaya str., 21. E-mail: vika1769533@mail.ru.

ORCID: 0000-0003-2476-6820

Дата поступления в редакцию / Received: 13.05.2022

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 21.06.2022

А. А. Дрыгина

Казанский (Приволжский) федеральный университет
(Казань)

ЛЕТАЛЬНОЕ ОРУЖИЕ V. НЕЛЕТАЛЬНОЕ. ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ПРИМЕНЕНИЯ ОРУЖИЯ

Благодаря развитию техники и новейшим исследованиям в области медицины государства располагают широким выбором оружия, которое можно применять во время ведения военных действий или в иных ситуациях, требующих урегулирования с помощью оружия. В последнее время появилась реальная возможность использовать преимущества нелетального оружия – оружия, предназначенного не для того, чтобы уничтожить противника, но чтобы вывести его из участия в боевых действиях. Тем не менее нелетальное оружие имеет и ряд недостатков.

Автор проводит сравнение некоторых особенностей применения летальных и нелетальных видов оружия и выясняет, в каких аспектах какой вид оружия показывает себя наиболее эффективным. Рассматриваются события, происходящие как во время вооруженного конфликта, так и в мирное время (соответственно, в зависимости от контекста, изучаются ситуации, которые регулируются нормами международного гуманитарного права, международного права прав человека и национальным законодательством государств).

В статье делается вывод о том, что несмотря на равное количество достоинств и недостатков обоих видов оружия приоритет следует отдавать применению нелетального оружия ввиду его более гуманной природы. Также подчеркивается необходимость всестороннего изучения каждого случая применения нелетального оружия, так как единообразная практика его применения, в связи с его относительной «новизной», пока не сформирована.

Ключевые слова: нелетальное оружие, смертельное (летальное) оружие, конвенционное оружие, процедура проверки новых видов оружия, орудие пытки, механизмы контроля за перемещением оружия

Для цитирования

Дрыгина А. А. Летальное оружие v. нелетальное. Правовой анализ применения оружия // Российское право: образование, практика, наука. 2022. № 3. С. 20–27. DOI: 10.34076/2410_2709_2022_3_20.

УДК 341

DOI: 10.34076/2410_2709_2022_3_20

В связи с глобализацией, развитием прав человека, тенденциями к использованию относительно мирных способов урегулирования конфликтов, наметившимися во второй половине XX в., способы ведения вооруженных конфликтов и способы разрешения конфликтов внутри государства тоже претерпели изменения. В конце XX в. – начале XXI в. и на практике, и в научной литературе из всех видов оружия выделяется нелетальное оружие [Fidler 2005: 527], применяемое с целью вывода человека из строя с наименьшими потерями (Policy for Non-

Lethal Weapons, US Department of Defense Directive № 3000.3, 9 July 1996). К таким видам оружия относятся электрическое (электрошокеры), кинетическое (резиновые пули, водяные пушки), некоторые виды химического (усыпляющие вещества) и биологического (дефолианты) оружия и т. д. [Lewer, Davison 2005]. Нелетальное оружие – новый вид оружия, оно появилось после принятия большинства конвенций, устанавливающих запрет или ограничения применения оружия, и, следовательно, прямо под их действие не подпадает.

Нормы, касающиеся применения летального (традиционного / смертельного / конвенционного) оружия, закреплены в международных договорах и обычаях [Kurdukov, Drugina 2019: 194]. Данное оружие может быть как разрешенным, так и запрещенным для использования в военных действиях, оно может соответствовать или не соответствовать нормам и принципам международного гуманитарного права (далее – МГП), но отличает его то, что оно существует достаточно давно, и практика его применения уже сложилась.

Оружие обоих видов используется как во время вооруженных конфликтов, так и в миротворческих операциях, контртеррористических операциях, при беспорядках и напряжении внутри страны (т. е. в тех случаях, когда объективно требуется меньший уровень насилия из-за вовлечения в ситуацию большого числа гражданских лиц). Казалось бы, необходимо отказаться от использования смертельного оружия в пользу гуманного нелетального оружия. Однако применение каждого вида оружия обладает своими позитивными и негативными особенностями, которые рассматриваются в данной статье на основании четырех критериев. В рамках каждого критерия один из видов оружия, который показывает себя наиболее эффективным с точки зрения права, получает условный балл, и на основании этих баллов делается общий вывод о законности и эффективности применения обоих видов оружия.

1. Процедура проверки

Так как большая часть нелетальных видов оружия являются новыми, ранее не использованными механизмами и средствами, государство обязано проводить проверку перед их применением¹. Данная процедура предусмотрена ст. 36 Дополнительного протокола I к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающегося защиты жертв международных вооруженных конфликтов (далее – ДП I), которая устанавливает следующее требование: «При изучении, разработке, приобретении или принятии на вооружение новых видов оружия, средств или методов ведения войны Высокая Договаривающаяся Сторона должна

определить, подпадает ли их применение, при некоторых или при всех обстоятельствах, под запрещения, содержащиеся в настоящем Протоколе или в каких-либо других нормах международного права, применяемых к Высокой Договаривающейся Стороне».

Правовой основой анализа, определяющего, насколько применение оружия законно, являются нормы МГП. Они включают в себя:

международные договоры;

обычное право, предусматривающее запрет и ограничение применения конкретных видов оружия;

принципы гуманитарного права (пропорциональность, гуманность и т. д.);

оговорка Мартенса (в случае отсутствия правовых норм, регулирующих ситуацию, стороны конфликта должны руководствоваться принципами международного права, проистекающими из установившихся обычаев, принципов гуманности и требований общественного сознания (Конвенция о законах и обычаях сухопутной войны от 18 октября 1907 г.);

«мягкое право» (нормы международного права, носящие рекомендательный характер);

решения международных судов (Консультативное заключение Международного Суда ООН о законности угрозы ядерным оружием или его применения 1996 г.) и т. д.

Международный Комитет Красного Креста (МККК) подчеркивает, что проведение проверки требует междисциплинарного подхода [Руководство по проверке соответствия 2006: 16]. Для получения качественных и объективных результатов к проверке необходимо привлекать не только юристов, но и следующих лиц:

технических специалистов (для исследования технических характеристик и ожидаемого / реального результата применения оружия);

медицинского персонала (для исследования влияния нового вида оружия на здоровье человека);

специалистов в области экологии (для изучения влияния оружия на окружающую среду);

военнослужащих (для практического применения научных исследований) и специалистов из других областей науки [Там же: 22].

Существуют и другие важные процедурные требования: назначение национального

¹ International Humanitarian Law and the Challenges of Contemporary Armed Conflicts // 33rd International Conference of the Red Cross and Red Crescent Report (9–12 December 2019). Geneva: ICRC, 2019. P. 28–29.

учреждения ответственным за проведение проверки, оформление документации, налаживание обмена информацией между государствами и т. д. [Там же: 20–26]. Кроме того, согласно ст. 36 ДП I каждое государство-участник должно установить официальную процедуру проверки новых видов оружия. Однако на данный момент только пять государств (Швеция, Бельгия, Нидерланды, Норвегия и США) представили информацию о своих процедурах [Там же: 5–6].

Как видно из описания, проверка – это крайне сложная процедура, требующая финансовых средств, времени, привлечения специалистов и т. п. Однако даже после ее окончания неизвестно, будет ли оружие использоваться в дальнейшем. Дело в том, что результаты применения оружия на поле боя и на тренировочной площадке, как правило, не одинаковы [McClelland 2003: 405].

Во-первых, тестам, проводимым в рамках проверки, подвергаются люди с нормальным здоровьем [Coleman 2015: 195], что отличает их от потенциальных целей нелетального оружия – допустим, комбатантов во время международного вооруженного конфликта (далее – МВК). Представим ситуацию: комбатант участвует в военной операции на протяжении нескольких дней. Он устал, возможно, ослаблен ранением или ограниченным рационом. Естественно, что результаты воздействия нелетального оружия на него будут отличаться от результатов воздействия на человека, который не страдает от ран или истощения.

Во-вторых, проведение тестов контролируют врачи [Coleman 2015: 195]. Если в результате эксперимента кому-либо понадобится медицинская помощь, она будет доступна, в то время как во время боевых действий доступ к ней может быть сильно затруднен.

В-третьих, оружие не тестируется на определенных группах людей (дети и люди, которые имеют проблемы со здоровьем) [Там же]. Тестирование электромагнитного оружия, блокирующего и отключающего технические приборы, на тех, кто использует кардиостимуляторы, приравнивалось бы к убийству. Однако исключение лиц данной категории из состава испытуемых не означает того, что они не могут попасть под действие этого оружия в реальной ситуации.

В-четвертых, есть ситуации, которые невозможно предусмотреть во время тестов. Например, при атаке электрошоковым оружием происходит падение человека. Во время тестирования испытуемый падает, скорее всего, на матрас. В реальной жизни он упадет либо на землю, либо на асфальт, что вызовет совсем другие последствия для его здоровья [Там же: 195–196].

Итак, результаты тестирований могут не соответствовать действительности. Для проверки понадобится много сил и средств, а после первого использования оружия на поле боя станет ясно, что оно нарушает МГП, и его производство и применение придется остановить. Это создает дополнительные проблемы при оснащении армии [McClelland 2003: 402], а значит, скорее всего, проверки постараются избежать.

Более того, поскольку ДП I регулирует ведение военных действий в ситуации МВК, сфера его действия крайне ограничена из-за характера большинства современных конфликтов. По сути, это означает, что в ситуациях немеждународного вооруженного конфликта (далее – НВК) и внутренних беспорядках, не достигших порога, необходимого для признания ситуации вооруженным конфликтом, проверка оружия не требуется.

Конечно, необходимость проверки оружия можно интерпретировать через призму реализации принципа гуманности: государства должны проверять оружие на предмет того, чтобы оно не противоречило запрету на оружие, вызывающие излишние страдания и чрезмерные повреждения. Также здесь нужно привести мнение Международного трибунала по бывшей Югославии, который в деле Д. Тадича пришел к следующему выводу: «То, что является негуманным и, следовательно, запрещенным во время международных войн, не может не быть негуманным и недопустимым в ходе гражданской войны» (*ICTY, Prosecutor v. Tadic, 2 October 1995, Case № IT-94-1*). Однако нормы, прямо указывающей на необходимость проверки оружия в НВК, не существует, поэтому названное требование может быть истолковано не в соответствии с принципами права, а так, как выгоднее стороне конфликта.

На самом деле вызывает интерес тот факт, что данная статья расположена именно в

ДП I, а не в Дополнительном протоколе II к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., который касается защиты жертв немеждународных вооруженных конфликтов. Нет особой нужды в том, чтобы применять и контролировать применение нелетального оружия в ситуации МВК, во время которого разрешено летальное оружие. Возможно, так сложилось потому, что в статье используются термины «новые виды оружия» и «новые средства ведения войны». В 1977 г., когда были приняты протоколы, исследования нелетального оружия находились в начальной стадии, и под новыми видами оружия, скорее всего, подразумевалось либо атомное, либо биологическое оружие, либо оружие, изменяющее структуру Земли¹.

Если же используется конвенционное оружие, которое подпадает под требование норм МГП (не причиняет излишние страдания и чрезмерные повреждения, не является неизбирательным, и его применение не ведет к неизбежной смерти того, в отношении кого данное оружие применяется), то проверку, предусмотренную ст. 36 ДП I, проводить не требуется.

Появляется проблема: при выборе между двумя видами оружия становится ясно, что конвенционное оружие использовать гораздо выгоднее с точки зрения стоимости и времени². Это значит, что права человека будут принесены в жертву экономическим интересам государства, ведущего военные действия.

Можно сделать вывод, что в данном аспекте конвенционное оружие имеет более выгодное положение, так как нет необходимости проводить проверку и осуществлять какие-либо мероприятия перед его применением на поле боя. Соответственно, счет 1:0.

¹ В 1972 г. была принята Конвенция о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении, а в 1976 г. – Конвенция о запрещении военного или любого иного враждебного использования средств воздействия на природную среду (Конвенция ENMOD), запрещающая военное или любое другое враждебное использование средств воздействия на окружающую среду путем преднамеренного управления природными процессами.

² Здесь важно уточнить следующую деталь: сравниваются летальное оружие и нелетальное, которое еще не прошло проверку. Последнее может привести к неожиданным результатам и более серьезным последствиям для жизни и здоровья комбатантов, чем летальное оружие.

2. Психологические аспекты целесообразности применения оружия

Многие специалисты отмечают особенности в поведении тех, кто использует нелетальное оружие [Koplow 2015: 236]. Кажется, что применение данного оружия отвечает требованиям, которые должны выполнять государства в силу международного права. Намного гуманнее вывести врага из строя, чем уничтожить его. Но название «нелетальное оружие» не совсем точно отражает его сущность: при определенных обстоятельствах оно может быть смертельным [Fidler 1999: 63]. В данном пункте мы рассмотрим законность применения нелетального оружия в ситуациях вне вооруженного конфликта, через призму международного права прав человека (далее – МППЧ).

С точки зрения международного права конвенционное оружие имеет более выгодное положение, так как нет необходимости проводить проверку и осуществлять какие-либо мероприятия перед его применением на поле боя

Обладание «нелетальной силой» порой может привести к опрометчивым действиям тех, кто ее применяет. Например, в шерифском управлении округа Ориндж, Калифорния, участились случаи причинения смерти подозреваемым лицам после того, как все офицеры в управлении получили в распоряжение электрошокеры. Однако это было не единственное негативное последствие обновления экипировки: общее количество случаев применения силы в отношении задержанных лиц увеличилось в несколько раз. Принцип «Сначала стрелять, потом задавать вопросы» сыграл с полицейскими злую шутку, что неудивительно: неблагоприятные последствия атак против задержанных, несомненно, были смягчены спецификой воздействия нелетального оружия на здоровье человека³.

Как ни печально, мы можем наблюдать противоречивую картину: смягчение последствий привело к росту количества случаев применения оружия.

³ Berenson A. As Police Use of Tasers Soars, Questions Over Safety Emerge // URL: <http://www.nytimes.com/2004/07/18/us/as-police-use-of-tasers-soars-questions-over-safety-emerge.html> (дата обращения: 16.05.2022). См. также: [Koplow 2015: 236].

Международная неправительственная организация *Amnesty International* обеспокоена тем, что нелетальное оружие, болезненное при применении, но не оставляющее на теле человека заметных следов, может прекрасно использоваться в качестве орудия пытки¹. Об этом говорил и Специальный репортер по пыткам в одном из своих докладов: «Уже в течение многих лет до сведения правительств доводится информация о пытках с использованием инструментов, предназначенных для охраны порядка и безопасности, в частности с использованием электрошокового оружия (дубинки, ружья, пояса), устройств кинетического действия и химических веществ (слезоточивый газ и перцовый аэрозоль)»².

Поскольку норма о запрете пыток имеет абсолютный характер³ даже в сравнении с таким важным правом, как право на жизнь, в подобных ситуациях более гуманный характер, как ни странно это звучит, имеет летальное оружие. Счет 2:0.

3. Упрощенный доступ к оружию

Если получить доступ к некоторым видам нелетального оружия нелегко (скорее всего, будет проблематично найти газ, основой для которого является наркотическое вещество⁴), то другие его виды продаются свободно. Электрошокеры, слезоточивые отравляющие вещества и их компоненты, перцовые аэрозоли используются в повседневной жизни, и их покупка не требует даже особых усло-

вий [Casey-Maslen 2010: 2] (например, достижения определенного возраста; магазины, продающие такое оружие, свободно располагаются в торговых центрах; при продаже оружия продавцы не спрашивают даже паспорт). Такая располагающая среда привела к тому, что уличные преступники взяли на вооружение станнеры и перцовые спреи [Volokh 2010: 209].

Если доступ к летальному оружию регулируется специальными международными механизмами, например Договором о торговле оружием 2013 г., то регулирование нелетального оружия остается на уровне национального законодательства, а значит, механизм покупки данного оружия, как правило, упрощен.

В связи с тем что применение нелетальных видов оружия часто затрагивает такие права человека, как право на жизнь и право не подвергаться пыткам и жестокому и бесчеловечному обращению и наказанию [Crowley 2014: 337], в Европейском союзе принято Руководство от 27 июня 2005 г. № 1236/2005, запрещающее международную торговлю вооружениями, которые не имеют иной практической цели, кроме приведения в исполнение смертной казни, осуществления пыток и иного ненадлежащего обращения. Руководство создает механизм контроля за продажей вооружений, предназначенных для полицейской деятельности и охраны безопасности и часто используемых для ненадлежащего обращения. Для оборота таких предметов (например, переносных электрошоковых устройств, перцовых аэрозолей) требуется специальное разрешение от государств-членов ЕС [Casey-Maslen 2010: 32–33]. В 2014 г. запрет также распространился на утяжеленные фиксаторы ног, смирительные кресла и кнуты (Руководство ЕС от 16 июля 2014 г. № 775/2014).

Итак, механизмы контроля за обоими видами вооружений существуют, и за это им можно поставить по баллу. Тем не менее Договор о торговле оружием 2013 г. не ратифицирован большинством государств, а действие Руководств № 1236/2005 и 775/2014 распространяется только на государства ЕС. Также необходимо учитывать, что фактически оба документа не исполняются в надлежащем виде [Там же]. В связи с изложенным по данному критерию сравнения оба вида оружия получают ноль баллов. Общий счет 2:0.

¹ Amnesty International's Concerns about Taser Use: Statement to the U. S. Justice Department Inquiry into Deaths in Custody. 2007 // URL: <https://www.amnesty.org/en/wp-content/uploads/2021/05/AMR511512007ENGLISH.pdf> (дата обращения: 16.05.2022).

² Study on the situation of trade in and production of equipment which is specifically designed to inflict torture or other cruel, inhuman or degrading treatment, its origin, destination and forms / submitted by Theo van Boven, Special Rapporteur on Torture, pursuant to resolution 2002/38 of the Commission on Human Rights. Geneva: UN, 2003. P. 5.

³ Report of the International Law Commission on the work of its seventy-first session (A/74/10) // Seventy-first session (29 April – 7 June and 8 July – 9 August 2019). N. Y.: UN, 2019. P. 178.

⁴ В 2002 г. в рамках операции по освобождению заложников в качестве нелетального оружия использовался инкапситуант, относящийся к «фентаниловому классу синтетических опиоидов... Фентанил также известен как наркотик» (постановление ЕСПЧ от 20 декабря 2011 г. по делу «Финогенов и другие (Finogenov and others) против России» (жалобы № 18299/03 и 27311/03).

4. Процесс обучения применению оружия

При изучении этого критерия необходимо разделить контекст вооруженного конфликта и мирного времени.

Обучение вооруженных сил применению оружия – это неотъемлемая часть военной подготовки [Alexander 1995]. Офицеры и солдаты перед участием в военных действиях проходят обучение правилам обращения с конвенционным оружием. В случае если вооруженные силы во время конфликта используют нелетальное оружие, войска должны быть обучены, как им пользоваться и как обеспечить уход за солдатами, выведенными из строя этим оружием. По мнению Д. Фидлера, обучение организовать несложно, но на практике могут возникнуть проблемы с увеличившимся объемом информации об использовании разных видов оружия и уходе за его жертвами [Fidler 1999: 85]. По нашему мнению, здесь, скорее всего, основную сложность составит не организация качественного обучения использованию нелетального оружия, а поиск ответов на следующие вопросы из теории и практики МГП. С учетом того что действие нелетального оружия временное, плюс результаты воздействия оружия на организм индивидуальны для каждого участника сражения, то являются ли те, кто поражен нелетальным оружием, *hors de combat* в классическом смысле? Если нет, то в какой степени на них распространяется иммунитет *hors de combat*? Сколько времени нужно комбатанту для восстановления? Может ли он еще вернуться в бой после исчезновения эффекта от оружия?

При применении оружия против гражданских лиц качественные знания о возможных последствиях необходимы, чтобы не повторить ситуацию «Норд-Оста»¹.

Если речь идет о мирном времени, Основные принципы применения силы и огне-

¹ Неофициальное название акции по захвату заложников чеченскими сепаратистами в театральном комплексе на Дубровке в Москве в 2002 г. Операция по освобождению заложников была произведена с использованием нелетального оружия (успокаивающего газа), в результате чего спецслужбы преуспели в снятии осады театра и ликвидации захватчиков, но фактически потерпели провал непосредственно во время эвакуации заложников, потеряв множество человек, так как не знали, как обращаться с жертвами воздействия данного инкапситаанта (см. постановление ЕСПЧ по делу «Финогенов и другие против России» (п. 4).

стрельного оружия должностными лицами по поддержанию правопорядка 1990 г. устанавливают обязанность обучения офицеров полиции грамотному применению тех видов оружия, которые они используют в своем арсенале, а также изменению стратегии использования оружия, если конкретный метод его применения противоречит национальному или международному законодательству в сфере прав человека. Согласно документу «при подготовке должностных лиц по поддержанию правопорядка правительства и правоохранительные органы обращают особое внимание на вопросы полицейской этики и прав человека... на альтернативы применению силы и огнестрельного оружия... Правоохранительным органам следует пересматривать свои учебные программы и оперативные процедуры в свете конкретных инцидентов».

Здесь абсолютно заслуженные два балла получает нелетальное оружие, так как сам процесс организации обучения и военнослужащих, и полицейских его правильному использованию не настолько сложен (хотя вопрос о том, будут ли они использовать это оружие правильно, относится к критерию сравнения, описанному выше (п. 2). Итоговый счет – 2:2.

Несмотря на то что летальное и нелетальное оружие имеют равное количество достоинств и недостатков, мы все-таки склоняемся в сторону применения нелетального оружия, если обстоятельства предоставляют такой выбор. Дело в том, что хотя многие виды такого оружия не выдерживают требований МГП и МППЧ, они все равно показывают себя с лучшей стороны по сравнению с оружием конвенционным.

Как показывает статья, достаточно сложно судить о достоинствах и недостатках оружия, если рассматривать лишь отдельные аспекты его применения и на основе этих данных делать какие-либо выводы. В каждом случае применения оружия нужно рассмотреть множество факторов в совокупности, чтобы выяснить, насколько законным или незаконным было его использование. В каких ситуациях и какое оружие можно применять? Насколько цель оправдывает средства? Обеспечивая соблюдение одного права человека, не нарушит ли применение оружия другие его права? Вы-

яснить это можно только после тщательного изучения обстоятельств, последствий и условий применения летального или нелетального оружия в конкретном случае, а также после

появления более или менее единообразной практики в данной сфере. Тогда, возможно, со временем и опытом мы сможем найти правильные ответы на эти вопросы.

Список литературы

Alexander J. B. Non-Lethal Weapons and the Future of War. Harvard-MIT Seminar on the Future of War (9 March 1995). New Mexico: Los Alamos National Laboratory, 1995. 19 p.

Casey-Maslen S. Non-Kinetic-Energy Weapons Termed «Non-Lethal» – A Preliminary Assessment under International Humanitarian Law and International Human Rights Law. Geneva: Geneva Academy of International Humanitarian Law and Human Rights, 2010. 86 p.

Coleman S. Possible Ethical Problems with Military Use of Non-Lethal Weapons // Case Western Reserve Journal of International Law. 2015. Vol. 47. № 1. P. 185–199.

Crowley M. The Use of Riot Control Agents in Law Enforcement // Weapons under International Human Rights Law / ed. by S. Casey-Maslen. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. P. 334–356.

Fidler D. P. The International Legal Implications of «Non-Lethal» Weapons // Michigan Journal of International Law. 1999. Vol. 21. № 1. P. 51–100.

Fidler D. P. The Meaning of Moscow: «Non-Lethal» Weapons and International Law in the Early 21st Century // International Review of Red Cross. 2005. Vol 87. № 859. P. 525–552.

Koplow D. Red-Teaming NLW: A Top Ten List of Criticisms about Non-Lethal Weapons // Case Western Reserve Journal of International Law. 2015. Vol. 47. № 1. P. 229–238.

Kurdyukov G., Drygina A. Definition of Non-Lethal Weapon in International Law // Revista Gênero & Direito. 2019. Vol. 8. № 7 (Special Edition). P. 192–198.

Lewer N., Davison N. Non-Lethal Technologies – an Overview // Disarmament Forum. 2005. № 1. P. 37–51.

McClelland J. The Review of Weapons in Accordance with Article 36 of Additional Protocol I // International Review of Red Cross. 2003. Vol. 85. № 850. P. 397–415.

Volokh E. Nonlethal Self-Defense, (Almost Entirely) Nonlethal Weapons, and the Right to Keep and Bear Arms and Defend Life // Stanford Law Review. 2010 Vol. 62. № 1. P. 199–255.

Руководство по проверке соответствия нормам права новых видов оружия, средств и методов ведения войны. Меры по имплементации статьи 36 Дополнительного протокола I 1977 г. / под ред. К. Лоэнда, Р. Купланда, П. Херба. М.: Междунар. Комитет Красного Креста, 2006. 32 с.

Анастасия Александровна Дрыгина – аспирант кафедры международного и европейского права Казанского (Приволжского) федерального университета. 420008, Российская Федерация, Казань, ул. Кремлевская, д. 18. E-mail: ana_drygina@mail.ru.

ORCID: 0000-0002-3099-2413

Lethal v. Non-Lethal Weapons. Legal Analysis of the Use of Weapons

Due to the development of technology and medicine, states have wide opportunities in choosing weapons that can be used during the conduct of hostilities or in other situations requiring a settlement with the help of weapons. Recently, there has been a real chance to use the advantages of non-lethal weapons, designed not to destroy the enemy, but to remove him from participation in hostilities. However, non-lethal weapons have a number of advantages and disadvantages. The author compares some features of the use of lethal and non-lethal types of weapons and finds out which type is the most effective in different aspects. The article deals with events that take place both during an armed conflict and in peacetime (accordingly, depending on the context, situations are studied through the prism of international humanitarian law, international human rights law and the national legislation of states).

The author concludes that despite the equal number of advantages and disadvantages of both types of weapons, priority should be given to the use of non-lethal weapons due to their more human nature. The author also emphasizes the need for a comprehensive study of each case of the use of non-lethal weapons, since a uniform practice of using it, due to its relative novelty, has not yet been formed.

Keywords: non-lethal weapons, lethal weapons, conventional weapons, new weapons review mechanism, instrument of torture, weapons transfer control mechanisms

Recommended citation

Drygina A. A. Letal'noe oruzhie v. neletal'noe. Pravovoi analiz primeneniya oruzhiya [Lethal v. Non-Lethal Weapons. Legal Analysis of the Use of Weapons], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2022, no. 3, pp. 20–27, DOI: 10.34076/2410_2709_2022_3_20.

References

Alexander J. B. *Non-Lethal Weapons and the Future of War. Harvard-MIT Seminar on the Future of War*, New Mexico, Los Alamos National Laboratory, 1995, 19 p.

Casey-Maslen S. *Non-Kinetic-Energy Weapons Termed «Non-Lethal» – A Preliminary Assessment under International Humanitarian Law and International Human Rights Law*, Geneva, Geneva Academy of International Humanitarian Law and Human Rights, 2010, 86 p.

Coleman S. Possible Ethical Problems with Military Use of Non-Lethal Weapons, *Case Western Reserve Journal of International Law*, 2015, vol. 47, no. 1, pp. 185–199.

Crowley M. *The Use of Riot Control Agents in Law Enforcement*, Casey-Maslen S. (ed.) *Weapons under International Human Rights Law*, Cambridge, Cambridge University Press, 2014, pp. 334–356.

Fidler D. P. The International Legal Implications of «Non-Lethal» Weapons, *Michigan Journal of International Law*, 1999, vol. 21, no. 1, pp. 51–100.

Fidler D. P. The Meaning of Moscow: «Non-Lethal» Weapons and International Law in the Early 21st Century, *International Review of Red Cross*, 2005, vol. 87, no. 859, pp. 525–552.

Koplow D. Red-Teaming NLW: A Top Ten List of Criticisms about Non-Lethal Weapons, *Case Western Reserve Journal of International Law*, 2015, vol. 47, no. 1, pp. 229–238.

Kurdyukov G., Drygina A. Definition of Non-Lethal Weapon in International Law, *Revista Gênero & Direito*, 2019, vol. 8, no. 7, Special Edition, pp. 192–198.

Lewer N., Davison N. Non-Lethal Technologies – an Overview, *Disarmament Forum*, 2005, no. 1, pp. 37–51.

Loend K., Kupland R., Kherb P. (eds.) *Rukovodstvo po proverke sootvetstviya normam prava novykh vidov oruzhiya, sredstv i metodov vedeniya voyny. Mery po implementatsii stat'i 36 Dopolnitel'nogo protokola I 1977 g.* [A Guide to the Legal Review of New Weapons, Means and Methods of Warfare. Measures to Implement Article 36 of Additional Protocol I of 1977], Moscow, Mezhdunar. Komitet Krasnogo Kresta, 2006, 32 p.

McClelland J. The Review of Weapons in Accordance with Article 36 of Additional Protocol I, *International Review of Red Cross*, 2003, vol. 85, no. 850, pp. 397–415.

Volokh E. Nonlethal Self-Defense, (Almost Entirely) Nonlethal Weapons, and the Right to Keep and Bear Arms and Defend Life, *Stanford Law Review*, 2010, vol. 62, no. 1, pp. 199–255.

Anastasia Drygina – postgraduate student of the Department of international and European law, Kazan Federal University. 420008, Russian Federation, Kazan, Kremlyovskaya str., 18. E-mail: ana_drygina@mail.ru.

ORCID: 0000-0002-3099-2413

Дата поступления в редакцию / Received: 17.05.2022

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 08.07.2022

И. В. Коржова

Акционерное общество «Газпромбанк – Управление капиталом»
(Москва)

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ НАУЧНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О КРИПТОАКТИВАХ

В статье определена специфика формирования научного знания о конкретных классах криптоактивов, выделены основные этапы и направления зарубежных и российских научных исследований. Сделаны следующие основные выводы: эволюция научных представлений о криптоактивах коррелирует с развитием технологии *blockchain* и появлением на ее базе новых классов криптоактивов. Уникальность криптоактивов как объекта научных исследований обусловлена, в том числе, их технологическими свойствами, влияющими на присущие им экономические свойства и правовой режим. Наиболее отчетливо этот тезис демонстрируется на примере децентрализованных криптоактивов – децентрализованных криптовалют и (или) стейблкоинов, для которых отсутствует центральный орган, контролирующий их эмиссию и обращение.

Формирование научного знания о криптоактивах имеет следующие особенности: особую роль играет интеграция юриспруденции с другими науками при осуществлении научно-исследовательской деятельности и верификации ее результатов; при исследовании криптоактивов необходимо учитывать историю развития научных представлений о компонентах, послуживших технологической основой их появления, и об объектах гражданского права, близких по правовой природе к соответствующим классам криптоактивов.

Ключевые слова: *blockchain*, криптоактивы, междисциплинарный подход, криптография, научные результаты, *RegTech*

Для цитирования

Коржова И. В. История развития научных представлений о криптоактивах // Российское право: образование, практика, наука. 2022. № 3. С. 28–35. DOI: 10.34076/2410_2709_2022_3_28.

УДК 34.096

DOI: 10.34076/2410_2709_2022_3_28

Криптоактивы – различные классы активов, в основе которых лежит технология *blockchain* и которые являются новым и уникальным объектом для научных исследований. Криптоактивы как феномен возникли в результате создания в 2009 г. информационной системы *blockchain*, объединяющей трансформированную технологию криптографии – технологию *blockchain*, а также базы данных *blockchain*. В рамках этой системы стало возможным генерировать различные классы криптоактивов, потенциально представляющих экономическую ценность.

Появление криптоактивов на базе инновационных децентрализованных протоколов поставило ряд ученых-исследователей, законодателей и правоприменителей в методологический ступор. Причиной явилась сложность

экстраполяции методов, используемых при регулировании традиционных централизованных систем, на децентрализованные криптовалюты, в которых контроль за неизменностью и целостностью данных обеспечивается самой системой, но не всегда предоставляет возможность вмешательства третьей стороне в лице уполномоченных органов.

В связи с большим влиянием технических норм на регулирование отношений в ряде зарубежных исследований появились упоминания о новой научной концепции *RegTech* (*Regulatory Technology*), суть которой заключается в регулировании технологии или криптовалюты на уровне кода или протокола [Hossein 2019: 6]. Обозначенной концепции соответствует известное выражение Лоуренса Лессига «*Code is Law*» [Lessig

2000], подчеркивающее самодостаточность компьютерного кода, который предопределяет протекание технологических процессов. При этом концепция не отрицает значения принципа технологической нейтральности при проведении юридических научных исследований криптоактивов. Как справедливо отмечают В. С. Белых и М. О. Болобонова, использование в отношениях определенной технологии недостаточно для их обособления, поскольку в данном случае форма начинает определять содержание правовых институтов [Белых, Болобонова 2019: 28]. В связи с этим в зарубежной и в отечественной литературе предлагаются компромиссные подходы, согласно которым правовые нормы и воля сторон должны быть воплощены в алгоритмическом коде, а технология должна находиться на службе у права, что само по себе не уменьшает значимости влияния и интеграции научных знаний в различных областях деятельности в целом [Ефимова, Михеева, Чуб 2020: 85].

Постепенное вхождение криптоактивов в оборот оказывает непосредственное воздействие на финансовую стабильность, денежно-кредитную политику, платежи и рыночную инфраструктуру отдельных юрисдикций, а также на мировую экономическую систему. Это приводит к необходимости учитывать результаты исследований, достигнутые в экономической науке. Поскольку изначальная концепция криптоактивов (криптовалюты *Bitcoin*) предполагала их использование для платежей в качестве альтернативы существующим банковской и финансовой системам, значительная часть проведенных экономических исследований посвящена сопоставлению феномена криптовалюты с частными деньгами. В последнее время особое внимание уделяется анализу рисков и проблем, связанных с широким принятием и применением в качестве универсального средства обмена таких глобальных стабильных монет (*GSC*), как *Tether (USDT)*, *USD Coin (USDC)*, *Binance USD (BUSD)*.

Как было отмечено выше, отдельные исследования в области криптоактивов носят междисциплинарный характер. В. Н. Порус пишет, что «междисциплинарность требует особых форм организации науки, методов планирования научных исследований, подходов к финансированию науки, она – признак

синтеза научных знаний в наше время, путь к новой, более полной и цельной научной картине мира и в то же время – к науке „без барьеров“, к науке XXI в.» [Порус 2013: 6].

По своим характеристикам технология *blockchain* не является новой, как отмечалось в докладе Криса Джекарана перед Конгрессом США, но представляет, скорее, инновационный подход в использовании существующих технологий, таких как асимметричное шифрование, хеширование, деревья Меркла, одноранговые сети¹.

Сама по себе криптография – наука о конфиденциальности с применением методов шифрования – существует уже более двух тысяч лет [Дамеджа, Панда Сингхал, 2020: 44]. Изучение истории развития криптографии может быть полезным для юристов, поскольку способствует формированию непротиворечивого исходного представления об объекте. Принципиальное значение при изучении истории криптографических алгоритмов, лежащих в основе криптоактивов, имеет этап с конца 1970-х гг. по настоящее время. Начало данного этапа связано с появлением асимметричных алгоритмов, на базе которых впоследствии и стали функционировать криптоактивы (революционная концепция Даффи и Хеллмана: решение проблемы распространения ключей в симметричной криптографической системе).

Является ли новизна криптовалюты и токенов формальной или фактической с юридической точки зрения? Иными словами, в какой степени внедрение технологии в актив влияет на возможность вписать его в список объектов гражданского права? Ответ на этот вопрос предопределяет возможность экстраполировать научные знания, полученные при исследовании феноменов, имеющих сопоставимую юридическую природу, на криптовалюты.

По причине того, что на криптовалюту нельзя распространить в чистом виде действие ни вещных, ни обязательственных норм, дискуссии, посвященные правовой природе криптовалюты, ведутся с момента ее появле-

¹ Statement of C. Jaikaran Analyst in Cybersecurity Policy Before Committee on Science, Space and Technology Subcommittee on Oversight & Subcommittee on Research and Technology U. S. House of Representatives Hearing on «Beyond Bitcoin: Emerging Applications for Blockchain Technology». 2018 // URL: <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/TE/TE10025> (дата обращения: 07.05.2022).

ния в обороте. Аргументом против распространения на криптовалюту обязательственно-правового режима служит отсутствие обязанного лица по ним, в отличие от токенов, которые предоставляют права требования к их эмитенту. Аргументом против распространения на криптовалюту вещно-правового режима выступает тезис о том, что криптовалюта имеет нематериальную природу, к ней неприменимы без серьезной корректировки многие основные положения вещного права, в том числе о защите вещных прав. В зависимости от контекста криптовалюта рассматривается российскими и зарубежными исследователями как объект гражданских прав, как средство платежа, как цифровая валюта, как товар и даже как обязательственное право [Белых, Егорова, Решетникова 2019].

Существенное отличие токенов от криптовалюты кроется в том, что токены являются правами требования к выпустившему их лицу. Посредством привязки к цифровому активу (токену) могут быть обеспечены как предоставление отдельных прав (например,

В зависимости от контекста криптовалюта рассматривается российскими и зарубежными исследователями как объект гражданских прав, как средство платежа, как цифровая валюта, как товар и даже как обязательственное право

права использования произведения определенным образом на основании лицензионного договора), так и передача актива в целом (в частности, передача исключительного права на программу для ЭВМ) [Новоселова 2017: 37].

Таким образом, в зависимости от вида токена, на него можно распространить правовой режим и законодательную базу для тех объектов, которые он репрезентует. С этой точки зрения исследование истории научных представлений о токен-криптоактивах было бы неполным без учета истории развития научных представлений о явлениях, дублирующих их правовую природу.

Классическая история научных представлений о криптоактивах сравнительно небольшая.

Впервые непосредственно о самом феномене криптоактива (криптовалюте *Bitcoin*)

заговорили в 2009 г. Это было связано с публикацией 31 сентября 2008 г. «Белой книги» Сатоши Накамото. В ней обосновывалась необходимость создания платежной системы, которая основана на криптографии, а не на доверии, и которая позволила бы любым двум участникам осуществить перевод средств напрямую, без посредника [Накамото 2008]. Революционной ее особенностью стало предложенное «решение проблемы двойной траты, основанное на распределенном одноранговом сервере меток времени, который своей вычислительной мощностью подтверждает хронологический порядок транзакций» [Там же].

С технической точки зрения идеи создания криптовалюты получили развитие в начале 1990-х гг. в сообществе специалистов по криптографии, среди которых большой вклад в разработку технической концепции внесли Эрик Хьюз, Тимоти Мэй и Вей Дай, «описавший концепцию криптовалюты *b-money* в 1998 году» [Генкин, Михеев 2018: 37]. Тем не менее до 2008 г. концепция криптовалют не имела успешной технологической реализации. В 2011 г. начали появляться другие криптовалюты (альткойны), а также форки – платформы, которые стали вовлекаться в финансовые, экономические процессы и играть важную роль в мировой экономике, будучи при этом активами за пределами существующих финансовых систем государств. Следующий этап – появление токенов, производных от криптовалюты и выступающих ее «обогащенным» вариантом [Толкачев, Жужжалов 2018: 93].

Вопросы правового регулирования криптоактивов являются новыми для российской юридической доктрины. С точки зрения научных юридических исследований сложно выделить четкие этапы в рамках рассматриваемого периода с 2009 г. по настоящее время.

Первые работы, в которых упоминается криптовалюта, опубликованы в 2014 г. и посвящены правовой неопределенности, связанной с криптоактивами, а также зарубежному опыту их регулирования [Облачинский 2014; Сухаренко 2014]. В 2016 г. в исследованиях терроризма и отмывания денежных средств криптовалюта рассматривается как средство совершения преступлений [Сидоренко 2016; Корчагин 2016]. В ряде исследований она причисляется к категории денежного суррогата [Мюттер 2016]. Начало 2017 г. связано с появлением первых науч-

ных публикаций, направленных на решение вопросов о правовой природе криптовалюты. Одним из первых фундаментальных исследований по данной тематике стала статья А. А. Савельева «Криптовалюты в системе объектов гражданских прав» [Савельев 2017].

Как показал анализ, есть группа вопросов, изучение которых было более активным в тот или иной временной отрезок. Есть вопросы, которые сейчас не так актуальны, как в 2017–2018 гг., например регулирование ICO (*Initial Coin Offering* – первичное размещение токенов) [Сидоренко, Савельев, Пушков 2017 и др.; Генкин, Михеев 2017; Раздорозный 2018; Ефимова 2018]. В то же время значительная часть вопросов остается в фокусе внимания ученых. Это обусловлено тем, что индустрия криптоактивов является сравнительно молодой и быстро меняющейся.

К «универсальным» для каждого отрезка времени можно отнести следующие вопросы:

- правовая природа криптоактивов;
- основные угрозы и риски, связанные с обращением криптоактивов;
- правовое регулирование майнинга криптовалют;
- правовое регулирование операций с криптовалютами;
- налогообложение криптовалют;
- понятие и юридические особенности смарт-контрактов.

В этом ключе целесообразнее говорить о направлениях исследований, которые требуют разработки, чем об этапах в их развитии. Вместе с тем на основании проанализированного материала можно выделить наиболее значимые вехи научных исследований, предметом которых были криптоактивы.

1. Исследование соотношения криптовалют с феноменами, близкими по сущности и природе (наиболее активный период: 2014–2018 гг.): электронными деньгами, электронными средствами платежа, частными деньгами, денежными суррогатами. Определение сущности криптоактивов и влияния технологических и экономических факторов на их юридическую модель. Исследования, посвященные роли государства в функционировании криптоактивов.

2. Исследования отраслевых специалистов в вопросах использования технологии *blockchain* и криптоактивов (наиболее активный период: 2017–2018 гг.). Импульсом послужило внедрение технологии в различные отрас-

ли экономики и общественной жизни, в том числе далекие от «цифрового мира». Прежде всего это банковское дело, логистика, здравоохранение, государственное управление.

3. Исследования, связанные с разработкой юридической модели и требований при привлечении инвестиций через криптоактивы (наиболее активный период: 2018–2019 гг.). Отправной точкой стали появление ICO и иных форм привлечения инвестиций через первичные предложения – IEO (*Initial Exchange Offering*), STO (*Security Coin Offering*), а также рост количества связанных с ними мошенничеств в отношении неквалифицированных инвесторов.

4. Исследования, связанные с разработкой и принятием законов, регулирующих криптоактивы (наиболее активный период: 2018–2020 гг.), в том числе реакция научного сообщества на издание ведомственных актов, затрагивающих отдельные вопросы фискальной политики уполномоченных органов (разъяснения по вопросам налогообложения криптоактивов и т. д.).

5. Исследования, связанные с реакцией ученых на принятые законы (наиболее активный период: с 2020 г. по настоящее время).

Анализ зарубежных научных публикаций, которые находятся в открытом доступе, показал, что зарубежная наука прошла сопоставимые условные этапы, хотя ее путь начался на два-три года раньше, чем в России. Так, первые публикации иностранных ученых относятся к 2011 г. и посвящены формам криминального использования криптовалюты [Schurman 2011; Wells 2011; Elven 2016]. В 2012–2013 гг. появились работы, обосновывающие необходимость регулирования криптовалюты и предлагающие юридические решения, часто применительно к конкретной юрисдикции. При этом юридические исследования комплексно интегрировались в экономические работы, особое внимание обращалось на кризис традиционной финансовой и экономической систем [Kaplanov 2012; Doguet 2013; Alcorn, Eagle, Sherbondy 2013].

Можно сделать несколько основных выводов.

Специфика формирования научного знания о криптоактивах складывается из следующих компонентов:

1) особой роли интеграции научно-исследовательской деятельности и научных результатов, полученных в рамках юриспруденции,

математики, кибернетики, криптографии, экономики. Исследования в области криптоактивов носят междисциплинарный характер;

2) необходимости учитывать историю развития научных представлений о компонентах, послуживших технологической основой создания криптоактивов, для формирования непротиворечивого исходного представления об объекте;

3) наличия «ситуативных аналогов», историю развития научных представлений о которых нужно учитывать при экстраполяции на криптоактивы ранее выработанных правовых конструкций.

В целом эволюция научных представлений о криптоактивах коррелирует с развитием технологий и появлением на их базе новых типов криптоактивов, а также с правовой политикой, которую проводят уполномоченные органы в различных юрисдикциях на национальном и наднациональном уровнях.

Поскольку феномен криптоактивов сравнительно новый и выделенные в настоящей

статье этапы в истории развития научных представлений о нем условны, целесообразно говорить не столько об этапах, сколько о направлениях исследований, по которым ведутся научные разработки. К данным направлениям относятся, в частности, следующие:

определение правовой природы криптоактивов, статуса цифровых технологий, применяемых в финансовой сфере, и соответствующих понятий (в том числе таких как «технология распределенных реестров», «криптовалюта», «токен», «смарт-контракт»); основные угрозы и риски, связанные с обращением криптоактивов;

правовое регулирование майнинга криптовалют;

правовое регулирование операций с криптовалютами;

вопросы налогообложения криптовалют; выработка юридической модели и требований к привлечению инвестиций через криптоактивы.

Список литературы

Alcorn T., Eagle A., Sherbondy E. Legitimizing Bitcoin: Policy Recommendations // Massachusetts Institute of Technology. 2013. URL: <http://groups.csail.mit.edu/mac/classes/6.805/student-papers/fall13-papers/bitcoin.pdf> (дата обращения: 07.05.2022).

Doguet J. The Nature of the Form: Legal and Regulatory Issues Surrounding the Bitcoin Digital Currency System // Louisiana Law Review. 2013. Vol. 73. № 4. P. 1119–1153.

Elven T. M. A. Cryptocurrency and Constituency: Understanding the Existence of Bitcoin and Its Regulation in Indonesia. 2011 // URL: https://www.researchgate.net/publication/330652185_Cryptocurrency_and_Constituency_Understanding_the_Existence_of_Bitcoin_and_Its_Regulation_in_Indonesia (дата обращения: 07.05.2022).

Hossein N. How to Regulate Bitcoin? Decentralized Regulation for a Decentralized Cryptocurrency // International Journal of Law and Information Technology. 2019. № 1. P. 1–31.

Kaplanov N. Nerdy Money: Bitcoin, the Private Digital Currency, and the Case Against Its Regulation // Loyola Consumer Law Review. 2012. Vol. 25. P. 111–174.

Lessig L. Code is Law. 2000 // URL: https://cartorios.org/wp-content/uploads/2020/11/LES-SIG._Lawrence_Code_is_law.pdf (дата обращения: 07.05.2022).

Schurman K. Bitcoin: Free Money or Fraud? Hyperink Inc, 2011. 68 p.

Wells C. J. Digital Currency Systems: Emerging B2B E-Commerce Alternative During Monetary Crisis in the United States. 2011 // URL: <https://www.proquest.com/openview/5fc18693c99753bb86913cfefb503082/1?pq-origsite=gscholar&cbl=18750&diss=y> (дата обращения: 07.05.2022).

Белых В. С., Болобонова М. О. Проблемы определения правового режима криптовалют // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2019. № 3. С. 23–28.

Белых В. С., Егорова М. А., Решетникова С. Б. Биткойн: понятие и тенденции правового регулирования // Юрист. 2019. № 3. DOI 10.18572/1812-3929-2019-3-4-11.

Генкин А. С., Михеев А. А. ICO – новые экономико-правовые формы секьюритизации на базе технологии блокчейн // Современный юрист. 2017. № 3. С. 71–91.

Генкин А., Михеев А. Блокчейн: как это работает и что ждет нас завтра. М.: Альпина Паблишер, 2018. 592 с.

Дамеджа Г., Панда П. С., Сингхал Б. Блокчейн. Руководство для начинающих разработчиков. СПб: БХВ-Петербург, 2020. 288 с.

Ефимова Л. Г., Михеева И. Е., Чуб Д. В. Сравнительный анализ доктринальных концепций правового регулирования смарт-контрактов в России и зарубежных странах // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 4. С. 79–105. DOI: 10.17323/2072-8166.2020.4.78.105.

Ефимова Н. А. Правовые подходы к регулированию криптовалюты и ICO в зарубежных странах и Европейском союзе // Вестник ГУУ. 2018. № 4. С. 136–139. DOI: 10.26425/1816-4277-2018-4-136-139.

Корчагин О. Н. Типологии легализации (отмывания) доходов от незаконного оборота наркотиков // Российский следователь. 2016. № 20. С. 35–39.

Мюттер Г. Правовая неопределенность криптовалюты // ЭЖ-Юрист. 2016. № 16.

Накамото С. Цифровая пиринговая наличность (перевод). 2008 // URL: <https://coinspot.io/technology/bitcoin/perevod-stati-satoshi-nakamoto/> (дата обращения. 07.05.2022).

Новоселова Л. «Токенизация» объектов гражданского права // Хозяйство и право. 2017. № 12. С. 29–44.

Облачинский И. Электронная коммерция // ЭЖ-Юрист. 2014. № 19.

Порус В. Н. «Междисциплинарность» как тема философии науки // Эпистемология и философия науки. 2013. Т. XXXVIII. № 4. С. 5–13.

Раздорожный К. Б. Финансово-правовое регулирование цифрового финансового актива (криптовалюты), процедуры выпуска и размещения цифровых финансовых активов (ICO) в России и в зарубежных странах // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2018. № 9. С. 163–169.

Савельев А. И. Криптовалюты в системе объектов гражданских прав // Закон. 2017. № 8. С. 136–153.

Сидоренко Э. Л. Криминальное использование криптовалюты: международные оценки // Международное уголовное право и международная юстиция. 2016. № 6. С. 8–10.

Сидоренко Э., Савельев А., Пушков А. и др. Нужно ли регулировать биткоин? // Закон. 2017. № 9. С. 20–33.

Сухаренко А. Анонимов выведут из тени // ЭЖ-Юрист. 2014. № 23.

Толкачев А. Ю., Жужжалов М. Б. Криптовалюта как имущество – анализ текущего правового статуса // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2018. № 9. С. 91–135.

Ирина Вадимовна Коржова – ведущий юрисконсульт отдела доверительного управления и корпоративных отношений акционерного общества «Газпромбанк – Управление капиталом». 119049, Российская Федерация, Москва, ул. Коровий Вал, д. 7. E-mail: irina.v.korzhova@gmail.com.

ORCID: 0000-0001-8358-9954

History of the Development of Scientific Ideas about Crypto-Assets

The article determines the specifics of the formation of scientific knowledge about specific classes of crypto-assets, highlights the main stages and directions of research on crypto-assets in Russia and foreign countries. The following conclusions are made: the evolution of scientific ideas about crypto-assets correlates with the development of blockchain technology and the emergence of new classes of crypto-assets on its basis. The uniqueness of crypto-assets as an object of research is due, among other things, to their technological properties that affect their inherent economic properties and legal regime. This thesis is most clearly demonstrated by the example of decentralized crypto-assets – decentralized cryptocurrencies and (or) stablecoins for which there is no central authority that controls their emission and circulation.

The formation of scientific knowledge on crypto-assets has the following features. In the implementation of research activities and verification of its results, integration of jurisprudence with other sciences plays the special role. When studying crypto-assets, one should take into

account the history of the development of scientific concepts of the components that served as a technological basis for their appearance and objects of civil law, similar in legal nature to the corresponding classes of crypto-assets.

Keywords: blockchain, crypto-assets, interdisciplinary approach, cryptography, scientific results, RegTech

Recommended citation

Korzhova I. V. Istoriya razvitiya nauchnykh predstavlenii o kriptovalyutakh [History of the Development of Scientific Ideas about Crypto-Assets], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2022, no. 3, pp. 28–35, DOI: 10.34076/2410_2709_2022_3_28.

References

Alcorn T., Eagle A., Sherbondy E. *Legitimizing Bitcoin: Policy Recommendations*, Massachusetts Institute of Technology, 2013, available at: <http://groups.csail.mit.edu/mac/classes/6.805/student-papers/fall13-papers/bitcoin.pdf> (accessed: 07.05.2022).

Belykh V. S., Bolobonova M. O. Problemy opredeleniya pravovogo rezhima kriptovalyut [Problems of Determining the Legal Regime of Cryptocurrencies], *Zhurnal predprinimatel'skogo i korporativnogo prava*, 2019, no. 3, pp. 23–28.

Belykh V. S., Egorova M. A., Reshetnikova S. B. Bitcoin: ponyatie i tendentsii pravovogo regulirovaniya [Bitcoin: Legal Regulation Accepted and Introduced], *Yurist*, 2019, no. 3, DOI: 10.18572/1812-3929-2019-3-4-11.

Damedzha G., Panda P. S., Singkhal B. *Blokchein. Rukovodstvo dlya nachinayushchikh razrabotchikov* [Blockchain. A Beginner's Guide to Developers], Saint Petersburg, BKhV-Peterburg, 2020, 288 p.

Doguet J. The Nature of the Form: Legal and Regulatory Issues Surrounding the Bitcoin Digital Currency System, *Louisiana Law Review*, 2012, vol. 73, no. 4, pp. 1119–1153.

Efimova L. G., Mikheeva I. E., Chub D. V. Sravnitel'nyi analiz doktrinal'nykh kontseptsii pravovogo regulirovaniya smart-kontraktov v Rossii i zarubezhnykh stranakh [Comparative Analysis of Doctrinal Concepts of Legal Regulation of Smart Contracts in Russia and Foreign Countries], *Pravo. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki*, 2020, no. 4, pp. 79–105, DOI: 10.17323/2072-8166.2020.4.78.105.

Efimova N. A. Pravovye podkhody k regulirovaniyu kriptovalyuty i ICO v zarubezhnykh stranakh i Evropeiskom soyuze [Legal Approaches to the Regulation of Cryptocurrency and ICO in Foreign Countries and the European Union], *Vestnik GUU*, 2018, no. 4, pp. 136–139, DOI: 10.26425/1816-4277-2018-4-136-139.

Elven T. M. A. *Cryptocurrency and Constituency: Understanding the Existence of Bitcoin and Its Regulation in Indonesia*, 2011, available at: https://www.researchgate.net/publication/330652185_Cryptocurrency_and_Constituency_Understanding_the_Existence_of_Bitcoin_and_Its_Regulation_in_Indonesia (accessed: 07.05.2022).

Genkin A. S., Mikheev A. A. ICO – novye ekonomiko-pravovye formy sek'yuritizatsii na baze tekhnologii blokchein [ICO – New Economic and Legal Forms of Securitization Based on Blockchain Technology], *Sovremenniy yurist*, 2017, no. 3, pp. 71–91.

Genkin A., Mikheev A. *Blokchein: kak eto rabotaet i chto zhdet nas zavtra* [Blockchain: How it Works and What Awaits Us Tomorrow], Moscow, Al'pina Publisher, 2018, 592 p.

Hossein N. How to Regulate Bitcoin? Decentralized Regulation for a Decentralized Cryptocurrency, *International Journal of Law and Information Technology*, 2019, no. 1, pp. 1–31.

Kaplanov N. Nerdy Money: Bitcoin, the Private Digital Currency, and the Case Against its Regulation, *Loyola Consumer Law Review*, 2012, vol. 25, pp. 111–174.

Korchagin O. N. Tipologii legalizatsii (otmyvaniya) dokhodov ot nezakonnogo oborota narkotikov [Typologies of Legalization (Laundering) of Proceeds from Drug Trafficking], *Rossiiskii sledovatel'*, 2016, no. 20, pp. 35–39.

Lessig L. *Code is Law*, 2000, available at: https://cartorios.org/wp-content/uploads/2020/11/LESSIG_Lawrence_Code_is_law.pdf (accessed: 07.05.2022).

Myutter G. Pravovaya neopredelennost' kriptovalyuty [Legal Uncertainty of Cryptocurrency], *EZh-Yurist*, 2016, no. 16.

Nakamoto S. *Tsifrovaya piringovaya nalichnost' (perevod)* [Digital Peer-to-Peer Cash (Transfer)], 2008, available at: <https://coinspot.io/technology/bitcoin/perevod-stati-satoshi-nakamoto/> (accessed: 07.05.2022).

Novoselova L. «Tokenizatsiya» ob"ektov grazhdanskogo prava [«Tokenization» of Objects of Civil Law], *Khozyaistvo i pravo*, 2017, no. 12, pp. 29–44.

Oblachinskii I. Elektronnaya kommertsiya [Electronic Commerce], *EZh-Yurist*, 2014, no. 19.

Porus V. N. «Mezhdistsiplinarnost'» kak tema filosofii nauki [«Interdisciplinarity» as a Theme of the Philosophy of Science], *Epistemologiya i filosofiya nauki*, 2013, vol. XXXVIII, no. 4, pp. 5–13.

Razdorozhnyi K. B. Finansovo-pravovoe regulirovanie tsifrovogo finansovogo aktiva (kriptovalyuty), protsedury vypuska i razmeshcheniya tsifrovyykh finansovykh aktivov (ICO) v Rossii i v zarubezhnykh stranakh [Financial and Legal Regulation of a Digital Financial Asset (Cryptocurrency), Procedures for Issuing and Placing Digital Financial Assets (ICO) in Russia and in Foreign Countries], *Vestnik universiteta imeni O. E. Kutafina*, 2018, no. 9, pp. 163–169.

Savel'ev A. I. Kriptovalyuty v sisteme ob"ektov grazhdanskikh prav [Cryptocurrencies in the System of Objects of Civil Rights], *Zakon*, 2017, no. 8, pp. 136–153.

Schurman K. *Bitcoin: Free Money or Fraud?* Hyperink Inc, 2011, 68 p.

Sidorenko E. L. Kriminal'noe ispol'zovanie kriptovalyuty: mezhdunarodnye otsenki [Criminal Use of Cryptocurrency: International Assessments], *Mezhdunarodnoe ugovnoe pravo i mezhdunarodnaya yustitsiya*, 2016, no. 6, pp. 8–10.

Sidorenko E., Savel'ev A., Pushkov A. et al. Nuzhno li regulirovat' bitkoin? [Should Bitcoin be Regulated?], *Zakon*, 2017, no. 9, pp. 20–33.

Sukhareno A. Anonimov vyvedut iz teni [Anonymous will be Brought Out of the Shadows], *EZh-Yurist*, 2014, no. 23.

Tolkachev A. Yu., Zhuzhzhhalov M. B. Kriptovalyuta kak imushchestvo – analiz tekushchego pravovogo statusa [Cryptocurrency as Property – Analysis of the Current Legal Status], *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiiskoi Federatsii*, 2018, no. 9, pp. 91–135.

Wells C. J. *Digital Currency Systems: Emerging B2B E-Commerce Alternative During Monetary Crisis in the United States*, 2011, available at: <https://www.proquest.com/openview/5fc18693c99753bb86913cfe503082/1?pq-origsite=gscholar&cbl=18750&diss=y> (accessed: 07.05.2022).

Irina Korzhova – leading legal counsel of the Department of the fiduciary management and corporate relations of «Gazprombank – Capital Management» (Joint Stock Company). 1190497, Russian Federation, Moscow, Koroviy val str., 7. E-mail: irina.v.korzhova@gmail.com.

ORCID: 0000-0001-8358-9954

Дата поступления в редакцию / Received: 15.04.2022

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 29.06.2022

Н. Е. Бараданченкова
Уральский государственный
юридический университет им. В. Ф. Яковлева
(Екатеринбург)

ПРАКТИКА ОБРАЩЕНИЯ ВЗЫСКАНИЯ НА КОРРУПЦИОННЫЕ ДОХОДЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В последние годы практика взыскания органами Генеральной прокуратуры РФ коррупционных доходов набирает обороты с точки зрения как категорий изымаемого дохода и колоссальности взыскиваемых сумм, так и усложнения фактических и правовых оснований заявленных требований.

Проанализировав последние знаковые дела, автор приходит к выводу, что требование, заявленное в рамках подп. 8 п. 2 ст. 235 ГК РФ, по характеру устанавливаемых фактов отличается от требований о возмещении вреда, взыскания неосновательного обогащения либо признания сделок антисоциальными. Автор исследует некоторые тенденции к расширению круга лиц, имущественные активы которых могут быть взысканы в бюджет РФ, появлению возможности обращения взыскания на полученную в результате хозяйственной деятельности прибыль компаний, включающую уже уплаченные налоги, и денежные средства, направляемые в адрес банка в счет погашения кредитных обязательств. Кроме того, в разрез с существующей практикой автор обосновывает необходимость применения сроков исковой давности и контроля их соблюдения со стороны органов прокуратуры как условия удовлетворения заявленных требований.

Ключевые слова: противодействие коррупции, взыскание незаконных доходов, государственная служба, судебная власть, прокуратура

Для цитирования

Бараданченкова Н. Е. Практика обращения взыскания на коррупционные доходы в Российской Федерации // Российское право: образование, практика, наука. 2022. № 3. С. 36–45. DOI: 10.34076/2410_2709_2022_3_36.

УДК 347.91/.95

DOI: 10.34076/2410_2709_2022_3_36

В теории права традиционно указывается, что правонарушение приводит к возникновению правоохранительных отношений между лицом, его совершившим, и тем, перед кем нарушитель должен нести ответственность. В результате гражданского правонарушения возникает обязательственное отношение, которое направлено на возмещение вреда, на устранение вредных последствий неправомерного деяния [Грибанов 2000; Иоффе 1975].

Антикоррупционное регулирование относится к категории охранительных правоотношений, направленных на повышение эффективности, компетентности и авторитета

власти. Совершение деяния коррупционной направленности обуславливает включение различных механизмов государственно-принудительного воздействия, как то: привлечение к уголовной, административной ответственности, возбуждение дисциплинарного производства, прибегание к мерам по урегулированию допущенного государственным служащим конфликта интересов вплоть до изъятия коррупционных доходов в порядке гражданского судопроизводства.

Проблема дифференциации способов защиты против акта коррупционной направленности затронута в ст. 3 и 8 Конвенции Совета Европы о гражданско-правовой от-

ветственности за коррупцию от 4 ноября 1999 г. Данные нормы предусматривают за явление требования о возмещении вреда и включение в предмет доказывания обстоятельств совершения противоправного коррупционного деяния, наступления ущерба и наличия причинно-следственной связи между актом коррупции и нанесенным ущербом.

Санкция подп. 8 п. 2 ст. 235 Гражданского кодекса РФ устанавливает гражданско-правовую ответственность в виде лишения права собственности на имущество и денежные средства в связи с совершением государственным служащим неправомерного деяния коррупционной направленности. Конституционный Суд РФ квалифицирует данную санкцию как *особую меру государственного принуждения*, применение которой должно сопровождаться строгим закреплением состава правонарушения и учетом критериев необходимости, пропорциональности и соразмерности ограничения прав и свобод граждан конституционно значимым целям (Постановления Конституционного Суда РФ от 29 ноября 2016 г. № 26-П и от 9 января 2019 г. № 1-П).

Тем не менее в российской правовой системе как таковой состав коррупционного правонарушения, совершение которого запускает механизм обращения взыскания на полученные доходы, не был четко сформулирован ни в Гражданском кодексе РФ, ни в Федеральном законе от 3 декабря 2012 г. № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам», а, скорее, был выработан судебной практикой при рассмотрении дел такой категории.

Статьи 2, 16, 17 Федерального закона «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» предусматривают обязанность лиц, занимающих государственные и муниципальные должности, позиции в государственных корпорациях и фондах, ежегодно представлять сведения о своих доходах и доходах супруги (супруга) и несовершеннолетних детей, об имуществе и обязательствах имущественного характера. В случае если уполномоченный контрольный орган выявит расхождение в суммах полученного дохода и произведенных расходов, приобретенного имущества и имеющихся финансовых активов, он обязан направить полученную ин-

формацию в органы прокуратуры Российской Федерации, которые в свою очередь наделены компетенцией обращаться в суд общей юрисдикции с исками об обращении взыскания на такие неподтвержденные доходы.

В марте 2022 г. Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» был дополнен статьей 8.2 «Контроль за законностью получения денежных средств». Она детализировала порядок проведения проверки органами прокуратуры РФ и установила обязанность не позднее четырех месяцев со дня получения материалов проверки обращаться в суд с требованием о взыскании той части дохода, в отношении которой отсутствуют доказательства правомерности ее приобретения государственным служащим за отчетный период и два предшествующих года, если размер взыскиваемых денежных средств превышает 10 тыс. руб.

Таким образом, для выявления правонарушения коррупционной направленности нужно установить:

объем и стоимость принадлежащих государственному служащему, супругу и несовершеннолетним детям имущества, денежных средств, имущественных обязательств;

размер совокупного дохода, полученного государственным служащим и членами его семьи за отчетный период и предшествующие два года;

факта превышения стоимости приобретенного государственным служащим имущества над полученным доходом;

доказанность правомерности приобретения таких активов и законность источника его получения в собственность.

Толковать данный состав по аналогии с требованием о возмещении причиненного вреда с точки зрения российской правовой системы (ст. 15, 1064 Гражданского кодекса РФ) не совсем верно, поскольку для возложения на причинителя вреда имущественной ответственности нужно установить факт причинения действиями ответчика ущерба потерпевшему. При этом размер компенсации как меры гражданско-правовой, деликтной ответственности не должен приводить к неосновательному обогащению потерпевшего и должен определяться исходя из необходимости восстановить имущественное положение правообладателя, поскольку вред выступает не только условием, но и мерой ответственности

(Определения Конституционного Суда РФ от 5 апреля 2016 г. № 701-О и от 18 июля 2017 г. № 1655-О). По этой причине получение выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера как предмет коррупционного деяния само по себе не является имущественным вредом Российской Федерации, которая как потерпевшее лицо должна была утратить данное имущество либо лишиться возможности его получения, что при обратном исходе абсурдно.

Как свидетельствует судебная практика, не исключено и совокупное применение к рассматриваемым правоотношениям юридической конструкции взыскания неосновательного обогащения по ст. 1102–1105 ГК РФ. Тем не менее с таким подходом тоже можно

Требование Генеральной прокуратуры РФ об обращении взыскания на коррупционные доходы связано с охранительными правоотношениями и санкционным характером мер, применяемых в ответ на деяния коррупционной направленности

поспорить, поскольку необходимыми условиями возникновения обязательства вернуть неосновательное обогащение являются приобретение и сбережение имущества за счет другого лица, не основанные на законе, сделке или каких-либо иных правовых основаниях. Требование о взыскании неосновательного обогащения будет удовлетворено, если потерпевший докажет, что ответчик приобрел или сберег имущество за его счет без законных оснований (определение Верховного Суда РФ от 18 декабря 2018 г. № 5-КГ18-260).

Таким образом, для взыскания неосновательного обогащения крайне важно установить, что у истца есть законные права на имущество и что ответчик владеет данным имуществом неправомерно. Однако требование Генеральной прокуратуры РФ об обращении взыскания на коррупционные доходы отнюдь не обусловлено законными правами владения данным имуществом. Напротив, это требование связано с охранительными правоотношениями и санкционным характером мер, применяемых в ответ на деяния коррупционной направленности. Здесь истец не имеет ника-

ких имущественных притязаний, а преследует цель наказания виновных лиц путем лишения их субъективных прав.

Нередко суды квалифицируют сделки, которые опосредовали реализацию доходов, полученных в результате акта коррупции, как противоречащие основам правопорядка и признают их ничтожными (см., например: решение Советского районного суда г. Владивостока от 6 марта 2020 г. по делу № 2-292/2020; решение Замоскворецкого районного суда г. Москвы от 23 декабря 2020 г. по делу № 2-10163/2020). Вместе с тем квалификация сделки как антисоциальной основана на объективном критерии, согласно которому нарушение является опасным настолько, что очевидно противоречит и будет противоречить политическим или правовым устоям общества, закрепленным в Конституции Российской Федерации, либо нравственным идеалам, представлениям о добре и зле, которые сформировались в общественном сознании, безотносительно того, кто конкретно заключил сделку и с какими намерениями (ст. 169 Гражданского кодекса РФ).

Антисоциальная сделка ничтожна в тех случаях, когда в силу своего содержания, устанавливаемых прав и обязанностей просто не вправе существовать в обществе. Это, например, продажа наркотиков, оружия, людей, распространение литературы, пропагандирующей войну, национальную, расовую или религиозную вражду, сбыт поддельных документов и ценных бумаг и т. д. (п. 85 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»).

Сделка, содержанием которой является сам акт коррупции – получение выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера (п. 1 ст. 1 Федерального закона «О противодействии коррупции»), может быть квалифицирована как противоречащая добрым нравам. Однако рассматриваемые в делах об обращении взыскания на коррупционные доходы сделки в большинстве своем имеют позитивную цель – приобретение имущества, финансовых активов, исполнение обязательств по государственным контрактам, выполнение работ для

муниципальных нужд и др. Сопровождающие сделку условия коррупционной направленности и содействие субъектов, наделенных публичной властью, сами по себе не меняют ее цели и не делают ее подрывающей нравственные устои общества.

Таким образом, полагаем, что ответственность за совершение коррупционного правонарушения в условиях недоказанности законности приобретения субъектами публичной власти имущества и финансовых активов относится к специальному виду гражданско-правовой ответственности, которая по природе защищаемого интереса не может быть отнесена ни к требованию о возмещении вреда, взыскания неосновательного обогащения, ни к спорам о признании сделок антисоциальными [Илюшина 2019: 5; Смирнова 2017: 30; France 2022: 2, 6].

Субъекты ответственности при заявлении требования об обращении взыскания на коррупционные доходы

Ответственность, предусмотренная подп. 8 п. 2 ст. 235 ГК РФ и нормами Федерального закона «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам», является специальной и отличной от иных конструкций защиты субъективных прав. Именно поэтому она возлагается законом изначально только на государственных (муниципальных) служащих, их супругов и несовершеннолетних детей. Как указал Конституционный Суд РФ, данные ограничения были обусловлены высоким социальным статусом, повышенными требованиями к морально-нравственным качествам субъектов публичной власти и требованиями объективного, беспристрастного исполнения возложенных на них обязанностей (Постановление от 29 ноября 2016 г. № 26-П).

Вместе с тем с развитием практики применения данной меры ответственности круг лиц, собственность которых может подлежать проверке на предмет совершения антикоррупционных правонарушений, стал заметно шире. Так, уже по делу Д. В. Захарченко в число соответчиков вошли не только супруга и несовершеннолетние дети, но и иные близкие родственники, владевшие активами, законность происхождения которых не была подтверждена в процессе (решение Никулинского районного суда г. Москвы от 2 декабря 2017 г. по делу № 2-6770/17). По делу

Л. И. Маркелова, помимо родственников главы Республики Марий Эл к ответственности по подп. 8 п. 2 ст. 235 ГК РФ были привлечены аффилированные компании, которые участвовали в схеме финансирования, строительства и приобретения объектов недвижимого имущества в пользу родственников государственного служащего (решение Нижегородского районного суда г. Нижнего Новгорода от 25 ноября 2019 г. по делу № 2-9507/2019).

С учетом изложенного уже в 2019 г. Конституционный Суд РФ легитимировал подход, согласно которому изымать имущество у третьих лиц, не специальных субъектов, допустимо, если доказано, что данное имущество было приобретено за счет незаконных доходов государственного служащего и что эти лица фактически владели, управляли и распоряжались такими активами (Определение Конституционного Суда РФ от 30 сентября 2019 г. № 2655-О).

В развитие указанного подхода по делу И. С. Пушкарева № 2-292/2020 к гражданско-правовой ответственности были привлечены брат главы города и подконтрольные ему компании холдинга, которые выполняли работы в рамках заключенных муниципальных контрактов. Суд согласился с доводом Генеральной прокуратуры РФ о том, что заключение муниципальных контрактов на строительство дорог осуществлялось при содействии главы города и руководителя муниципального предприятия, в результате чего обогатились подконтрольные брату главы города заводы по производству строительных материалов. Суд признал фактически номинальным владение компаниями со стороны брата и счел обстоятельством недекларирования главой города таких доходов коррупционным правонарушением. В качестве соответчика по настоящему делу был привлечен руководитель муниципального предприятия, в интересах которого исполнялись муниципальные контракты. Суд посчитал, что своими действиями указанное лицо потворствовало коррупционному правонарушению и создавало препятствия иным коммерческим организациям к участию в данных публичных контрактах (решение Советского районного суда г. Владивостока от 6 марта 2020 г. по делу № 2-292/2020).

Интересно, что по данному делу все ответчики были привлечены к солидарной ответственности, в том числе те компании,

которые входили в группу, но не принимали участия в исполнении анализируемых муниципальных контрактов. Несмотря на то что по смыслу ст. 322 и 1064 ГК РФ солидарно отвечают только те лица, которые совместно участвовали в причинении потерпевшему вреда, суд счел сам факт вхождения организации в холдинг и потенциальную возможность ее участия в исполнении контрактов основаниями для взыскания средств с нее.

По делу министра Открытого правительства РФ М. А. Абызова к ответственности были привлечены пять иностранных компаний, которые находились на территории Республики Кипр и которыми министр косвенно владел (для владения – 99,9 %) через аффилированные российские юридические лица, находившиеся в доверительном управлении иных лиц и участвовавшие в схеме продажи акций российской энергетической компании ОАО «СИБЭКО». Суд установил, что иностранные компании, принимавшие участие в схеме по продаже активов ОАО «СИБЭКО», не вели реальную хозяйственную деятельность, не имели полноценных органов управления, а действительным получателем денег по сделке и их распорядителем являлся М. А. Абызов, а не акционеры и руководители компаний-ответчиков, которые кроме формального подписания договоров купли-продажи в их подготовке и исполнении реального участия не принимали (решение Гагаринского районного суда г. Москвы от 20 октября 2020 г. по делу № 2-3645/2020).

Было возбуждено гражданское дело и в отношении АО «Альфа-Банк», задействованного в схеме незаконного обогащения М. А. Абызова, который часть доходов, полученных в результате реализации акций российских энергетических компаний, направил через подконтрольные компании для инвестирования 115 млн долл. США в проект «Телеграмм Групп Инк.» по выпуску цифровой криптовалюты (токенов) *Gram*. В связи с тем что данный проект не был одобрен регулирующим органом США, «Телеграмм Групп Инк.» обязалась возратить инвесторам полученные денежные средства и конвертировала их в заемные обязательства. Как установил суд первой инстанции, вина АО «Альфа-Банк» заключалась в обслуживании финансовых транзакций, санкционировании операций с нелегальными денежными средствами,

поскольку посредством банка первоначальные инвесторы – компании, подконтрольные М. А. Абызову, – были заменены на аффилированные банку иностранные компании путем заключения договоров переуступки и новации существующих обязательств, в результате чего на счета, открытые в АО «Альфа-Банк», поступили коррупционные активы в размере 104,5 млн долл. США (решение Гагаринского районного суда г. Москвы от 8 сентября 2021 г. по делу № 2-4597/2021).

По делу депутата Государственной Думы С. А. Сопчука № 2-10163/2020 в числе ответчиков были привлечены ООО «Терней Золото» и собенефициар данной компании, вместе с которыми через номинальное владение иных лиц осуществлялись контрольные и распорядительные функции в отношении предприятия, учрежденного для извлечения прибыли и драгоценных металлов, в том числе золота и серебра, в Приморском крае. Суд установил, что фактические бенефициары предоставляли займы денежных средств как лично, так и посредством подконтрольных юридических и физических лиц; значительная часть этих средств так и не была возвращена. Директор золотодобывающего предприятия регулярно отчитывался о деятельности предприятия перед привлеченными к ответственности депутатами, которые определяли судьбу компании, соотношение их долей в обществе, обсуждали варианты продажи предприятия либо привлечения к его работе третьих лиц (решение Замоскворецкого районного суда г. Москвы от 23 декабря 2020 г. по делу № 2-10163/2020).

Кроме того, выявлен факт принадлежности С. А. Сопчуку комплекса отдыха «Маяк» в Приморском крае. Депутат за счет собственных средств и подконтрольных ему компаний финансировал базу отдыха, реконструировал входящие в ее состав объекты и построил новые сооружения. Поскольку С. А. Сопчук фактически определял судьбу базы отдыха, участвовал в ее хозяйственно-финансовой деятельности, принимал руководящие решения, занимался планированием, контролировал отчетность, извлекал доход и обогащался способом, запрещенным антикоррупционным законодательством, ООО «Комплекс отдыха „Маяк“» было также привлечено к ответственности по подп. 8 п. 2 ст. 235 ГК РФ (решение Замоскворецкого районного

суда г. Москвы от 26 января 2022 г. по делу № 2-504/2022).

Проведенный анализ показал, что субъектами проверки Генеральной прокуратурой РФ на предмет законности получения имущества и финансовых активов и их соразмерности полученному доходу могут стать фактически любое лицо и компания, в том числе иностранная, имеющая или имевшая взаимоотношения с государственным служащим, в том числе до момента замещения им публичной должности [Бочкарев 2021а: 8].

Объект обращения взыскания по требованиям о взыскании коррупционных доходов

Согласно ст. 17 Федерального закона «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» взыскание в бюджет Российской Федерации может быть обращено на земельные участки, другие объекты недвижимости, транспортные средства, ценные бумаги, акции (доли участия, паи в уставных (складочных) капиталах организаций), цифровые финансовые активы и цифровую валюту. Конституционный Суд РФ подчеркнул, что изъять можно только то, что прямо указано в статье (как правило, дорогостоящее имущество, в отношении которого ведется учет и осуществляются регистрационные действия (п. 5.5 Постановления от 29 ноября 2016 г. № 26-П).

В деле Д. В. Захарченко № 2-6770/17 обращению взыскания подлежали квартиры, нежилые помещения, машино-места, автомобили, денежные средства в российской и иностранной валюте. По делу Л. И. Маркелова № 2-9507/2019 помимо объектов недвижимости и автомобилей изымалось огромное количество предметов роскоши: слитков золота, памятных монет, картин, наручных часов престижных марок, изделий из драгоценных металлов и т. д. В бюджет РФ может быть обращено взыскание даже на ювелирные украшения и женские сумки марок премиального сегмента *Dior*, *Chanel* и *Hermes* (решение Головинского районного суда г. Москвы от 8 ноября 2019 г. по делу № 02-3885/2019).

Интересно, что по делу И. С. Пушкарева № 2-292/2020 обращению взыскания подлежал доход – 1,4 млрд руб., полученные компаниями группы, участвовавшими в исполнении муниципальных контрактов. При этом

доводы ответчиков о правомерности получения данных денежных средств на основе взаимности, реальности поставок строительных материалов (бетон, цемент и т. д.) на сумму 2,1 млрд руб. и даже прощения долга муниципального предприятия на сумму свыше 761 млн руб. суд отклонил, посчитав их не относящимися к предмету судебного разбирательства.

Примечательно также, что в состав взысканного дохода входила сумма уже уплаченного налога на добавленную стоимость, которую компании группы как налоговый агент уплачивали за муниципальное предприятие. Налог на добавленную стоимость по смыслу главы 24 Налогового кодекса РФ – косвенный налог, который уплачивается поставщиком ежеквартально со всей суммы поставок и возмещается конкретными покупателями при оплате поставки. Налог на добавленную стоимость не является доходом компании и учитывается в отдельных графах бухгалтерской отчетности. Представляется, что взыскание в составе неправомερных коррупционных доходов налога на добавленную стоимость, в сущности, привело к двойному взысканию в бюджет РФ денежных средств в размере 243 млн. руб.

По делу М. А. Абызова № 2-3645/2020 обращению в доход Российской Федерации подлежала вся выкупная сумма в размере 32,5 млрд руб., полученная подконтрольными бывшему министру иностранными компаниями по договорам купли-продажи акций ОАО «СИБЭКО». По распоряжению бывшего министра данные активы использовались для покупки облигаций, конвертации в валюту, а часть коррупционного дохода в размере 115 млн долл. США инвестирована М. А. Абызовым в проект «Телеграмм Групп Инк.» для реализации проекта по выпуску цифровой криптовалюты (токенов) *Gram* с использованием подконтрольных офшорных компаний.

По делу АО «Альфа-Банк» № 2-4597/2021 в доход Российской Федерации были взысканы денежные средства в размере 30 тыс. долл. США и 5,6 млрд руб. – часть денежных средств, поступивших по схеме возврата нереализованных средств из инвестиционного проекта «Телеграмм Групп Инк.» в пользу М. А. Абызова в размере 104,5 млн долл. США, которая была направлена на погашение кредиторской задолженности перед

АО «Альфа-Банк». Суд первой инстанции признал недопустимым то, что банк игнорирует незаконность происхождения денежных средств и требования законодательства о противодействии отмыванию коррупционных доходов.

По делу С. А. Сопчука № 2-10163/2020 было установлено, что депутат, нарушая запрет на занятие предпринимательской деятельностью, через подконтрольные ему фирмы вложил в ООО «Терней Золото» более 1 млрд руб. В результате проведенных за счет средств ответчиков геологических, разведывательных и испытательных работ установлены запасы 7828,7 кг золота и 773,6 т серебра (общей стоимостью 38,5 млрд руб.), которые ООО «Терней Золото» вправе добыть и реализовать. В результате по решению суда было обращено взыскание на 100 % доли в уставном капитале ООО «Терней Золото» как на имущество, в отношении которого не представлены доказательства его приобретения на законные доходы в соответствии с законодательством Российской Федерации о противодействии коррупции.

Решением суда по делу ООО «Комплекс отдыха „Маяк“» № 2-504/2022 в доход Российской Федерации было обращено все имущество, зарегистрированное на данную компанию, в том числе объекты недвижимого имущества, нежилые здания, дома отдыха, бассейны, спортивная площадка, беседки, генераторная, оранжерея, коптильная и все иные вспомогательные хозяйственные сооружения.

Таким образом, как и в вопросе субъектной ответственности за коррупционные правонарушения судебная практика расширительно толкует объем имущества, подлежащего декларированию государственным служащим [Мальшева 2019: 15] (в том числе если это имущество зарегистрировано на родственников либо аффилированных лиц) и, как следствие, подлежащего проверке на предмет законности приобретения в собственность.

Применимость сроков исковой давности к требованиям о взыскании коррупционных доходов

Федеральный закон «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» был принят 3 декабря 2012 г., при этом в ст. 18 предусматривает, что объектом проверки являются доходы, расходы и сдел-

ки государственного служащего и иных лиц с 1 января 2012 г. Придание закону обратной силы – «исключительный тип его действия во времени, использование которого относится к прерогативе законодателя; при этом в тексте закона содержится специальное указание о таком действии во времени, либо в правовом акте о порядке вступления закона в силу имеется подобная норма» (Постановление Конституционного Суда РФ от 15 февраля 2016 г. № 3-П).

Несмотря на этот императивный запрет и строгие временные рамки, прямо указанные в Федеральном законе «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам», правоприменители следуют по пути тотального контроля и всеобщей борьбы с коррупцией как с явлением, подрывающим общественный и государственный строй.

Более того, неприменимым оказывается требование о сроках исковой давности как конструкт, который в любой сфере правоотношений, в том числе уголовно-правовой и административной, призван упорядочить правоотношения, внести в них правовую определенность и стимулировать своевременную защиту прав потерпевших. Между тем ст. 7 Конвенции Совета Европы о гражданско-правовой ответственности за коррупцию от 4 ноября 1999 г. устанавливает необходимость закрепления во внутреннем законодательстве стран требований о действии сроков исковой давности не менее трех лет со дня, когда лицу, понесшему ущерб, стало известно о совершенном акте коррупции, но не более десяти лет с момента совершения коррупционного действия.

Общая норма ст. 196, 200 ГК РФ закрепляет срок исковой давности в три года со дня, когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении своего права. Этот срок применяется ко всем гражданско-правовым требованиям при отсутствии специального указания на иные сроки. Истечение срока исковой давности, о применении которой заявлено стороной в споре, является безусловным основанием для вынесения судом решения об отказе в иске (ст. 199 ГК РФ, п. 15 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 сентября 2015 г. № 43 «О некоторых вопросах, связанных с применением норм Гражданского кодекса Российской Федерации об исковой давности»).

Тем не менее суды неоднократно отказывали в применении последствий истечения срока, ссылаясь на защиту нематериальных благ общества и государства от актов коррупции, необходимость исходить из условия неотвратимости ответственности лиц за допущенные правонарушения (см., например: решение Советского районного суда г. Владивостока от 6 марта 2020 г. по делу № 2-292/2020; решение Химкинского городского суда Московской области от 16 февраля 2022 г. по делу № 2-854/2022) [Бочкарев 2021b: 12].

Если в социальном аспекте с данным доводом сложно не согласиться, то с формально-юридической позиции категория «нематериальные блага» относится только к физическим лицам, жизнь и здоровье, достоинство личности, личная неприкосновенность, честь и доброе имя, неприкосновенность частной жизни которых охраняются Конституцией РФ и ст. 150 ГК РФ. Формально иск Генеральной прокуратуры РФ направлен на взыскание в бюджет Российской Федерации как публичного субъекта и не ставит вопрос о защите нематериальных благ, тесно связанных с жизнью, здоровьем и личностью конкретных граждан РФ.

Представляется, что конструкция срока исковой давности как неотъемлемый элемент любого права на иск должна применяться при рассмотрении требований об обращении взыскания на коррупционные доходы. Возможно, что в связи с важностью защищаемых общественных интересов данный срок должен быть больше в сравнении со сроками давности по иным требованиям защиты субъективных прав.

В заключение отметим, что вопрос о взыскании коррупционных доходов подвергается теоретическому и нормативному анализу [Марасов 2018: 26; Цирин, Севальнев 2020: 156] на предмет состава вменяемого правонарушения, круга субъектов, подлежащих ответственности, объема изымаемого имущества, применимых сроков исковой давности, причем в рамках не только российской правовой системы, но и зарубежной. Кроме того, есть ряд вопросов процессуального плана, обсуждение которых тоже уместно при рассмотрении дел данной категории: подсудность, распределение бремени доказывания, возможность заключения мирового соглашения и т. д. Это опять же обуславливает актуальность данной темы.

Список литературы

France G. Non-Conviction-Based Confiscation as an Alternative Tool to Asset Recovery: Lessons and Concerns from the Developing World // Transparency International, 2022. URL: <http://www.jstor.org/stable/resrep39424> (дата обращения: 04.04.2022).

Бочкарев С. А. Субъекты гражданско-правовой ответственности за коррупцию // Законность. 2021а. № 3. С. 3–8.

Бочкарев С. А. Коррупция вне сроков исковой давности // Законность. 2021b. № 2. С. 8–12.

Грибанов В. П. Ответственность за нарушение гражданских прав и обязанностей. Осуществление и защита гражданских прав. М.: Статут, 2000. 411 с.

Илюшина М. Н. Гражданско-правовые элементы механизма контроля за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам // Гражданское право. 2019. № 6. С. 3–7.

Иоффе О. С. Обязательственное право. М.: Юрид. лит., 1975. 466 с.

Мальшева Л. А. Совершенствование деятельности по контролю за расходами государственных служащих и иных лиц // Законность. 2019. № 3. С. 12–15.

Марасов Ю. Г. Контроль за расходами отдельных должностных лиц как одна из основных мер профилактики коррупции // Российский судья. 2018. № 4. С. 22–26.

Смирнова Л. А. Реализация прокурорами полномочий в сфере контроля за расходами государственных служащих и иных лиц // Законность. 2017. № 5. С. 27–31.

Цирин А. М., Севальнев В. В. Совершенствование порядка осуществления контроля за расходами и механизма обращения в доход государства имущества, приобретенного на неподтвержденные доходы // Журнал российского права. 2020. № 9. С. 144–156.

Наталья Евгеньевна Бараданченкова – адвокат, старший преподаватель кафедры гражданского процесса Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева. 620137, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21. E-mail: baradanchenkova@gmail.com.
ORCID: 0000-0002-9930-9520

Corruption Proceeds Recovery in the Russian Federation

In recent years, the Russian General Prosecutor's Office practice of collecting corruption proceeds has been gaining momentum in terms of the categories and amounts of recovered income, as well as the scope of factual and legal grounds for the claims.

After analyzing the latest landmark cases, the author concludes that the claim on subpar. 8 par. 2 of Article 235 of the Russian Civil Code, by the nature of the established facts, differs from claims for harm compensation, the recovery of unjust enrichment, or the recognition of transactions as antisocial. The author examines some trends in expanding the circle of persons whose property assets can be recovered to the Russian Federation budget, the possibility of foreclosure on company profits received as a result of its economic activity, including taxes already paid, and funds sent to the bank to pay off credit obligations. In addition, contrary to existing practice, the author also substantiates the need to apply statute of limitations on actions as a condition for satisfying a claim.

Keywords: counteraction to corruption, illegal income recovery, civil service, judiciary, prosecutor

Recommended citation

Baradanchenkova N. E. Praktika obrashcheniya vзыскaniya na korruptsiionnye dokhody v Rossiiskoi Federatsii [Corruption Proceeds Recovery in the Russian Federation], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2022, no. 3, pp. 36–45, DOI: 10.34076/2410_2709_2022_3_36.

References

- Bochkarev S. A. Sub"ekty grazhdansko-pravovoi otvetstvennosti za korruptsiyu [Subjects of Civil Liability for Corruption], *Zakonnost'*, 2021a, no. 3, pp. 3–8.
- Bochkarev S. A. Korruptsiya vne srokov iskovoi davnosti [Corruption Beyond the Statute of Limitations], *Zakonnost'*, 2021b, no. 2, pp. 8–12.
- France G. *Non-Conviction-Based Confiscation as an Alternative Tool to Asset Recovery: Lessons and Concerns from the Developing World*, Transparency International, 2022, available at: <http://www.jstor.org/stable/resrep39424> (accessed: 04.04.2022).
- Gribanov V. P. *Otvetstvennost' za narushenie grazhdanskikh prav i obyazannostei. Osushchestvlenie i zashchita grazhdanskikh prav* [Responsibility for Violation of Civil Rights and Obligations. Exercise and Protection of Civil Rights], Moscow, Statut, 2000, 411 p.
- Ilyushina M. N. Grazhdansko-pravovye elementy mekhanizma kontrolya za sootvetstviem raskhodov lits, zameshchayushchikh gosudarstvennye dolzhnosti, i inykh lits ikh dokhodam [Civil Law Elements of the Mechanism for Monitoring the Compliance of Expenses of Persons Holding Public Office and Other Persons with their Income], *Grazhdanskoe pravo*, 2019, no. 6, pp. 3–7.
- Ioffe O. S. *Obyazatel'stvennoe pravo* [Law of Obligations], Moscow, Yurid. lit., 1975, 466 p.
- Malysheva L. A. Sovershenstvovanie deyatel'nosti po kontrolyu za raskhodami gosudarstvennykh sluzhashchikh i inykh lits [Improving the Activities to Control the Expenses of Civil Servants and Other Persons], *Zakonnost'*, 2019, no. 3, pp. 12–15.
- Marasov Yu. G. Kontrol' za raskhodami otdel'nykh dolzhnostnykh lits kak odna iz osnovnykh mer profilaktiki korruptsii [Control Over the Expenses of Individual Officials as One of the Main Measures to Prevent Corruption], *Rossiiskii sud'ya*, 2018, no. 4, pp. 22–26.
- Smirnova L. A. Realizatsiya prokurorami polnomochii v sfere kontrolya za raskhodami gosudarstvennykh sluzhashchikh i inykh lits [Implementation by Prosecutors of Powers in the Field

of Control over the Expenses of Civil Servants and Other Persons], *Zakonnost'*, 2017, no. 5, pp. 27–31.

Tsirin A. M., Seval'nev V. V. Sovershenstvovanie poriyadka osushchestvleniya kontrolya za raskhodami i mekhanizma obrashcheniya v dokhod gosudarstva imushchestva, priobretnennogo na nepodtverzhdennye dokhody [Improving the Procedure for Exercising Control over Expenses and the Mechanism for Turning Property Acquired with Unconfirmed Income into State Revenue], *Zhurnal rossiiskogo prava*, 2020, no. 9, pp. 144–156.

Natalya Baradanchenkova – advocate, senior lecturer of the Department of civil procedure, Ural State Law University named after. V. F. Yakovlev. 620137, Russian Federation, Ekaterinburg, Komsomol'skaya str., 21. E-mail: baradanchenkova@gmail.com.

ORCID: 0000-0002-9930-9520

Дата поступления в редакцию / Received: 29.03.2022

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 01.06.2022

А. А. Попов

Российский государственный университет правосудия
(Москва)

В. А. Попов

Уральский государственный
юридический университет им. В. Ф. Яковлева
(Екатеринбург)

ПРАВО АРБИТРАЖНОГО СУДА ПЕРВОЙ ИНСТАНЦИИ РАЗРЕШИТЬ СПОР ПО ИМЕЮЩИМСЯ В МАТЕРИАЛАХ ДЕЛА ДОКАЗАТЕЛЬСТВАМ

Основополагающей чертой состязательного процесса выступает активное поведение участвующих в деле лиц, и в связи с этим именно на них ложится риск несовершения необходимых процессуальных действий, в том числе по представлению доказательств в обоснование своей позиции по делу. В задачи суда не входит восполнение пробелов в доказательственном материале, вызванных процессуальным бездействием участников спора, а потому Верховный Суд РФ разъяснил право суда первой инстанции разрешить спор по имеющимся в материалах дела доказательствам. Гарантией реализации данного права является ч. 2 ст. 268 АПК РФ, ограничивающая право арбитражного суда апелляционной инстанции принимать дополнительные доказательства.

В то же время правоприменительная практика складывается неоднозначно и суды расширительно толкуют указанную правовую норму, связывающую возможность принятия судом апелляционной инстанции дополнительных доказательств с обеспечением права другой стороны ознакомиться с ними и заявить свои возражения, а также с тем, насколько такие доказательства могут повлиять на результат рассмотрения дела. В связи с этим авторы предлагают изменить подходы вышестоящих судов к разрешению данного вопроса и исходить из буквального толкования ч. 2 ст. 268 АПК РФ.

Ключевые слова: доказательства, принцип состязательности, арбитражный процесс, процессуальная активность, доказывание, время доказывания

Для цитирования

Попов А. А., Попов В. А. Право арбитражного суда первой инстанции разрешить спор по имеющимся в материалах дела доказательствам // Российское право: образование, практика, наука. 2022. № 3. С. 46–51. DOI: 10.34076/2410_2709_2022_3_46.

УДК 347.94

DOI: 10.34076/2410_2709_2022_3_46

Состязательность является одним из основополагающих принципов отправления правосудия в демократических правовых государствах. В России этот принцип закреплен на конституционном уровне (ч. 3 ст. 123 Конституции), а также во всех процессуальных кодексах.

В Арбитражном процессуальном кодексе Российской Федерации содержание принципа состязательности раскрывает ст. 9, которая к настоящему времени не претерпела ни

одного изменения. В этом, полагаем, и нет необходимости, поскольку данная правовая норма концептуально полно отражает доктринально устоявшееся содержание рассматриваемого принципа. Вопрос состоит лишь в реализации и развитии ее положений в судебной практике.

Принцип состязательности представляет собой правило, по которому заинтересованные в исходе дела лица вправе отстаивать свою правоту в споре путем представления

доказательств, участия в исследовании доказательств, представленных другими лицами, путем высказывания своего мнения по всем вопросам, подлежащим рассмотрению в судебном заседании [Комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу 2020].

«Заинтересованный» означает «связанный практическими интересами, материальными выгодами с каким-нибудь делом»¹. Интерес – «внимание, возбуждаемое по отношению к кому-чему-нибудь значительному, важному, полезному или кажущемуся таким»². Понятие «интерес» также связывается с категориями «важность», «значение».

Таким образом, установление наличия или отсутствия интереса участника процесса к результату разрешения возникшего правового спора и значения³ этого результата для него выступает опорной точкой в применении арбитражными судами положений ст. 9 АПК РФ.

Заинтересованность участников процесса в исходе дела проявляется и должна проявляться в активном участии в отстаивании своей позиции по делу, представлении необходимого и достаточного для ее подтверждения доказательственного материала. Именно активное поведение участвующих в деле лиц выступает основополагающей чертой состязательности [Бекашева 2019; Стуликова 2022].

В этом контексте примечательным является постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 декабря 2021 г. № 46 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в суде первой инстанции». В нем красной нитью проходит идея об усилении состязательного начала арбитражного судопроизводства, об обеспечении большей процессуальной активности участников спора. Например, в п. 2 закреплены общие положения, касающиеся неблагоприятных последствий отказа стороны от фактического участия в состязательном процессе; в п. 37 арбитражным судам даны разъяснения о том, что в случае непредстав-

ления стороной доказательств, необходимых для правильного рассмотрения дела, спор разрешается по имеющимся в материалах дела доказательствам; в п. 44 говорится, что при наличии обстоятельств, приведенных в п. 9 ч. 1 ст. 148 АПК РФ, дополнительного установления арбитражным судом факта утраты истцом интереса к рассмотрению соответствующего спора по существу не требуется.

Развитие состязательности связано не только с изданием соответствующих руководящих разъяснений высшего судебного органа страны, но и с единообразным применением правовых норм и институтов, отражающих содержание рассматриваемого принципа, всеми арбитражными судами первой, апелляционной и кассационной инстанций.

Несмотря на то что Верховный Суд не изменил сформулированный еще Высшим Арбитражным Судом подход к институту заблаговременного раскрытия доказательств [Попов, Попов 2020], хороший потенциал для обеспечения добросовестной процессуальной активности и дисциплины лиц, участвующих в деле, заложен в пп. 2 и 37 приведенного выше постановления. При этом разъяснения суда вышестоящей инстанции обращены не только к судам первой инстанции, но и к арбитражным апелляционным и кассационным судам⁴, а потому гарантией реализации полномочия арбитражного суда первой инстанции рассмотреть дело по имеющимся доказательствам должна служить ч. 2 ст. 268 АПК РФ, ограничивающая право арбитражного суда апелляционной инстанции принимать дополнительные доказательства.

С этой точки зрения по-новому звучат разъяснения, данные Пленумом Верховного Суда в п. 29 постановления от 30 июня 2020 г. № 12 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в арбитражном суде апелляционной инстанции». Здесь сформулированы следующие две правовые позиции: 1) признание доказательств относимыми и допустимыми само по себе не является достаточным для их принятия арбитражным

¹ Толковый словарь Ушакова. 1935–1940 // URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/805294> (дата обращения: 24.03.2022).

² Там же.

³ Речь идет не о правовых последствиях вынесения того или иного судебного акта для участников спора (ст. 16 АПК РФ), а о том, насколько данный акт представляет ценность, смысл для стороны, в том числе с точки зрения его исполнения или неисполнения.

⁴ При проверке законности и обоснованности судебного акта суды вышестоящих инстанций, оценивая правильность применения судами первой инстанции, в том числе, норм процессуального права, должны ориентироваться на разъяснения и подходы, которые выработаны Верховным Судом РФ и которыми руководствовались суды первой инстанции.

апелляционным судом; 2) немотивированное принятие судом апелляционной инстанции новых доказательств может являться основанием для отмены постановления данного суда, если это привело или могло привести к принятию неправильного судебного акта¹. Однако в правоприменительной практике обнаружить единство позиций и подходов к разрешению судами вышестоящих инстанций вопроса о принятии дополнительных доказательств не удается.

Так, постановлением Суда по интеллектуальным правам от 19 ноября 2021 г. по делу № А41-1826/2021 оставлено в силе решение Арбитражного суда Московской области от 19 мая 2021 г. об отказе во взыскании компенсации за нарушение исключительных прав на произведения изобразительного искусства.

Представляется дискуссионным рассматривать реакцию арбитражного суда на запоздалое проявление участником процесса интереса к делу как ограничение или нарушение его права на судебную защиту

Суд кассационной инстанции подчеркнул, что истец не доказал, что владельцем сайта выступает именно ответчик, справка регистратора о принадлежности сайта ответчику подлежит возвращению истцу, поскольку соответствующий документ в суде первой инстанции не представлялся.

Постановлением Арбитражного суда Уральского округа от 22 сентября 2021 г. по делу № А60-1307/2020 было отменено постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 22 июня 2021 г., в том числе, в связи с тем, что, приобщая дополнительные документы, апелляционный суд не установил уважительность причин, по которым кредитор не представил данные доказательства в суд первой инстанции, а равным образом не обеспечил возражающим лицам возможность ознакомиться с новыми доказательствами.

¹ В п. 26 ранее действовавшего постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 28 мая 2009 г. № 36 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в арбитражном суде апелляционной инстанции» разъяснялось, что принятие судом апелляционной инстанции дополнительных доказательств не может служить основанием для отмены постановления этого суда.

ми, принять участие в исследовании и оценке представленных кредитором документов либо заявить мотивированные возражения против их приобщения.

В постановлении от 25 февраля 2022 г. по делу № А60-24656/2021 Арбитражный суд Уральского округа сформулировал несколько иную правовую позицию. Согласно ей решение вопроса о принятии дополнительных пояснений и доказательств находится в пределах усмотрения суда апелляционной инстанции, а потому принятие этим судом дополнительных доказательств не может выступать основанием для отмены его постановления. Схожая позиция² о том, что принятие апелляционным судом дополнительных доказательств, способствующих всестороннему и объективному исследованию обстоятельств, имеющих значение для дела, не может привести к принятию неправильного постановления, отражена в «отказных» определениях судей Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ по делам № А40-285507/2019, А82-17492/2019.

Обращает на себя внимание то, что в указанных постановлениях Арбитражный суд Уральского округа дал расширительное толкование ч. 2 ст. 268 АПК РФ: определил в качестве условий реализации полномочия суда апелляционной инстанции принять дополнительные доказательства не только установление уважительности причин их непредставления в суд первой инстанции, но и наличие у другой стороны возможности ознакомиться с ними и представить свои возражения.

В определении Верховного Суда РФ от 20 января 2022 г. по делу № А40-211941/2020 сформулирован еще более емкий вывод о том, что правила ч. 2 ст. 268 АПК РФ «подлежат применению судом апелляционной инстанции в каждом конкретном случае и с учетом того, насколько новые доводы (доказательства) могут повлиять на результат рассмотрения дела. Суды при рассмотрении дела обязаны исследовать по существу его фактические обстоятельства и не должны ограничиваться только установлением формальных условий применения нормы, поскольку иное может привести к существенному ущемлению права на судебную защиту».

² Такое толкование ч. 2 ст. 268 АПК РФ и п. 29 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30 июня 2020 г. № 12 встречается и в научной литературе. См., например: [Актуальные проблемы 2021].

Между тем представляется дискуссионным рассматривать реакцию арбитражного суда на запоздалое проявление участником процесса интереса к делу как ограничение или нарушение его права на судебную защиту (или доступа к правосудию). Принципы состязательности и равноправия сторон устанавливают такой механизм разрешения судом спора, при котором именно на сторонах лежит обязанность по доказыванию своей правоты и именно на них падают все риски и последствия их процессуального поведения [Ильин 2021].

При этом рассмотрение судом первой инстанции дела по имеющимся доказательствам и отказ суда апелляционной инстанции в принятии дополнительных доказательств, которые по неуважительным причинам не были представлены в суд первой инстанции, не представляют собой привлечение к процессуальной ответственности и не выступают инструментом борьбы с процессуальными злоупотреблениями [Володарский, Кашкарова 2021a, 2021b], поскольку пассивное процессуальное поведение участника спора последним не является, а полностью соответствует концепции диспозитивного, состязательного арбитражного процесса.

Право на осуществление конкретных процессуальных действий и право на судебную защиту в целом требуют от заинтересованных лиц соблюдения предусмотренной процедуры и порядка реализации процессуальных прав [Нохрин 2006: 18]. В данном случае участник процесса заинтересованности в исходе дела при его разрешении судом первой инстанции не проявил, порядок осуществления закрепленного в ст. 9, 41 АПК РФ права представлять арбитражному суду доказательства нарушил. Вполне обоснован вывод о том, что лицо, участвующее в деле, действуя подобным образом (скорее, даже бездействуя), само отказалось как от реализации данного ему законом права на совершение процессуальных действий, так и в целом от реализации права на судебную защиту.

Право на судебную защиту предполагает, что такая судебная защита будет предоставлена обращающемуся за ней лицу в соответствии с принципами и правилами отправления правосудия, которые приняты в государстве и соблюдение которых является обязанностью каждого, как самих судебных органов, так и участников судебного процесса.

Полагаем, что арбитражные апелляционные суды должны исходить из буквального толкования ч. 2 ст. 268 АПК РФ, не связывая возможность принятия дополнительных доказательств, не представленных в суд первой инстанции по неуважительным причинам, с обеспечением права другой стороны ознакомиться с ними и заявить свои возражения, а также с тем, насколько такие доказательства могут повлиять на результат рассмотрения дела. В противном случае в определенном смысле ограничивается (сужается) содержание института состязательности при рассмотрении дел в судах первой инстанции, которые заключаются в рамки, вынуждающие их постоянно откладывать судебное разбирательство, ожидая от участников процесса представления доказательств, способных повлиять на результат разрешения спора, в том числе во избежание отмены принятых судебных актов вышестоящими судами. В такой ситуации утрачивают значение актуальные разъяснения Верховного Суда РФ о праве суда первой инстанции разрешить спор по имеющимся в материалах дела доказательствам.

С учетом изложенного полагаем, что дальнейшее развитие судебной практики в сторону обеспечения большей процессуальной активности участников спора с надлежащей оценкой их пассивного поведения заключается в изменении судами апелляционной инстанции правового подхода к разрешению вопроса о принятии дополнительных доказательств и его поддержке арбитражными судами округов, призванных осуществлять конкретизацию норм права и обеспечить единообразие судебной практики на территории своего кассационного округа [Лазарев 2020].

Список литературы

Актуальные проблемы гражданского и административного судопроизводства / под ред. В. В. Яркова. М.: Статут, 2021. 460 с.

Бекяшева Д. И. Новелла ст. 56 ГПК РФ о раскрытии доказательств: иллюзия или реальность? // Российский судья. 2019. № 11. С. 10–14.

Володарский Д. Б., Кашкарова И. Н. К вопросу о рецепции доктрины эстоппеля: процессуальный аспект (часть 1) // Закон. 2021а. № 7. С. 106–116.

Володарский Д. Б., Кашкарова И. Н. К вопросу о рецепции доктрины эстоппеля: процессуальный аспект (часть 2) // Закон. 2021б. № 8. С. 131–152.

Ильин А. В. Нарушение принципов равноправия и состязательности как основание для отмены судебных актов арбитражных судов в кассационном порядке // Закон. 2021. № 7. С. 70–80.

Комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. В. В. Яркова. М.: Статут, 2020. 1071 с.

Лазарев С. В. Основные функции и задачи арбитражного суда округа на современном этапе // Экономическое правосудие в Уральском округе. 2020. № 3. С. 115–127.

Нохрин Д. Г. Государственное принуждение в гражданском судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 30 с.

Попов А. А., Попов В. А. Заблаговременное раскрытие доказательств как проявление принципа состязательности в арбитражном процессе: отечественный и зарубежный опыт // Российское право: образование, практика, наука. 2020. № 6. С. 34–40.

Стуликова Н. В. Состязательность арбитражного судопроизводства как гарантия эффективной судебной защиты // Российский судья. 2022. № 1. С. 3–8.

Александр Александрович Попов – кандидат юридических наук, доцент кафедры организации судебной и правоохранительной деятельности Российского государственного университета правосудия. 117418, Российская Федерация, Москва, ул. Новочеремушкинская, д. 69. E-mail: paa240191@yandex.ru.

ORCID: 0000-0003-0680-0087

Виталий Александрович Попов – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева. 620137, Российская Федерация, Екатеринбург, Комсомольская, д. 21. E-mail: popov@avskompany.ru.

ORCID: 0000-0002-4534-3758

The Right of the Commercial Court of the First Instance to Resolve a Dispute on the Evidence Available in the Case Materials

The fundamental feature of the adversarial procedure is the active behavior of participants in the procedure, and in this regard, it is they who bear the risk of not performing the necessary procedural actions, including presenting evidence to substantiate their position on the case. The tasks of the court do not include filling in the gaps in the evidentiary material caused by the procedural inaction of the parties to the dispute, and therefore the Supreme Court of the Russian Federation explained the right of the court of first instance to resolve the dispute on the evidence available in the case materials. The guarantee of the exercise of this right is part 2 of Article 268 of the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation, which limits the right of the commercial court of appeal to accept additional evidence.

At the same time, law enforcement practice develops ambiguously and courts give an expansive interpretation of this legal norm, linking the possibility of accepting additional evidence by the court of appeal with providing the right of the other party to review them and express their objections, as well as how such evidence can affect the outcome of the case. In this regard, the authors propose changing the approaches of higher courts to resolving this issue and proceeding from the literal interpretation of part 2 of Article 268 of the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation.

Keywords: evidence, principle of competition, commercial procedure, procedural activity, proving, burden of proof

Recommended citation

Popov A. A., Popov V. A. Pravo arbitrazhnogo suda pervoi instantsii razreshit' spor po imeyushchimsya v materialakh dela dokazatel'stvam [The Right of the Commercial Court of the First Instance to Resolve a Dispute on the Evidence Available in the Case Materials], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2022, no. 3, pp. 46–51, DOI: 10.34076/2410_2709_2022_3_46.

References

Bekyasheva D. I. Novella st. 56 GPK RF o raskrytii dokazatel'stv: illyuziya ili real'nost'? [A Novelty of Article 56 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation on the Discovery of Evidence: an Illusion or Reality?], *Rossiiskii sud'ya*, 2019, no. 11, pp. 10–14.

Il'in A. V. Narushenie printsipov ravnopraviya i sostyazatel'nosti kak osnovanie dlya otmeny sudebnykh aktov arbitrazhnykh sudov v kassatsionnom poryadke [Violation of the Principles of Equality and Competition as a Basis for the Cancellation of Judicial Acts of Arbitrazh Courts on Appeal], *Zakon*, 2021, no. 7, pp. 70–80.

Lazarev S. V. Osnovnye funktsii i zadachi arbitrazhnogo suda okruga na sovremennom etape [The Main Functions and Tasks of the Commercial Court of the District at the Present Stage], *Ekonomicheskoe pravosudie v Ural'skom okruge*, 2020, no. 3, pp. 115–127.

Nokhrin D. G. *Gosudarstvennoe prinuzhdenie v grazhdanskom sudoproizvodstve* [State Coercion in Civil Proceedings]: autoabstr. of cand. jur. sc. thesis, Moscow, 2006, 30 p.

Popov A. A., Popov V. A. Zablagovremennoe raskrytie dokazatel'stv kak proyavlenie printsipa sostyazatel'nosti v arbitrazhnom protsesse: otechestvennyi i zarubezhnyi opyt [The Preliminary Disclosure of Evidence as a Manifestation of the Adversarial Principle of Arbitration in National and International Court Proceedings], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2020, no. 6, pp. 34–40.

Stulikova N. V. Sostyazatel'nost' arbitrazhnogo sudoproizvodstva kak garantiya effektivnoi sudebnoi zashchity [Adversariality of Arbitration Proceedings as a Guarantee of Efficient Judicial Protection], *Rossiiskii sud'ya*, 2022, no. 1, pp. 3–8.

Volodarskii D. B., Kashkarova I. N. K voprosu o retseptsii doktriny estoppelya: protsessual'nyi aspekt (chast' 1) [On the Issue of the Estoppel Doctrine Implementation: Procedural Aspects (Part 1)], *Zakon*, 2021a, no. 7, pp. 106–116.

Volodarskii D. B., Kashkarova I. N. K voprosu o retseptsii doktriny estoppelya: protsessual'nyi aspekt (chast' 2) [On the Issue of the Estoppel Doctrine Implementation: Procedural Aspects (Part 2)], *Zakon*, 2021b, no. 8, pp. 131–152.

Yarkov V. V. (ed.) *Aktual'nye problemy grazhdanskogo i administrativnogo sudoproizvodstva* [Current Problems of Civil and Administrative Proceedings], Moscow, Statut, 2021, 460 p.

Yarkov V. V. (ed.) *Kommentarii k Arbitrazhnomu protsessual'nomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii (postateinyi)* [Commentary to the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation (Article-by-Article)], Moscow, Statut, 2020, 1071 p.

Aleksandr Popov – candidate of juridical sciences, associate professor of the Department of judicial and law enforcement activity, Russian State University of Justice. 117418, Russian Federation, Moscow, Novocheremushkinskaya str., 69. E-mail: paa240191@yandex.ru.

ORCID: 0000-0003-0680-0087

Vitalii Popov – candidate of juridical sciences, associate professor of the Department of criminal law, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev. 620137, Russian Federation, Ekaterinburg, Komsomol'skaya str., 21. E-mail: popov@avscompany.ru.

ORCID: 0000-0002-4534-3758

Дата поступления в редакцию / Received: 03.04.2022

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 17.06.2022

Д. М. Лифанов
Уральский государственный
юридический университет им. В. Ф. Яковлева
(Екатеринбург)

ОБ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЕ ПОРЯДКА РАССМОТРЕНИЯ ОБРАЩЕНИЙ ГРАЖДАН

Значительное внимание в своей работе органы публичной власти уделяют вопросам рассмотрения обращений граждан, что нередко приводит к нарушению их прав и свобод. От того, насколько четко будут закреплены меры юридической ответственности, в том числе административные, зависят качество работы органов публичной власти и гарантии реализации и защиты права на обращение. В статье рассмотрены и систематизированы подходы к правовому регулированию административной ответственности, предусмотренной ст. 5.59 КоАП РФ. На основе анализа положений КоАП РФ и других правовых актов в рамках формально-юридической методологии автор предлагает основные направления совершенствования административного законодательства, обеспечивающего защиту права на обращение.

Приведены количественные данные рассмотренных судами дел об административных правонарушениях по ст. 5.59 КоАП РФ за 2017–2021 гг. Обосновывается возможность корректировки положений ст. 6.8 проекта нового кодекса РФ об административных правонарушениях в соответствии со ст. 5.59 КоАП РФ. В результате изучения правоприменительной практики автор приходит к выводу о том, что необходимо принять постановление Пленума Верховного Суда РФ, содержащее разъяснения по вопросам, возникающим при рассмотрении дел об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 5.59 КоАП РФ.

Ключевые слова: обращения граждан, административная ответственность, должностное лицо, административно-деликтное законодательство, внутриотраслевая коллизия, правоприменительная практика

Для цитирования

Лифанов Д. М. Об административной ответственности за нарушение порядка рассмотрения обращений граждан // Российское право: образование, практика, наука. 2022. № 3. С. 52–60. DOI: 10.34076/2410_2709_2022_3_52.

УДК 342.9

DOI: 10.34076/2410_2709_2022_3_52

В демократическом правовом государстве право на обращение входит в число наиболее действенных правовых средств, обеспечивающих защиту прав и свобод, участие граждан в принятии решений органами публичной власти, а также осуществление общественного контроля за их деятельностью. Право граждан на обращение в государственные органы и органы местного самоуправления регламентировано в ст. 33 Конституции РФ. По мнению М. В. Головацкой, право на обращение, помимо всего прочего, является одним из источников информации для орга-

нов публичной власти и позволяет устранить нарушения законности либо предотвратить их [Головацкая 2007].

Правовое регулирование отношений, связанных с реализацией права граждан на обращение, осуществляется в соответствии с Федеральным законом от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 59). К одной из существенных особенностей данного Закона следует отнести отсутствие в нем нормы, предусматривающей административно-право-

вую санкцию за нарушение порядка рассмотрения обращений граждан. Так, согласно ст. 15 Федерального закона № 59 «лица, виновные в нарушении настоящего Федерального закона, несут ответственность, предусмотренную законодательством Российской Федерации». Ввиду того что указанная норма является бланкетной, обеспечить ее применение в отношении лиц, нарушивших порядок рассмотрения обращений граждан, невозможно¹.

Административно-правовая санкция за нарушение порядка рассмотрения обращений граждан закреплена в ст. 5.59 КоАП РФ. Согласно ей должностное лицо государственных органов, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждений и иных организаций, на которые возложено осуществление публично значимых функций, является субъектом административного правонарушения².

При этом на практике квалификация действий (бездействия) по ст. 5.59 КоАП РФ вызывает трудности, связанные с определением субъекта, на которого возложено осуществление публично значимых функций. С одной стороны, к иным организациям, осуществляющим публично значимые функции, относят организации, обеспечивающие реализацию электрической и тепловой энергии, с другой – государственные внебюджетные фонды, государственные и муниципальные унитарные предприятия, управляющие компании и т. д. В отдельных случаях к ним причисляют адвокатов, являющихся участниками судопроизводства [Савоськин 2019: 56]. По мнению исследователей, вопрос о правильности квалификации действий (бездействия)

¹ Отметим, что аналогичная по структуре и содержанию норма предусмотрена в ч. 3 ст. 32 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ (в ред. от 30 декабря 2021 г.) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». Однако в ней конкретизирован субъект нарушения – должностное лицо органов местного самоуправления.

² В постановлении Волгоградского областного суда от 5 сентября 2019 г. № 4А-649/2019 отмечается, что в силу примечания к ст. 2.4 КоАП РФ одного указания на положение должностной инструкции, возлагающей на должностное лицо обязанность своевременного рассмотрения обращений граждан, недостаточно для признания этого лица виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного ст. 5.59 КоАП РФ. Данное обстоятельство явилось основанием для прекращения производства по делу об административном правонарушении.

должен решаться исходя из правоприменительной практики и разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации [Ильиных, Романюха 2019: 110–111].

Федеральным законом от 7 мая 2013 г. № 80-ФЗ в ст. 5.59 КоАП РФ и ст. 1 и 2 Федерального закона № 59 одновременно внесены изменения, распространившие порядок рассмотрения обращений граждан на лиц указанных категорий. Данные изменения были обусловлены принятием Постановления Конституционного Суда РФ от 18 июля 2012 г. № 19-П. Суд указал, что «отдельные публично значимые функции могут быть возложены законодателем и на иные субъекты, не относящиеся к системе публичной власти». Таким образом, положения Федерального закона от № 59, устанавливавшие порядок рассмотрения обращений исключительно государственными органами и органами местного самоуправления, были признаны неконституционными, поскольку не распространялись на государственные и муниципальные учреждения и иные организации, осуществляющие публично значимые функции.

Вместе с тем отсутствие законодательного определения понятия субъекта, осуществляющего публично значимые функции, нередко приводит к необоснованному и несправедливому привлечению должностных лиц к административной ответственности по ст. 5.59 КоАП РФ. Д. В. Леонов пишет, что суды первой инстанции вопреки правовой позиции Конституционного Суда РФ, изложенной в Определении от 27 июня 2017 г. № 1361-О, признавали деятельность юридических лиц публично значимой, тем самым возлагая на них обязанность по рассмотрению обращений [Леонов 2020: 57].

Следует отметить, что лицо не подлежит административной ответственности за нарушение порядка рассмотрения обращений граждан в случае неправомерного отказа в предоставлении информации (ст. 5.39 КоАП РФ) либо нарушения законодательства об организации предоставления государственных и муниципальных услуг (ст. 5.63 КоАП РФ). Полагаем, что данный подход продиктован возможностью возникновения внутриотраслевой коллизии между нормами ст. 5.59, 5.39 и 5.63 КоАП РФ. С этой точки зрения, на наш взгляд, ст. 5.39 и 5.63 КоАП РФ являются по отношению к первой нор-

ме специальными. По отношению к ст. 5.59 и 5.39 КоАП РФ в качестве специальной в научной литературе также выделяют норму ст. 19.9 КоАП РФ [Попугаев 2013].

Представляется, что ввиду отсутствия единого родового объекта внутриотраслевой коллизии между указанными нормами нет, поскольку ст. 19.9 КоАП РФ затрагивает общественные отношения в сфере порядка управления, которые не охватываются содержанием главы 5 КоАП РФ. И. В. Христинич отмечает, что при решении вопроса о квалификации бездействия управляющей компании, в результате которого не был направлен ответ на поступившее обращение гражданина, следует руководствоваться положениями ч. 2 ст. 14.13 КоАП РФ либо ч. 1 ст. 7.23.3 КоАП РФ [Христинич 2020: 68]. В связи с этим применение санкции ст. 5.59 КоАП РФ с учетом специфики субъекта административного правонарушения является нецелесообразным.

Принимая во внимание возможность возникновения внутриотраслевой коллизии норм, суды общей юрисдикции приходят к выводу о необходимости переквалификации действий лиц, в отношении которых ведется производство по делу об административном правонарушении. Так, согласно постановлению Пермского краевого суда от 22 октября 2019 г. № 4А-1442/2019 действия должностного лица были переквалифицированы со ст. 5.59 на ч. 1.1 ст. 5.63 КоАП РФ на том основании, что указанные составы административных правонарушений имеют единый родовый объект, а санкция ч. 1.1 ст. 5.63 предусматривает наказание в виде штрафа в меньшем размере по сравнению с санкцией нормы ст. 5.59.

В соответствии со ст. 28.4, 23.1 КоАП РФ возбуждение дела об административном правонарушении, предусмотренном ст. 5.59 КоАП РФ, производится прокурором, а рассмотрение – мировым судьей. Если дело возбуждено по ст. 5.59 КоАП РФ, прокурор может выступать специальным субъектом противоправного действия (бездействия) в случае нарушения порядка рассмотрения обращений граждан. Дискуссионным является вопрос о возможности замены административной ответственности на дисциплинарную при совершении административного правонарушения [Балакшин, Осинцев 2019]. По мнению Д. В. Осинцева, замена одной модели государственного принуждения на другую не-

целесообразна, так как «прокурор действовал (бездействовал) не только в роли субъекта организационного (корпоративного) поведения, но и как лицо, выполняющее публичные профессиональные функции» [Осинцев 2019]. Анализ правоприменительной практики свидетельствует о том, что за проявленное при рассмотрении обращения гражданина бездействие прокурорские работники не привлекаются к административной ответственности по ст. 5.59 КоАП РФ¹.

В отечественной научной литературе отмечается, что практика применения ст. 5.59 КоАП РФ в порядке исключительной компетенции прокурорами характеризуется как значительная [Субанова 2016: 13]. Действительно, согласно судебной статистике по количеству дел по исследуемой проблематике за период 2017–2021 гг. в первое полугодие 2021 г. общее количество дел об административных правонарушениях составило 3250: из них было рассмотрено судами 3085 дел, назначено административное наказание по 2397 делам, в том числе в виде административного штрафа – по 2338 делам. По сравнению с 2020 г. в 2021 г. общее число рассмотренных судами дел увеличилось на 6 % (с 2898 дел в 2020 г. до 3085 дел в 2021 г.). Тем не менее в целом за последние пять лет общее количество рассмотренных дел уменьшилось более чем на 20 % (с 3895 дел в 2017 г. до 3085 дел в 2021 г.). На наш взгляд, это число коррелирует с количеством прекращенных дел в связи с процессуальными нарушениями при производстве по делу по об административном правонарушении, предусмотренном ст. 5.59 КоАП РФ.

Анализ практики судов общей юрисдикции за 2021–2022 гг.² позволяет констатиро-

¹ Согласно определению Судебной коллегии по административным делам Московского областного суда от 21 февраля 2022 г. № 33а-6170/2022 на имя прокурора было подано заявление о привлечении к административной ответственности должностного лица. Однако прокурор не дал ответа на обращение заявителя. Судебная коллегия отменила решение суда первой инстанции, постановив новое решение о признании незаконным бездействия прокурора, выразившегося в нерассмотрении заявления гражданина. В качестве способа восстановления нарушенного права судебная коллегия обязала прокурора рассмотреть данное заявление в порядке, предусмотренном КоАП РФ.

² Решения Московского городского суда от 25 января 2022 г. № 7-0918/2022, от 21 января 2022 г. № 7-0820/2022, от 21 января 2022 г. № 7-0819/2022; решение Тюменского областного суда от 1 декабря 2021 г. № 21-493/2021;

вать, что основными процессуальными нарушениями, допущенными должностными лицами при производстве по делу об административном правонарушении, предусмотренном ст. 5.59 КоАП РФ, являются: неизвещение надлежащим образом лица, обратившегося с жалобой, о месте и времени рассмотрения его жалобы; отсутствие в решении сведений о месте рассмотрения жалобы; несоблюдение формы решения об отказе в возбуждении дела об административном правонарушении и формы жалобы на данное решение; ненаправление ответа на обращение граждан, поданное в связи с возбуждением дела об указанном правонарушении, и др.

Перечисленные процессуальные нарушения послужили основанием для отмены решений об отказе в возбуждении дела об административном правонарушении, предусмотренном ст. 5.59 КоАП РФ. Представляется, что для уменьшения числа процессуальных нарушений и, как следствие, количества необоснованно вынесенных определений об отказе в возбуждении дела об административном правонарушении по ст. 5.59 КоАП РФ Пленуму Верховному Суду РФ необходимо принять постановление, разъясняющее процессуальный порядок производства по такому делу. Принятие данного постановления, на наш взгляд, позволит обеспечить единообразие в практике применения ст. 5.59 КоАП РФ, раскрыть порядок привлечения должностных лиц, в том числе прокуроров, к административной ответственности, разграничить дисциплинарную и административную ответственность должностных лиц при решении вопроса о квалификации их действий (бездействия) по ст. 5.39, 5.59, 5.63 КоАП РФ и т. д.

Сопоставляя данные об общем количестве рассмотренных органами публичной власти обращений и дел об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 5.59 КоАП РФ, можно отметить, что число последних незначительно. По мнению А. В. Ильиных, одной из причин столь небольшого числа рассматриваемых административных дел является бездействие граж-

дан, когда решение, принятое должностным лицом органа публичной власти, не позволяет урегулировать вопрос [Ильиных, Симорот 2018: 4]. В свою очередь, А. А. Уваров причину неэффективности реализации права на обращение находит в «твердой уверенности адресата, что заявитель не будет привлекать соответствующий государственный орган или орган местного самоуправления (их должностное лицо) к ответственности по ст. 5.59 КоАП РФ» [Уваров 2019]. Тем не менее вне зависимости от этих причин суды рассматривают и разрешают вопросы о привлечении должностных лиц к административной ответственности по ст. 5.59 КоАП РФ.

**Бездействие должностного лица,
выразившееся в неразрешении поставленных
в письменном обращении вопросов, является
основанием для привлечения
к административной ответственности**

Так, в постановлении от 9 декабря 2019 г. № 4а-6178/2019 Московский городской суд установил, что при рассмотрении должностным лицом государственного органа обращения гражданина был дан формальный ответ, содержащий сведения, которые не соответствовали действительности. Кроме того, один из вопросов, содержащихся в обращении гражданина, был оставлен без рассмотрения. Суд пришел к выводу о том, что было допущено нарушение установленного законом порядка рассмотрения обращений граждан, что подтверждается материалами дела.

В соответствии с правовой позицией Верховного Суду РФ, отраженной в постановлениях от 4 июня 2014 г. № 25-АД14-3, от 23 сентября 2016 г. № 3-АД16-6, от 13 апреля 2018 г. № 81-АД18-6, отсутствие ответа на обращение гражданина является незаконным. Все вопросы, поставленные в обращении, должны быть рассмотрены по существу. Следовательно, бездействие должностного лица, выразившееся в неразрешении поставленных в письменном обращении вопросов, является основанием для привлечения к административной ответственности по ст. 5.59 КоАП РФ¹.

¹ Однако несоблюдение гражданином обязательной формы волеизъявления не повлечет за собой «никаких юридических последствий ни для заявителя, ни для адресата» [Безруков, Савоськин 2020]. В данном случае

решение Советского районного суда г. Брянска от 25 октября 2021 г. № 12-628/2021; решение Ставропольского краевого суда от 12 января 2022 г. № 7-35/2022; решение Ярославского областного суда от 24 января 2022 г. № 1-29/2022; решение Верховного суда Чувашской Республики от 9 декабря 2021 г. № 21-584/2021; решение Санкт-Петербургского городского суда от 18 ноября 2021 г. № 7-2376/2021.

Вместе с тем далеко не всегда граждане обращаются с заявлением о привлечении должностных лиц к административной ответственности по ст. 5.59 КоАП РФ. О. Л. Казанцева отмечает, что проблема их бездействия обусловлена незнанием всех «возможностей для обжалования... и привлечения к ответственности должностных лиц» в случае, если был получен формальный ответ на поданное обращение. В связи с этим особое внимание должно уделяться повышению правовой культуры и правосознания граждан, а также неукоснительному соблюдению «принципа неотвратимости наказания за неисполнение своих должностных обязанностей» [Казанцева 2021: 27]. На наш взгляд, к числу указанных мер можно отнести и усиление контроля вышестоящего органа за соблюдением порядка рассмотрения обращений нижестоящими органами или должностными лицами, что позволит обеспечить более оперативное устранение выявленных нарушений прав граждан¹.

Системный анализ результатов научных исследований, посвященных вопросам административной ответственности за нарушение порядка рассмотрения обращений граждан, позволяет выделить следующие направления совершенствования законодательства в данной сфере.

В частности, предлагается конкретизировать используемый в ч. 4 ст. 1 Федерального закона № 59 термин «публично значимые функции». А. В. Ильиных и Д. Р. Романюха указывают, что понятие субъекта, осуществляющего публично значимые функции, должно содержаться в постановлении Правительства РФ, предусматривающем «исчерпывающий перечень субъектов», которые будут соответствовать положениям Федерального закона № 59 [Ильиных, Романюха 2019: 109–

привлечение должностного лица к административной ответственности по ст. 5.59 КоАП РФ безосновательно.

¹ Анализ действующего законодательства позволяет прийти к выводу о том, что к разъяснению порядка привлечения к ответственности должностных лиц, допустивших нарушения, обращаются только в некоторых ведомствах, например в территориальных органах Министерства юстиции РФ (приказ Главного управления Министерства юстиции РФ по Центральному федеральному округу от 11 апреля 2005 г. № 16 «Об утверждении Инструкции о порядке работы с обращениями граждан в Главном управлении и его отделах в субъектах Российской Федерации, входящих в Центральный федеральный округ»).

111]. Полагаем, что понятие должностного лица, осуществляющего публично значимые функции, должно содержаться в ст. 4 указанного Закона. В связи с этим представляется необходимым дополнить эту статью понятием должностного лица, осуществляющего публично значимые функции. Основу определения данного понятия, на наш взгляд, должен составлять перечень субъектов, предложенный В. Ю. Синюгиным. Основываясь на практике Конституционного Суда РФ, ученый выделяет следующие категории лиц, осуществляющих публично значимые функции: адвокаты, нотариусы, арбитражные управляющие, политические партии, коммерческие банки, аудиторские организации, избирательные комиссии, третейские суды, государственные и муниципальные унитарные предприятия и учреждения [Синюгин 2014: 26].

По мнению некоторых исследователей, следует внести изменения в ст. 5.59 КоАП РФ, дополнив ее диспозицию квалифицированными составами административных правонарушений. И. В. Христинич отмечает, что в диспозицию ст. 5.59 КоАП РФ нужно включить следующую оговорку: «за исключением обращений, возникших из гражданско-правовых отношений...» [Христинич 2020: 68]. Изложение диспозиции ст. 5.59 КоАП РФ в такой редакции, на наш взгляд, нецелесообразно, поскольку нормы ст. 5.39 и 5.63 КоАП РФ имеют единый родовой объект и являются специальными по отношению к ст. 5.59 КоАП РФ. Кроме того, внесение изменений в данную статью приведет к необходимости последующей «трансформации» ст. 5.39 и 5.63 КоАП РФ. Последующее включение в редакцию ст. 5.59 КоАП РФ квалифицированных составов административных правонарушений нарушит принцип системности законодательства с точки зрения техники изложения других правовых норм, содержащихся в главе 5 КоАП РФ.

Вместе с тем анализ и обобщение правоприменительной практики позволяют прийти к выводу о том, что законодательство может быть дополнено новыми составами административных правонарушений, развивающими положения Федерального закона от № 59. В частности, предлагаем включить в главу 5 КоАП РФ две статьи, предусматривающие административную ответственность за

ненаправление ответа на обращение граждан (ст. 5.59.1) и нарушение сроков рассмотрения обращений граждан (ст. 5.59.2).

В проекте нового кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – проект кодекса) вопросы административной ответственности за нарушение порядка рассмотрения обращений граждан регламентированы в ст. 6.8. В ней есть оговорки о ее неприменении к составам административных правонарушений, предусмотренным ст. 6.9 и 6.10 проекта кодекса. При этом диспозиция ст. 6.8 не содержит указания на норму ст. 6.11 проекта кодекса, устанавливающую ответственность за нарушение права на получение государственных и муниципальных услуг. Представляется, что данное положение следует уточнить, поскольку в ст. 5.59 КоАП РФ приведена соответствующая ссылка на аналогичную норму ст. 5.63 КоАП РФ. Кроме того, верхняя планка административного наказания в виде штрафа по ст. 6.8 проекта кодекса была уменьшена законодателем до 7 тыс. руб. На наш взгляд, это необоснованно, поскольку в смежных составах административных правонарушений, предусмотренных проектом кодекса, и имеющих единый родовый объект (ст. 6.9 и 6.11),

соответствующая санкция статьи не претерпела изменений.

С учетом сказанного полагаем, что норма ст. 6.8 проекта кодекса могла бы иметь следующее содержание: «Нарушение установленного законодательством Российской Федерации порядка рассмотрения обращений граждан... за исключением случаев, предусмотренных ст. 6.9, 6.10 и 6.11 настоящего Кодекса, – влечет наложение административного штрафа в размере от пяти тысяч до десяти тысяч рублей». По нашему мнению, внесение этих изменений в проект кодекса и его последующее принятие позволят устранить пробел в административно-деликтном законодательстве.

Подведем итог. Предусмотренный ст. 5.59 КоАП РФ механизм привлечения должностных лиц к административной ответственности является действенным правовым средством реализации положений Федерального закона № 59-ФЗ. Принятие Пленумом Верховного Суда РФ постановления, содержащего разъяснения по вопросам, возникающим при рассмотрении дел об административных правонарушениях по ст. 5.59 КоАП РФ, будет способствовать обеспечению единообразия в деятельности прокуроров и судебных органов при применении данной нормы.

Список литературы

Балакишин В. С., Осинцев Д. В. Прокурор и административная юрисдикция // Законность. 2019. № 1. С. 30–34.

Безруков А. В., Савоськин А. В. Рассмотрение обращений граждан как элемент конституционно-правового механизма реализации конституционного права на обращение // Государственная власть и местное самоуправление. 2020. № 1. С. 3–8.

Головацкая М. В. К вопросу о порядке рассмотрения обращений граждан // Юрист. 2007. № 5. С. 11–12.

Ильиных А. В., Романюха Д. Р. Законодательное и правоприменительное развитие общественных отношений при привлечении к ответственности за нарушение порядка рассмотрения обращений граждан // Основные тенденции государственного и общественного развития России: история и современность. 2019. № 1. С. 108–114.

Ильиных К. Ю., Симорот С. Ю. Некоторые вопросы правового регулирования и практической реализации законодательства о рассмотрении обращений граждан // Актуальные вопросы юридической науки и практики: сб. науч. тр. Хабаровск: Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2018. С. 3–6.

Казанцева О. Л. Ответственность должностных лиц органов публичной власти за нарушение порядка рассмотрения обращений граждан // Российско-азиатский правовой журнал. 2021. № 4. С. 24–28.

Леонов Д. В. Административно-правовой институт досудебного обжалования: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020. 166 с.

Осинцев Д. В. Прокурор как субъект административного правонарушения // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 4. С. 34–39.

Попугаев Ю. И. О внутриотраслевой коллизии норм, предусматривающих административную и уголовную ответственность, способы ее разрешения // Административное право и процесс. 2013. № 10. С. 10–15.

Савоськин А. В. Обращения граждан в Российской Федерации (конституционно-правовое исследование): дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2019. 482 с.

Синюгин В. Ю. Административно-правовой статус субъектов, осуществляющих публично значимые функции // Административное право и процесс. 2014. № 11. С. 25–28.

Субанова Н. В. Возбуждение прокурором дел об административных правонарушениях: новое в практике // Законность. 2016. № 9. С. 12–16.

Уваров А. А. Проблемы правового регулирования и реализации права граждан на обращение в государственные органы и органы местного самоуправления // Государственная власть и местное самоуправление. 2019. № 2. С. 26–31.

Христинич И. В. О проблемах привлечения к административной ответственности за нарушения порядка рассмотрения обращений граждан // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2020. № 4. С. 65–68.

Дмитрий Максимович Лифанов – аспирант кафедры административного права Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева. 620137, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21. E-mail: d.m.lifanov@usla.ru.

ORCID: 0000-0001-7911-0250

On the Administrative Responsibility for Violation of the Procedure for Consideration of Citizens' Appeals

Public authorities pay considerable attention to the issues of consideration of citizens' appeals, which often leads to violation of their rights and freedoms. The quality of the work of public authorities and guarantees of the implementation and protection of the right of citizens to appeal depend on how clearly the measures of legal responsibility, including administrative ones, are established. The article discusses approaches to the legal regulation of administrative responsibility for violation of the procedure established by the legislation of the Russian Federation for considering citizens' appeals (Art. 5.59 of the Code of Administrative Offences of the Russian Federation). Based on the analysis of the provisions of the Code of Administrative Offences of the Russian Federation and other legal acts, within the framework of formal legal methodology, the author formulates proposals for improving legislation in the field of protecting the right of citizens to appeal.

The quantitative data of cases of administrative offenses considered by courts of general jurisdiction under Art. 5.59 of the Code of Administrative Offences of the Russian Federation for 2017–2021 are presented. The possibility of adjusting the provisions of Art. 6.8 of the draft Code of Administrative Offences of the Russian Federation in accordance with Art. 5.59 of the Code of Administrative Offences of the Russian Federation is substantiated. Having studied the materials of law enforcement practice, the author concludes, that it is necessary to adopt a Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation explaining the procedure for bringing to administrative responsibility for violating the established procedure for considering citizens' appeals.

Keywords: *appeals of citizens, administrative responsibility, official, administrative and tort legislation, intra-industry conflict, law enforcement practice*

Recommended citation

Lifanov D. M. Ob administrativnoi otvetstvennosti za narushenie poryadka rassmotreniya obrashchenii grazhdan [On the Administrative Responsibility for Violation of the Procedure for

Consideration of Citizens' Appeals], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2022, no. 3, pp. 52–60, DOI: 10.34076/2410_2709_2022_3_52.

References

Balakshin V. S., Osintsev D. V. Prokuror i administrativnaya yurisdiksiya [Prosecutor and Administrative Jurisdiction], *Zakonnost'*, 2019, no. 1, pp. 30–34.

Bezrukov A. V., Savos'kin A. V. Rassmotrenie obrashchenii grazhdan kak element konstitutsionno-pravovogo mekhanizma realizatsii konstitutsionnogo prava na obrashchenie [Consideration of Citizens' Appeals as an Element of the Constitutional and Legal Mechanism for the Implementation of the Constitutional Right to Appeal], *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie*, 2020, no. 1, pp. 3–8.

Golovatskaya M. V. K voprosu o poryadke rassmotreniya obrashchenii grazhdan [On the Issue of the Procedure for Considering Citizens' Appeals], *Yurist*, 2007, no. 5, pp. 11–12.

Il'inykh A. V., Romanyukha D. R. Zakonodatel'noe i pravoprimenitel'noe razvitie obshchestvennykh otnoshenii pri privlechenii k otvetstvennosti za narushenie poryadka rassmotreniya obrashchenii grazhdan [Legislative and Law Enforcement Development of Public Relations when Bringing to Responsibility for Violation of the Procedure for Considering Citizens' Appeals], *Osnovnye tendentsii gosudarstvennogo i obshchestvennogo razvitiya Rossii: istoriya i sovremennost'*, 2019, no. 1, pp. 108–114.

Il'inykh K. Yu., Simorot S. Yu. Nekotorye voprosy pravovogo regulirovaniya i prakticheskoi realizatsii zakonodatel'stva o rassmotrenii obrashchenii grazhdan [Some Issues of Legal Regulation and Practical Implementation of Legislation on Consideration of Citizens' Appeals], *Aktual'nye voprosy yuridicheskoi nauki i praktiki* [Topical Issues of Legal Science and Practice], Khabarovsk, Izd-vo Tikhookean. gos. un-ta, 2018, pp. 3–7.

Kazantseva O. L. Otvetstvennost' dolzhnostnykh lits organov publichnoi vlasti za narushenie poryadka rassmotreniya obrashchenii grazhdan [Responsibility of Officials of Public Authorities for Violation of the Procedure for Considering Citizens' Appeals], *Rossiisko-aziatskii pravovoi zhurnal*, 2021, no. 4, pp. 24–28.

Khristinich I. V. O problemakh privlecheniya k administrativnoi otvetstvennosti za narusheniya poryadka rassmotreniya obrashchenii grazhdan [On the Problems of Bringing to Administrative Responsibility for Violations of the Procedure for Considering Citizens' Appeals], *Vestnik Universiteta prokuratury Rossiiskoi Federatsii*, 2020, no. 4, pp. 65–68.

Leonov D. V. *Administrativno-pravovoi institut dosudebnogo obzhalovaniya* [Administrative and Legal Institution of Pre-Trial Appeal]: cand. jur. sc. thesis, Moscow, 2020, 166 p.

Osintsev D. V. Prokuror kak sub'ekt administrativnogo pravonarusheniya [The Prosecutor as a Subject of an Administrative Offense], *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava*, 2019, no. 4, pp. 34–39.

Popugaev Yu. I. O vnutriotraslevoi kollizii norm, predusmatrivayushchikh administrativnuyu i ugolovnuyu otvetstvennost', sposoby ee razresheniya [On the Intra-Industry Conflict of Norms Providing for Administrative and Criminal Liability, Methods of Its Resolution], *Administrativnoe pravo i protsess*, 2013, no. 10, pp. 10–15.

Savos'kin A. V. Obrashcheniya grazhdan v Rossiiskoi Federatsii (konstitutsionno-pravovoe issledovanie) [Appeals of Citizens in the Russian Federation (Constitutional and Legal Research)]: doct. jur. sc. thesis, Ekaterinburg, 2019, 482 p.

Sinyugin V. Yu. Administrativno-pravovoi status sub'ektov, osushchestvlyayushchikh publichno znachimye funktsii [Administrative and Legal Status of Entities Representing Publicly Significant Functions], *Administrativnoe pravo i protsess*, 2014, no. 11, pp. 25–28.

Subanova N. V. Vozbuzhdenie prokurorom del ob administrativnykh pravonarusheniyakh: novoe v praktike [Initiation of Cases of Administrative Offenses by the Prosecutor: New in Practice], *Zakonnost'*, 2016, no. 9, pp. 12–16.

Uvarov A. A. Problemy pravovogo regulirovaniya i realizatsii prava grazhdan na obrashchenie v gosudarstvennye organy i organy mestnogo samoupravleniya [Problems of Legal Regulation and

Implementation of the Right of Citizens to Appeal to State Bodies and Local Governments], *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie*, 2019, no. 2, pp. 26–31.

Dmitriy Lifanov – postgraduate student of the Department of administrative law, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev. 620137, Russian Federation, Ekaterinburg, Komsomol'skaya str., 21. E-mail: d.m.lifanov@usla.ru.

ORCID: 0000-0001-7911-0250

Дата поступления в редакцию / Received: 12.04.2022

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 21.06.2022

Д. В. Бондаренко
Федеральный центр
образовательного законодательства
(Москва)

ЕДИНСТВЕННАЯ ОТРАСЛЬ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА, ОСТАВШАЯСЯ НЕИЗМЕННОЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Статья посвящена вопросам правового регулирования отношений в сфере профилактики правонарушений несовершеннолетних, которое в настоящее время представляет собой большой массив устаревших и несистемных норм и правил, характеризующихся коллизивностью, пробельностью и противоречиями. Автор делает вывод о том, что необходимо создать целостную систему профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, отвечающую современной социальной, культурной, экономической ситуации, взятым на себя Российской Федерацией международным обязательствам. В этих целях предлагается разработать проект нового федерального закона, который должен быть построен на научных принципах и правилах законотворческой деятельности и в целом станет важным фактором гармонизации отношений в обществе и ускорения социально-экономического развития России.

Ключевые слова: профилактика правонарушений несовершеннолетних, девиантное поведение, безнадзорность, профилактическая работа, благополучное детство

Для цитирования

Бондаренко Д. В. Единственная отрасль законодательства, оставшаяся неизменной в современной России // Российское право: образование, практика, наука. 2022. № 3. С. 61–70. DOI: 10.34076/2410_2709_2022_3_61.

УДК 376

DOI: 10.34076/2410_2709_2022_3_61

Отношения по поводу обеспечения благополучного и безопасного детства в России, а также осуществления профилактической деятельности государства в отношении несовершеннолетних сегодня регламентируются большим количеством нормативных актов, принимаемых хаотично в последние 20 лет.

Указанная сфера отношений в той или иной степени регулируется 17 законодательными актами, основными из которых являются Семейный кодекс Российской Федерации, Уголовный кодекс Российской Федерации, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях, Федеральные законы от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 182-ФЗ), от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ

«Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» (далее – Федеральный закон № 120-ФЗ), от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 124-ФЗ), от 21 декабря 1996 г. № 159-ФЗ «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» (далее – Федеральный закон № 159-ФЗ), от 24 апреля 2008 г. № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве» (далее – Федеральный закон № 48-ФЗ), от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 273-ФЗ), от 23 декабря 2013 г. № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 442-ФЗ).

Кроме того, в целях развития и конкретизации положений перечисленных законов принято 67 подзаконных нормативных правовых актов федерального уровня (постановления Правительства Российской Федерации, приказы федеральных органов исполнительной власти) и более ста правовых актов ненормативного характера, которые принимались в разные периоды, в разных социально-экономических условиях, поэтому разрозненны и несистемны. Законодательство субъектов Российской Федерации также не отличается единообразием и согласованностью.

Федеральный закон № 182-ФЗ, который направлен на закрепление основ общей и индивидуальной профилактики правонарушений, не соотносится с Федеральным законом № 120-ФЗ. Во-первых, Федеральный закон № 182-ФЗ регулирует вопросы профилактической работы с несовершеннолетними, используя при этом совершенно иной понятийный аппарат. В рассматриваемых федеральных законах дается неодинаковое толкование понятия «профилактика правонарушений» (в Федеральном законе № 182-ФЗ указанное понятие трактуется шире, чем в Федеральном законе № 120-ФЗ, и включает воспитательное воздействие). Во-вторых, Федеральный закон № 182-ФЗ не называет в числе субъектов профилактики правонарушений комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав (далее – КДНиЗП, комиссии). В-третьих, Федеральный закон № 182-ФЗ определяет формы профилактического воздействия, отличные от форм, названных в Федеральном законе № 120-ФЗ.

Уже перестали быть актуальными понятия «беспризорный» и «социально опасное положение», имеющие отрицательную коннотацию и не отвечающие современным реалиям. На первый план сегодня выступают иные угрозы, распространяющиеся в молодежной среде. Кроме того, анализ действующего законодательства свидетельствует об отсутствии терминологического единства в рассматриваемой сфере. В качестве примера перечислим основополагающие понятия, употребляющиеся в различных законодательных актах и не имеющие содержательного согласования:

«лица, находящиеся в трудной жизненной ситуации» (Федеральный закон № 182-ФЗ);

«дети, находящиеся в трудной жизненной ситуации» (Федеральный закон № 124-ФЗ);

«ребенок, находящийся в экстремальной ситуации» (СК РФ);

«семья, находящаяся в социально опасном положении» (Федеральный закон № 120-ФЗ);

«несовершеннолетний, находящийся в социально опасном положении» (Федеральный закон № 120-ФЗ);

«несовершеннолетний, нуждающийся в помощи государства» (Федеральный закон № 120-ФЗ).

Федеральные законы № 182-ФЗ и 124-ФЗ не поясняют, что понимается под «трудной жизненной ситуацией».

В соответствии с Семейным кодексом Российской Федерации «ребенок, находящийся в экстремальной ситуации» – это ребенок, в отношении которого применены задержание, арест, заключение под стражу, нахождение в медицинской организации и др.

В Федеральном законе № 120-ФЗ «семья, находящаяся в социально опасном положении» означает семью, имеющую детей, находящихся в социально опасном положении, а также семью, в которой родители или иные законные представители несовершеннолетних не исполняют своих обязанностей по их воспитанию, обучению и (или) содержанию и (или) отрицательно влияют на их поведение либо жестоко обращаются с ними. Под «несовершеннолетним, находящимся в социально опасном положении» Федеральный закон № 120-ФЗ понимает «лицо, которое вследствие безнадзорности или беспризорности находится в обстановке, представляющей опасность для его жизни или здоровья либо не отвечающей требованиям к его воспитанию или содержанию, либо совершает правонарушение или антиобщественные действия».

Подобная широта взглядов в сочетании с богатством русского языка влечет за собой правовую неопределенность, коллизионность, противоречивость нормативного правового акта, что неизбежно приводит к ошибкам в правоприменительной и судебной практике.

Концептуальной основой разработки и принятия нового закона должна стать гарантия ребенку реального права на достойное существование в здоровой социальной среде, на защиту его прав и законных интересов, на незамедлительное решение его проблем, ока-

зание ему социальной и иной помощи при одновременной полной замене традиционных советских административно-карательных взглядов. Задача современного Российского государства заключается не в том, чтобы бороться с асоциальным поведением детей, а в том, чтобы создать такие условия их жизни, обучения и воспитания, при которых даже сама мысль о совершении чего-нибудь антиобщественного у них не возникнет, а проявления агрессии юной психики, амбивалентно воспринимающей окружающий мир, будут сведены к минимуму. Основная задача государства – обеспечить условия именно для благополучного и безопасного детства.

Очевидна острая необходимость создания целостной системы профилактики антиобщественного поведения несовершеннолетних, отвечающей современной социальной, культурной, экономической ситуации, а также взятым на себя Российской Федерацией международным обязательствам. Требуется доктринальное переосмысление государственной политики в области профилактики девиантного поведения в целом, правонарушений несовершеннолетних в частности и обеспечения прав несовершеннолетних на благополучное и безопасное детство. Особо актуален вопрос о несовершенстве правового регулирования деятельности комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав, занимающих центральное место в системе профилактики. Именно они являются органом координации по отношению ко всем другим органам и организациям системы профилактики, но правовое регулирование их деятельности требует существенных изменений.

Данные вопросы недостаточно урегулированы и в Примерном положении о комиссиях по делам несовершеннолетних и защите их прав¹ (далее – Примерное положение), которое лишь в 2013 г. пришло на смену Положению о комиссиях по делам несовершеннолетних 1967 г.²

На современном этапе, когда акцент в работе комиссий делается на усилении их правозащитных, координирующих функций,

¹ Постановление Правительства РФ от 6 ноября 2013 г. № 995 «Об утверждении Примерного положения о комиссиях по делам несовершеннолетних и защите их прав».

² Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 3 июня 1967 г. «Об утверждении Положения о комиссиях по делам несовершеннолетних».

необходимо новое правовое регулирование, в соответствии с которым статус КДНиЗП станет более определенным, а организационно-техническое обеспечение их деятельности будет возложено на специально для этого созданные аппараты.

В силу п. 2 Примерного положения для обеспечения деятельности Комиссии могут создаваться отделы или другие структурные подразделения в составе исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации или органов местного самоуправления. Однако создание таких подразделений является правом, но не обязанностью государственных органов исполнительной власти, и в большинстве случаев

Очевидна острая необходимость создания целостной системы профилактики антиобщественного поведения несовершеннолетних, отвечающей современной социальной, культурной, экономической ситуации, а также взятым на себя Российской Федерацией международным обязательствам

таковые не созданы. В связи с этим эффективно обеспечить исполнение решений комиссий невозможно. Кроме того, из-за отсутствия квалификационных требований к образованию и специализации сотрудников, обеспечивающих деятельность комиссий, страдает и качество подготовки документов комиссий.

Действенным механизмом достижения поставленных перед комиссиями задач можно назвать лишь их полномочие по рассмотрению дел об административных правонарушениях, совершенных несовершеннолетними, их родителями (законными представителями) либо иными лицами (ст. 5.35, 5.36, 6.10, 6.23, 20.22 КоАП РФ). При этом реализация указанного полномочия занимает у комиссий большую часть времени, на что не раз указывали ученые [Волосова, Филиппова, Журкина 2022].

Кроме того, специалисты, осуществляющие подготовку материалов по делам об административных правонарушениях для рассмотрения на заседании комиссии, а также члены комиссии, рассматривающие такие дела, зачастую не обладают юридическим

образованием (за исключением сотрудников правоохранительных органов и иных специалистов). Это ведет к принятию субъективных решений и к нарушению норм процессуального и материального права.

В целях совершенствования законодательства, преодоления указанных проблем и устранения пробелов новый закон должен определить статус комиссии как коллегиального публично-правового объединения должностных лиц и представителей органов и организаций (учреждений) системы профилактики, а также аппаратов комиссий. Тем же законом должно быть закреплено обязательное установление квалификационных требований к сотрудникам таких аппаратов, конкретизировать которые можно в соответствующем подзаконном акте (например, постановлении Правительства Российской Федерации).

Деятельность организаций и учреждений системы профилактики (учреждения социального обслуживания, образовательные организации, учреждения органов по делам молодежи и др.) тоже не регулируется надлежащим образом.

Данная деятельность направлена как на неопределенный и неограниченный круг лиц (например, курсы для родителей по желанию), так и на конкретных лиц в связи с проявлениями неблагополучия в их жизни. Частично эта работа совпадает с основными видами деятельности упомянутых организаций, установленными специальными законами, частично является дополнительной нагрузкой, предусмотренной Федеральным законом № 120-ФЗ. В одних случаях работа ведется по инициативе и по решению самих учреждений, а в других – согласно постановлениям и решениям КДНиЗП. Однако не всегда такие решения комиссий исполняются, причем причиной нередко выступает не отсутствие административной ответственности за их неисполнение (но в некоторых субъектах Российской Федерации она предусматривается), а отсутствие организационно-технических и финансовых возможностей.

Кроме того, действующее законодательство не регулирует отношения по поводу установления конкретных форм этой деятельности, содержания и их объема. В большинстве случаев не предусматривается финанси-

рование дополнительных видов деятельности учреждений, в том числе требуемых Федеральным законом № 120-ФЗ.

Закрепленные в специальном законодательстве и Федеральном законе № 120-ФЗ механизмы вовлечения несовершеннолетних и их родителей (членов их семей и иных лиц, проживающих с ними) в ту или иную деятельность (основания, условия) часто противоречат друг другу [Ергашев, Бобина 2019].

Вопросы индивидуальной профилактической работы с несовершеннолетними правонарушителями в действующем законодательстве регламентированы очень слабо, что негативно отражается на соответствующих общественных отношениях.

Должны работать и другие, более тонкие, специальные формы воздействия на несовершеннолетнего, совершившего преступление. Условное осуждение, условно-досрочное освобождение от наказания, отсрочка отбывания наказания не позволяют выстроить коммуникацию с таким несовершеннолетним: необязательной становится работа над изменением модели поведения, мотивации, жизненной ситуации; институт принудительных мер воспитательного воздействия неэффективен [Ходжакулова 2012]. Само формальное наказание и правовые последствия в виде судимости не решают главной задачи – исправления несовершеннолетнего, не создают системы взаимодействия с правонарушителем, который находится в сложной жизненной ситуации, потому что сам факт совершения преступления означает, что у несовершеннолетнего есть серьезные проблемы, которые нужно выявлять и помогать решать [Волосова, Филиппова, Журкина 2022].

Необходимы раннее выявление причин и условий, способствующих отклоняющемуся поведению несовершеннолетнего, а также срочное принятие мер по предотвращению и пресечению девиантных проявлений, участие в жизни, развитии и досуге несовершеннолетнего и оказание иного воспитательного воздействия на него. Это выступит залогом своевременной профилактики его правонарушений, поскольку совершению деликта, как правило, предшествуют именно такие разновидности девиантного поведения, которые еще не содержали признаков состава право-

нарушения и на которые не обращали должного внимания. Совершенствование законодательства в рассматриваемой сфере должно сформировать единый, системный механизм, устанавливающий порядок раннего выявления нарушений прав и законных интересов несовершеннолетних в семье, оценки наличия или отсутствия угроз для жизни и здоровья несовершеннолетнего, уровня риска нанесения ему вреда; закрепить четкий механизм оказания конкретных видов помощи соответствующими органами и организациями (учреждениями); придать определенность правовому статусу комиссий.

Новый закон должен исключить избыточное и дублирующее правовое регулирование, создать единую правовую терминологию, восполнить пробелы, ликвидировать коллизии, конкурирующие правовые нормы и декларативные предписания. Пока же приходится констатировать, что именно этим характеризуется действующее законодательство в рассматриваемой сфере.

Также закон должен реформатировать деятельность органов, организаций и обязательно граждан. Она должна быть построена на трех уровнях, т. е. включать в себя общую профилактическую работу, индивидуальную профилактическую работу (в том числе реабилитационную в отношении несовершеннолетних, чьи права нарушены) и специальную профилактическую работу.

Общая профилактическая работа предполагает организацию досуговой деятельности несовершеннолетних, воспитание, личностное развитие, вовлечение в социально полезную деятельность, привитие здорового образа жизни, повышение правовой грамотности и развитие правосознания несовершеннолетних [Вилкова, Фадеева 2020]. Данная работа должна проводиться всеми участниками отношений в сфере профилактики в соответствии с основными направлениями их деятельности, а также программами, утверждаемыми комиссией субъекта Российской Федерации. При этом разработку таких программ должны вести совместно органы и организации системы профилактики.

Федеральный закон № 120-ФЗ в действующей редакции понимает индивидуальную профилактическую работу очень узко и однобоко как «деятельность по своевременному

выявлению несовершеннолетних и семей, находящихся в социально опасном положении, а также по их социально-педагогической реабилитации и (или) предупреждению совершения ими правонарушений и антиобщественных действий». Такую трактовку нельзя признать отвечающей современным потребностям и реалиям. Кроме того, индивидуальная работа никак не может быть выявлением несовершеннолетних! Она ведется с уже выявленными несовершеннолетними, находящимися в положении, которое требует участия государства.

Действующее законодательство практически не устанавливает механизма правового регулирования самостоятельной начальной стадии работы с несовершеннолетними – организации их досуга. Однако именно то, как будет организован досуг несовершеннолетних, и является ключевым фактором профилактики антиобщественных и противоправных деяний среди несовершеннолетних [Нека 2006: 141].

В новом законе должно быть введено понятие «реабилитационная работа», которое будет означать деятельность органов и организаций системы профилактики, направленную на восстановление физического и (или) психического здоровья, нормализацию эмоционального состояния несовершеннолетнего, пострадавшего от правонарушений, в том числе жестокого обращения, и заботу о нем. При этом нормы Федерального закона № 124-ФЗ, регулирующие отношения в сфере защиты прав несовершеннолетних, пострадавших от торговли детьми и их эксплуатации, должны быть включены в новый закон и одновременно исключены из Федерального закона № 124-ФЗ.

В связи с появлением новых угроз для несовершеннолетних изменения следует внести и в иные законодательные акты, в которых нужно особо оговорить случаи и порядок принятия мер к несовершеннолетним, не посещающим или систематически пропускающим по неуважительным причинам занятия в образовательных организациях и (или) неуспевающим по учебным предметам, систематически допускающим неисполнение или нарушение устава и иных локальных нормативных актов организации, осуществляющей образовательную деятельность, а также уча-

ствующим в деятельности неформальных объединений и организаций антиобщественной направленности, несанкционированных собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях или пикетированиях. В связи с этим новые права и обязанности соответствующих должностных лиц образовательных организаций необходимо включить в Федеральный закон № 273-ФЗ.

Специальная профилактическая работа будет подразумевать деятельность, направленную на адаптацию и ресоциализацию несовершеннолетних и их семей, а также на оказание воспитательного воздействия на несовершеннолетних, совершивших правонарушение и находящихся в специальных учреждениях, учреждениях уголовно-исполнительной системы, освобожденных из указанных учреждений и т. п., в целях формирования ответственности за совершенный поступок и заглаживания вреда несовершеннолетними правонарушителями, их исправления, социального восстановления и предупреждения совершения ими новых правонарушений.

Ряд исследователей [Осадчая, Димитров, Сотников 2020] указывают, что такая работа уже требует детальной регламентации и должна проводиться с несовершеннолетними, совершившими правонарушение и находящимися в специальных учебно-воспитательных учреждениях открытого и закрытого типов, центрах временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей органов внутренних дел, с несовершеннолетними, в отношении которых избрана соответствующая мера пресечения, либо которые отбывают уголовное наказание в виде лишения свободы, либо повторно совершили правонарушение, либо вернулись в семью (или в соответствующее учреждение) из центров временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей, специальных учебно-воспитательных учреждений открытого и закрытого типов, учреждений уголовно-исполнительной системы, в том числе воспитательных колоний.

Нельзя забывать и о родителях, которые восстановлены в родительских правах и с которыми также необходимо проводить специальную профилактическую работу; это тоже должно быть урегулировано в законе [Леканова 2022].

Важным нововведением должно также стать закрепление возможности осуществлять специальную профилактическую работу на основе восстановительного подхода [Ляшенко 2009]. Он предполагает создание организационно-правовых условий для коммуникации между всеми участниками правонарушения и принятия ими на себя ответственности за урегулирование конфликта, направлен на всестороннее восстановление отношений, доверия, материального и морального ущерба, а также определение путей предотвращения подобных ситуаций в будущем.

Такой восстановительный процесс может быть организован и осуществлен, например, школьными службами примирения, службами школьной медиации, учреждениями социального обслуживания при добровольном согласии сторон. При этом работу следует проводить с несовершеннолетними, пребывающими в специальных учебно-воспитательных учреждениях открытого и закрытого типов, центрах временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей; с осужденными к мерам наказания, не связанным с лишением свободы; с подозреваемыми и обвиняемыми несовершеннолетними, в отношении которых избрана мера пресечения, не связанная с содержанием под стражей; с несовершеннолетними, освобожденными от уголовного наказания в связи с его заменой на принудительные меры воспитательного воздействия, установленные в Уголовном кодексе Российской Федерации. Кроме того, новым законом должна быть закреплена возможность реализации самостоятельной восстановительной программы всеми субъектами системы профилактики.

В заключение необходимо отметить, что в законодательстве существует серьезная правовая коллизия, которая противоречит как нормам материального и процессуального права, так и общей теории права.

Федеральный закон № 120-ФЗ содержит процессуальные нормы права, регламентирующие производство по делам о помещении несовершеннолетних, не подлежащих уголовной ответственности, в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа (далее – СУВУ ЗТ) и центр временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей органа внутренних

дел (далее – ЦВСНП). Однако Конституционный Суд РФ неоднократно указывал, что Российская Федерация как правовое государство обязана обеспечивать эффективную защиту прав и свобод человека и гражданина посредством правосудия, гарантирующего охрану прав и свобод человека и гражданина от произвола властей, отвечающего требованиям справедливости, осуществляющегося на основе законодательно закрепленных правил, которые в нормативной форме определяют вид судопроизводства, подсудность и соответствующий порядок рассмотрения дел той или иной категории, что позволяет всем участникам процесса, а также иным заинтересованным лицам избежать правовой неопределенности в данном вопросе (Постановления Конституционного Суда РФ от 20 февраля 2006 г. № 1-П, от 21 января 2010 г. № 1-П, от 26 мая 2011 г. № 10-П, от 19 июля 2011 г. № 17-П). Следовательно, процессуальные нормы могут содержаться только в соответствующих процессуальных кодексах Российской Федерации.

Согласно Определению Конституционного Суда РФ от 14 мая 2013 г. № 690-О подобные дела возникают из административных и иных публичных правоотношений. При формировании правовых норм Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации указанное Определение Конституционного Суда РФ не было учтено, хотя природа дел данной категории – административная – сомнений не вызывала. Впрочем, практика восполнила эти пробелы законодательства, и вопрос помещения несовершеннолетних правонарушителей в центр временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей органов внутренних дел в целях профилактики безнадзорности и правонарушений в большинстве судов Российской Федерации решается по нормам КАС РФ.

При этом регламентация указанных вопросов не в процессуальном кодексе, а в ином нормативном правовом акте, недопустима. Таким образом, соответствующие нормы, регламентирующие процессуальный порядок производства по делам о помещении несовершеннолетних, не подлежащих уголовной ответственности, в СУВУ

ЗТ и ЦВСНП, нужно включить в КАС РФ, а новый закон о профилактике не должен содержать процессуальных норм вообще.

Итак, новый закон будет специализированным законодательным актом, носящим межотраслевой характер, основывающимся на Конституции Российской Федерации, КоАП РФ, УК РФ, УПК РФ, СК РФ и иных федеральных законах. Принятие закона потребует признания утратившим силу Федерального закона № 120-ФЗ. Помимо этого, в целях обеспечения связи и соподчиненности норм, сбалансированности системы законодательства в области профилактики необходимо внести изменения в отдельные законодательные акты Российской Федерации, которые содержат нормы, регулирующие общественные отношения в области защиты прав несовершеннолетних и профилактики их антиобщественного и противоправного поведения.

Для реализации положений закона потребуются принятие следующих законодательных и иных нормативных правовых актов, в том числе актов субъектов Российской Федерации и (или) органов местного самоуправления: регламентирующих структуру и штатную численность аппаратов, которые обеспечивают деятельность комиссий; определяющих порядок разработки и утверждения программ профилактической работы, которые отражают финансирование профилактики антиобщественного и противоправного поведения несовершеннолетних, защиты их прав.

Комплекс мер правового реформирования системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних должен включать в себя проведение масштабной работы по изменению всего законодательства в рассматриваемой сфере. Пока же законодательство очень легко изменяется лишь в тех сферах (в частности, в образовании), для которых характерно слепое подражание нормам и правилам международного сообщества без вдумчивого изучения истории, практики правоприменения и особенностей нашей страны. Например, инклюзивное образование в Российской Федерации – сфера, вмешательство в которую без надлежащей осторожности является социально опасным и свидетель-

ствуется лишь об умышленных идеологических диверсиях отдельных агентов влияния [Боровиков, Бушуева 2020]. Отрасль же законодательства о профилактике девиантного поведения несовершеннолетних, нуж-

дающаяся в скорейшем реформировании, остается тяжелым и однобоким наследием советского периода, а рассмотрение предложений по ее совершенствованию необходимо затягивается.

Список литературы

Боровиков А. П., Бушуева Т. Н. Правовые основы развития инклюзивного образования в Российской Федерации // Государственное регулирование социально-экономических процессов региона и муниципалитета: вызовы и ответы современности: сб. науч. тр. магистрантов преподавателей. Челябинск: Челяб. филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», 2020. С. 25–32.

Вилкова А. В., Фадеева С. А. Профилактика асоциального поведения несовершеннолетних: о влиянии воспитательной системы на характер и динамику правонарушений // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2020. № 2. С. 21–23.

Волосова Н. Ю., Филиппова Е. О., Журкина О. В. Проблемы предупреждения преступлений, совершенных несовершеннолетними // Российский судья. 2022. № 1. С. 23–26.

Ергашев Е. Р., Бобина Р. В. Проблемы профилактики семейного неблагополучия, безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2019. № 3. С. 59–63.

Леканова Е. Е. Теоретические и правоприменительные аспекты лишения и ограничения родительских прав // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 2. С. 103–110.

Ляшенко Н. В. Восстановительный подход к правосудию в отношении несовершеннолетних – основа для создания ювенальной юстиции в Российской Федерации // Вопросы ювенальной юстиции. 2009. № 3. С. 9–11.

Нека Л. И. Профилактика правонарушений, совершаемых несовершеннолетними, и социальный контроль над ростом преступности // Вопросы ювенальной юстиции. 2006. № 4. С. 139–143.

Осадчая Е. М., Димитров А. Н., Сотников С. С. Обеспечение применения к несовершеннолетним принудительной меры воспитательного воздействия путем их помещения в ЦВСНП (центр временного содержания несовершеннолетних правонарушителей) // Административное право и процесс. 2020. № 1. С. 68–71.

Ходжакулова С. И. Роль своевременно полученной информации в профилактике правонарушений со стороны родителей и лиц, их заменяющих, в отношении несовершеннолетних // Административное право и процесс. 2012. № 7. С. 61–63.

Дмитрий Владимирович Бондаренко – кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник Федерального центра образовательного законодательства. 115419, Российская Федерация, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3. E-mail: bond_22@inbox.ru.

ORCID: 0000-0002-9616-2412

The Only Branch of Legislation That Has Remained Unchanged in Modern Russia

The article is devoted to the issues of legal regulation of relations in the field of prevention of juvenile delinquency, which currently represents a large array of outdated and non-systemic norms and rules full of gaps and contradictions. The author concludes that there is an urgent need to create an integrated system for the prevention of neglect and juvenile delinquency that meets the social, cultural, economic situation, international obligations assumed by the Russian Federation. To this end, it is proposed to develop a draft of a new federal law, which should be

based on scientific principles and rules of legislative activity and, in general, will become an important factor in harmonizing social relations and accelerating the socio-economic development of Russia.

Keywords: prevention of juvenile delinquency, deviant behavior, neglect, preventive work, prosperous childhood

Recommended citation

Bondarenko D. V. Edinstvennaya otasl' zakonodatel'stva, ostavshayasya neizmennoi v sovremennoi Rossii [The Only Branch of Legislation that has Remained Unchanged in Modern Russia], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2022, no. 3, pp. 61–70, DOI: 10.34076/2410_2709_2022_3_61.

References

Borovikov A. P., Bushueva T. N. Pravovye osnovy razvitiya inklyuzivnogo obrazovaniya v Rossiiskoi Federatsii [Legal Foundations of Inclusive Education in the Russian Federation], *Gosudarstvennoe regulirovanie sotsial'no-ekonomicheskikh protsessov regiona i munitsipal'nykh teritoriy: vyzovy i otvety sovremennosti* [State Regulation of Socio-Economic Processes of the Region and the Municipality: Challenges and Responses of Modernity], Chelyabinsk, Chelyabinsk Branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation», 2020, pp. 25–32.

Ergashev E. R., Bobina R. V. Problemy profilaktiki semeinogo neblagopoluchiya, beznadzornosti i pravonarushenii nesovershennoletnikh [Problems of Prevention of Family Problems, Neglect and Juvenile Delinquency], *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, 2019, no. 3, pp. 59–63.

Khodzhakulova S. I. Rol' svoevremennogo polucheniya informatsii v profilaktike pravonarushenii so storony roditel'nykh lits, ikh zamenyayushchikh, v otnoshenii nesovershennoletnikh [The Role of Timely Information Received in the Prevention of Offenses by Parents and Persons Replacing them in Relation to Minors], *Administrativnoe pravo i protsess*, 2012, no. 7, pp. 61–63.

Lekanova E. E. Teoreticheskie i pravoprimeritel'nye aspekty lisheniya i ogranicheniya roditel'skikh prav [Theoretical and Law Enforcement Aspects of Deprivation and Restriction of Parental Rights], *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava*, 2022, no. 2, pp. 103–110.

Lyashenko N. V. Vosstanovitel'nyi podkhod k pravosudiyu v otnoshenii nesovershennoletnikh – osnova dlya sozdaniya yuvenal'noi yustitsii v Rossiiskoi Federatsii [Restorative Approach to Juvenile Justice – the Basis for the Creation of Juvenile Justice in the Russian Federation], *Voprosy yuvenal'noi yustitsii*, 2009, no. 3, pp. 9–11.

Neka L. I. Profilaktika pravonarushenii, sovershaemykh nesovershennoletnikami, i sotsial'nyi kontrol' nad rostom prestupnosti [Prevention of Offenses Committed by Minors and Social Control over the Growth of Crime], *Voprosy yuvenal'noi yustitsii*, 2006, no. 4, pp. 139–143.

Osadchaya E. M., Dimitrov A. N., Sotnikov S. S. Obespechenie primeneniya k nesovershennoletnim prinuditel'noi mery vospitatel'nogo vozdeistviya putem ikh pomeshcheniya v TsVSNP (tsentr vremennogo soderzhaniya nesovershennoletnikh pravonarushitelei) [Ensuring the Application of Compulsory Measures of Educational Influence to Minors by Placing them in a Temporary Detention Center for Juvenile Offenders], *Administrativnoe pravo i protsess*, 2020, no. 1, pp. 68–71.

Vilkova A. V., Fadeeva S. A. Profilaktika asotsial'nogo povedeniya nesovershennoletnikh: o vliyaniy vospitatel'noi sistemy na kharakter i dinamiku pravonarushenii [Prevention of Antisocial Behavior of Minors: on the Influence of the Educational System on the Nature and Dynamics of Offenses], *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: pravo, ekonomika, upravlenie*, 2020, no. 2, pp. 21–23.

Volosova N. Yu., Filippova E. O., Zhurkina O. V. Problemy preduprezhdeniya prestuplenii, sovershennykh nesovershennoletnimi [Problems of Prevention of Crimes Committed by Minors], *Rossiiskii sud'ya*, 2022, no. 1, pp. 23–26.

Dmitry Bondarenko – candidate of juridical sciences, leading researcher, Federal Center for Educational Legislation. 115419, Russian Federation, Moscow, Ordzhonikidze str., 3. E-mail: bond_22@inbox.ru.

ORCID: 0000-0002-9616-2412

Дата поступления в редакцию / Received: 11.04.2022

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 24.06.2022

В. А. Маслов

Уральский юридический институт МВД России
(Екатеринбург)

ОБЩЕСТВЕННАЯ ОПАСНОСТЬ ДЕЯНИЯ КАК ОСНОВАНИЕ КРИМИНАЛИЗАЦИИ (ДЕКРИМИНАЛИЗАЦИИ)

Фундаментом уголовной политики выступает политика уголовно-правовая, реализация которой немыслима без использования таких целевых средств воздействия на общественные отношения (инструментов), как криминализация и декриминализация. Вместе с тем вносимые в уголовный закон изменения, расширяющие сферу его действия, зачастую подвергаются критике научного сообщества, указывающего на их научную несостоятельность, спонтанность и противоречивость.

В статье анализируется взаимообусловленность общественной опасности деяний и криминализации (декриминализации), утверждается, что следует выделять единственное основание криминализации – наличие деяния, не находящегося под уголовным запретом, но причиняющего (способного причинить) существенный вред общественным отношениям. Иные выделяемые в доктрине основания, среди которых, к примеру, распространенность (массовость) деяния, невозможность разрешения ситуации без изменений уголовного закона, не являются самостоятельными основаниями для криминализации, поскольку носят второстепенный характер и должны признаваться условиями (факторами) криминализации.

Отмечается, что существует лишь одно основание декриминализации – утрата общественной опасности деяния, ранее признаваемого преступлением. Указание в качестве самостоятельных оснований декриминализации таких обстоятельств, как серьезное изменение политических и экономических отношений в стране или наличие возможности борьбы с нежелательными формами поведения иными, более мягкими средствами, чем уголовное наказание, признается некорректным ввиду того, что данные изменения без взаимосвязи с существенным снижением общественной опасности нельзя признать достаточными для декриминализации.

Ключевые слова: уголовная политика, уголовно-правовая политика, криминализация, декриминализация, общественная опасность, распространенность (массовость), основание криминализации

Для цитирования

Маслов В. А. Общественная опасность деяния как основание криминализации (декриминализации) // Российское право: образование, практика, наука. 2022. № 3. С. 71–85. DOI: 10.34076/2410_2709_2022_3_71.

УДК 343.01

DOI: 10.34076/2410_2709_2022_3_71

Уголовную политику, под которой принято понимать одно из направлений государственной политики в области борьбы с преступностью [Побегайло 2004], стратегическую деятельность государства по противодействию преступности в целях охраны прав и свобод личности, и политику уголовно-правовую (деятельность государственных органов по нормативному определению концептуальных

основ борьбы с преступностью посредством закрепления целесообразных мер воздействия за совершение антиобщественных деяний) воспринимают как целое и часть.

Вместе с тем видится корректным отношение уголовно-правовой политики к материальному основанию политики уголовной, главными средствами реализации которой являются криминализация и декриминализация

ция [Рарог 2014: 89; Рарог 2016: 471]. В связи с этим представляется справедливым утверждение о том, что в концепции уголовной политики должны найти место основы криминализации и декриминализации деяний [Ендольцева, Ендольцева, Платонова 2019: 648].

В то же время заслуживают внимания следующие точки зрения. Одни ученые отмечают, наблюдается избыточная криминализация деяний [Козаченко, Сергеев 2017: 31; Коробеев 2014а: 75; Наумов 2009: 44] («криминализационные излишества» [Плаксина 2015: 25]) ввиду, в том числе, отсутствия явных приоритетов уголовно-правовой политики [Современная уголовная политика 2012]. Другие указывают, что в последние годы криминализация и декриминализация деяний чаще всего производились спонтанно и импульсивно [Голик, Коробеев 2014б: 1406] и необходима остановка потока «необоснованных законодательных инициатив и бесконечных изменений закона» [Коробеев 2014: 52], что под уголовным запретом находятся те деяния, которые в нем, с точки зрения общества, не нуждаются [Robinson, Wilt 2021].

Стоит согласиться с исследователями в том, что включение в уголовный закон новых запретов не всегда сопровождается глубокой научной проработкой нормативных конструкций и потенциальных последствий их применения [Бабаев, Пудовочкин 2010: 4]. «Незнание законодателем объективных потребностей и реальной практики уголовно-правовой борьбы с преступностью, слабая криминологическая экспертиза законопроектных предложений» [Там же: 8] делают нормы социально не обусловленными, лишними, фактически не применяемыми («мертвыми»).

Заслуживает внимания мнение В. Н. Кудрявцева, согласно которому государство вместо того, чтобы устранить социальные причины общественно опасных деяний, криминализирует данные формы поведения [Кудрявцев 2003: 33].

Вопрос общественной опасности, как нам представляется, останется актуальным для ученых ввиду наличия таких требующих разрешения проблем, как социологическая и криминологическая сущность общественной опасности [Бабаев, Пудовочкин 2016], соотношение общественной опасности преступника и общественной опасности деяния [Замдыханова 2018: 138], соотношение обще-

ственной опасности деяния и санкций за его совершение [Иншаков, Казакова 2016], отсутствие четких критериев разграничения преступлений и иных правонарушений [Современная уголовная политика 2012].

С учетом указываемой учеными способности законодателя искусственно наделять статусом преступных действия, не обладающие высоким уровнем общественной опасности, т. е. фактически «создавать преступления» [Бабаев, Пудовочкин 2013б: 79], а также с учетом необходимости совершенствования уголовного законодательства, устранения противоречий в криминализации и декриминализации деяний [Третьяков 2006], в контексте стратегической установки на постепенное свертывание уголовно-правовой репрессии [Лесников 2008: 74] мыслится необходимым исследование вопросов общественной опасности как основания криминализации (декриминализации).

Под криминализацией разные авторы предлагают понимать процесс выявления общественно опасных деяний и признания их преступными путем установления в уголовном законе запрета на их совершение [Побегайло 2007: 13; Плаксина 2002: 52], с определением возможности и целесообразности уголовно-правовой борьбы с ними [Мельниченко 2009: 32]. С нашей точки зрения, криминализация как один из ключевых инструментов уголовной (в особенности уголовно-правовой) политики представляет собой установление уголовно-правового запрета на совершение общественно опасного деяния. Декриминализация – деятельность, «обратная» криминализации и подразумевающая исключение из уголовного закона тех деяний, которые в данное время не представляют общественной опасности [Кудрявцев, Эминов 2005а: 326].

Далее обратимся к основаниям и принципам криминализации (декриминализации), имеющим немалое значение в вопросах борьбы с преступностью [Панченко 1990: 17]. В научной среде подход законодателя к учету принципов и оснований криминализации (декриминализации) критикуется. Так, М. М. Бабаев и Ю. Е. Пудовочкин утверждают, что криминологически выверенный уголовно-политический принцип криминализации деяний не берется в расчет разработчиками уголовной политики, в результате чего преступными объявляются поступки, не обладающие «надлежаще высокой степенью общественной

опасности, но неудобные для власти и не соответствующие ее политическим интересам» [Бабаев, Пудовочкин 2013а: 63].

Под основанием криминализации авторы понимают социальные причины возникновения или изменения уголовно-правовой нормы [Основания уголовно-правового запрета 1982: 206], главный фактор, характеризующий необходимость в изменении уголовного законодательства [Прокументов 2014: 81; Антонов 2001; Маркунцов 2013: 73]; в ряде случаев отождествляются основания и критерии криминализации [Плаксина 2006].

Ключевым основанием криминализации в уголовно-правовой доктрине признается степень общественной опасности криминализуемого деяния, именуемая достаточной [Пудовочкин, Андрианов 2017: 5], или достаточно высокой (в случае совершения нового деяния), или повысившейся (в случае криминализации известного ранее деяния, к примеру, ввиду изменения социальной значимости вреда от него) [Прокументов 2014: 90].

Общественная опасность – свойство преступления, связанное с тем, что в результате его совершения всегда происходят или могут произойти негативные изменения в объекте посягательства [Шеслер 2014: 186] (причинение существенного вреда или создание угрозы причинения такого вреда благам / социальным ценностям [Егорова 2019: 16]).

Такие упомянутые в уголовном законе аспекты общественной опасности, как характер и степень (именуемые ее качественным и количественным параметрами), в совокупности позволяют раскрыть суть рассматриваемой категории. Однако необходимо уточнить, что как характер, так и степень общественной опасности могут быть типовыми и индивидуальными. В первом случае идет речь об общественной опасности, отраженной в санкции статьи Особенной части, во втором – об общественной опасности конкретного преступления (лица, его совершившего). Предметом рассмотрения в данной публикации является именно типовая общественная опасность (общественная опасность как свойство преступления).

Справедливо замечание М. М. Бабаева о том, что общественная опасность в существенной степени зависит от распространенности (массовости), структуры и динамики преступности, а также от распространенно-

сти социальных последствий преступности, их характера, тяжести и динамики [Бабаев 2012а].

Согласимся также с доводами о том, что изменения в закон допустимы лишь по правилу «последнего довода»: когда «противоречие динамики общественной жизни и стабильности закона грозит перерасти в кризисное состояние» [Иванов 2003: 13]. Криминализации подлежит только то, что объективно в ней нуждается, как минимум потому, что может причинить вред интересам и безопасности личности, общества и государства. В то же время деяния, не способные повлечь указанные последствия, не нуждаются в уголовно-правовом запрете и, очевидно, должны быть декриминализованы. Также отметим, что некоторые деяния изначально обладают общественной опасностью и признаются преступными на протяжении всей истории существования уголовных законов, другие же включаются в перечень преступных деяний в связи с динамикой общественных отношений.

Л. М. Прокументов считает, что распространенность конкретных деяний может выступать лишь в качестве дополнительного, но не определяющего аргумента в пользу их криминализации [Прокументов 2018: 229]. М. М. Бабаев справедливо отмечает, что в рамках уголовной политики, в отличие от уголовного права и уголовно-правовой политики, в расчет берутся не отдельные деяния, а массовые акты поведения, поэтому нужно обращать внимание, помимо «реального» (уголовно-правового) вреда, на иные социальные последствия преступления [Бабаев 2012b]. О необходимости «своевременного реагирования уголовного закона на появление новых массовых явлений путем криминализации и пенализации деяний» говорит и Н. Ш. Козаев. Распространенность деяний считают одним из оснований криминализации достаточно большое количество авторов [Босхолов, Тарасова 2018: 147; Злобин 1980: 75; Козаев 2016: 100; Лопашенко 2007; Недотко 2005: 25], наряду с ним называя такие основания, как ошибки в ранее проведенной декриминализации (изначальную «недооценку законодателем» реальной общественной опасности деяний) [Босхолов, Тарасова 2018: 147], научно-технический прогресс [Козаев 2016: 100; Лопашенко 2007], необходимость усиления охраны конституционных прав и свобод личности [Лопашенко 2007], из-

менения общественной психологии и социальных связей [Злобин 1980: 75], целесообразность, а также процессуальную и криминалистическую возможность уголовного преследования [Недотко 2005].

В то же время Ю. В. Грачева, А. И. Коробеев, А. И. Чучаев отмечают, что распространенность деяний и их неблагоприятная динамика «должны служить скорее препятствием к их криминализации, чем сигналом к установлению уголовного запрета» [Грачева, Коробеев, Чучаев 2015: 77]. Опасность в данном случае кроется в том, что могут возникнуть проблемы в реализации принципа неотвратимости наказания, могут произойти искажение представлений о действительной опасности преступности и перегрузка системы юстиции. Схожей точки зрения придерживался П. А. Фефелов, который писал, что значительная степень распространенности некоторых общественно опасных деяний может стать и препятствием к установлению уголовной наказуемости [Фефелов 1970: 103].

Г. М. Миньковский справедливо указывает, что внесение изменений в законодательство можно считать обоснованным тогда, когда выявлена социальная потребность в этих изменениях, дана экспертная оценка возможности решить обнаруженную проблему правовыми средствами и установлена невозможность адекватного ее решения в рамках действующего права [Миньковский 1995: 32]. Такой взгляд разделяет Г. Ю. Лесников, говоря о том, что уголовно-правовой запрет должен носить «вынужденный» характер, выступать крайней и временной мерой [Лесников 2009: 75].

Ряд авторов предпочитают приводить достаточно широкий перечень оснований криминализации и, помимо общепризнанных оснований – достаточной степени общественной опасности деяния и его распространенности, – указывают следующие: уголовно-политическую адекватность; возможность воздействия с помощью уголовно-правового запрета (уголовно-правовых средств) и невозможность воздействия иными, менее репрессивными средствами; наличие материальных (социально-экономических) ресурсов; возможности системы уголовной юстиции; соотношение положительных и отрицательных последствий криминализации (отсутствие негативных побочных последствий); допу-

стимость с точки зрения существующих процессов общественного развития [Грачева, Коробеев, Чучаев 2015: 76; Коробеев 2015: 419]. Л. М. Прокументов дополняет перечень таким основанием, как допустимость с точки зрения норм международного права [Прокументов 2012: 56].

Показательно, что известный советский ученый П. С. Дагель, один из авторов монографии, посвященной вопросам криминализации и декриминализации [Основания уголовно-правового запрета 1982], ставя знак равенства между условиями и основаниями криминализации [Дагель 1975: 68], выделял лишь два основания криминализации: определенную степень общественной опасности деяния и целесообразность борьбы с ним мерами уголовной репрессии [Дагель 1961: 186].

Стоит отметить и точку зрения О. Н. Библика, который указывает на то, что под социальными источниками уголовного права необходимо понимать факторы, влияющие на возникновение уголовно-правовых норм, определяющие их содержание как в момент создания, так и в момент реализации [Библик 2005: 199]. Безусловно религиозные, моральные, политические нормы, равно как судебная практика и наука, относимые ученым к социальным источникам, оказывают определяющее влияние на правотворчество. Вместе с тем, говоря об основаниях криминализации, данные условия нужно анализировать сквозь призму общественной опасности и воспринимать преимущественно именно как факторы. По мнению В. И. Курляндского, факторы, влияющие на законодательное установление уголовно-правового запрета, можно разделить на связанные с общественной опасностью деяния и не связанные с ней (относительная распространенность деяния, его вредоносность, уровень правосознания граждан и т. д.) [Курляндский 1975: 82].

Говоря о наличии социальных уголовно-процессуальных оснований (в частности, о процессуальной доказуемости деяния), подчеркнем, что их выделяла и С. Г. Келина (относя их к группе системно-правовых оснований) [Келина 1990: 10].

Исходя из изложенного стоит констатировать разнообразие в наименованиях оснований криминализации (факторы, логические основания, социальные основания, социальные источники, социальные истоки, при-

чины, предпосылки, условия и т. д.). На наш взгляд, корректно использовать термин «основание криминализации» (либо «социальное основание криминализации») с учетом объективного существования процессов криминализации (декриминализации), распространенности рассматриваемого термина в доктрине.

Кроме того, полагаем, что необходимо выделять единственное основание криминализации – наличие деяния, не находящегося под уголовным запретом, но причиняющего (способного причинить) значительный вред общественным отношениям. При этом причины, по которым общественно опасное деяние находится «за рамками» действия уголовного закона, могут быть различными: изменение общественных отношений (вследствие, к примеру, научно-технического прогресса или существенного роста количества административных правонарушений, демонстрирующего невозможность охраны прав и свобод граждан в сложившейся ситуации), изначальная «недооценка» общественной опасности деяния и т. п.

Преобладающее мнение о том, что общественная опасность – одно из оснований криминализации (при этом ряд авторов причисляют ее и к принципам криминализации), ценна постольку, поскольку подчеркивает многофакторность вопроса об основаниях криминализации. Вместе с тем неверно ставить в один ряд общественную опасность и иные указываемые в научной литературе основания (распространенность, возможности уголовной юстиции, наличие социально-экономических ресурсов, невозможность разрешения ситуации без изменения уголовного закона и т. п.), так как последние очевидно вторичны. Данные обстоятельства безусловно заслуживают внимания, однако их оценка необходима лишь после определения объективной (насколько это возможно) общественной опасности деяния. Следовательно, правильнее воспринимать их как условия (факторы).

Возможен и второй вариант дифференциации оснований: признание общественной опасности пусть не единственным, но главным основанием криминализации, а иных оснований – второстепенными.

Сказанное можно аргументировать еще и тем, что наличие в обществе деяния, обла-

дающего существенной общественной опасностью, требует от законодателя адекватной реакции в виде запрета на его совершение (криминализации) и установления соответствующей меры ответственности (пенализации). Не прибегать к указанным действиям по той причине, что в настоящее время отсутствуют социально-экономические ресурсы или уголовная юстиция неспособна справиться с данной проблемой, некорректно. Верными видятся одновременная криминализация и решение проблем уголовной юстиции и социально-экономического обеспечения.

Корректно использовать термин «основание криминализации» (либо «социальное основание криминализации») с учетом объективного существования процессов криминализации (декриминализации), распространенностью термина в доктрине

Равным образом, если ситуацию можно разрешить без изменений уголовного закона, в целях должной охраны общественных отношений необходимо одновременно криминализовать общественно опасное деяние и прилагать все усилия для решения проблемы не уголовно-политическими средствами. Когда ситуация «нормализуется» и деяние потеряет общественную опасность, следует декриминализовать его.

Распространенность деяния не является самостоятельным основанием для криминализации, поскольку это лишь одна из составляющих общественной опасности. Как элемент общественной опасности распространенность также нельзя признать ключевым, поскольку определяющим выступает объект посягательства (по существу – характер (качественная составляющая) общественной опасности). Вместе с тем изменение структуры преступности, к примеру существенное увеличение абсолютных показателей в совокупности с ростом удельного веса преступлений отдельной категории и увеличением их негативных социальных последствий, может свидетельствовать о повышении типовой общественной опасности данных преступлений. Однако даже подобное повышение необходимо анализировать в контексте отрицательных последствий криминализации

(проблем реализации принципа неотвратимости наказания, искажения представлений о действительной опасности преступности, перегрузки системы юстиции и т. д.).

Обособление такого основания для криминализации, как необходимость усиления охраны конституционных прав и свобод личности, тоже излишне, поскольку усиление этой охраны должно быть объективно необходимо именно вследствие существенной общественной опасности, изначально присущей «новому» общественно опасному деянию или изменившейся ввиду динамики общественных отношений. Самостоятельное выделение данного основания способно привести к ситуации, когда деяние криминализуется лишь из-за «необходимости» усиления охраны конституционных прав и свобод личности (или иных прав и свобод) без учета общественной опасности как основополагающего фактора.

Переходя к вопросам декриминализации, отметим, что в качестве оснований для нее ученые выделяют качественные и количественные изменения общественной опасности деяния и нецелесообразность уголовно-правового запрета [Крылов 1985], значительное снижение (от частичной [Митюкова 2020: 9] до полной утраты [Козаев 2016: 100]) степени общественной опасности деяний, ранее признаваемых преступлениями (в том числе по критерию распространенности [Бабаев 2012b: 96]), учет возможности эффективной борьбы с использованием более мягких мер не уголовно-правового характера [Кудрявцев, Эминов 2005a: 328; Недотко 2005: 9], серьезное изменение политических и экономических отношений в стране [Кудрявцев, Эминов 2005a: 328; Кудрявцев, Эминов 2005b: 103].

Ю. В. Недотко, исследовав проводимую законодателем с 1993 по 2003 г. декриминализацию, пишет, что причинами декриминализации являлись превышение необходимого уровня уголовной репрессии, высокая затратность наказания, слабость пенитенциарной системы, абсолютная убежденность государственной власти в неэффективности борьбы с теми или иными деяниями уголовно-правовыми средствами, принципиальное изменение характера общественных отношений [Недотко 2005: 19].

В. Е. Новичков верно отмечает, что целесообразно сокращение количества правовых норм, предусматривающих уголовную ответ-

ственность за систематические административные правонарушения с небольшой степенью общественной опасности [Новичков 2005: 18]. При этом необходимо понимать, что при декриминализации деяний и их переводе в административно-правовую плоскость должен быть решен вопрос об ужесточении административно-правовых санкций (в первую очередь имущественных).

Практическая значимость рассмотрения указанных вопросов велика. Неоднозначность подходов к исследованию декриминализации способствует опубликованию недостоверных выводов. Так, первоначальные исследования, согласно которым декриминализация проституции в американском городе с населением более миллиона жителей привела к снижению количества изнасилований на треть [Cunningham, Shah 2014], были опровергнуты спустя пять лет ввиду ряда серьезных методологических ошибок [Lachapelle, Schneider, Shapiro et al. 2019].

По аналогии с основанием криминализации целесообразно выделить единственное основание декриминализации – утрату общественной опасности деяния, ранее признаваемого преступлением. Причины существенного снижения общественной опасности могут быть разными: от кардинальных изменений в общественно-политической сфере до изменений криминологических (значимое снижение распространенности деяния и т. п.). При этом мы не разделяем позицию авторов, которые в числе самостоятельных оснований декриминализации указывают серьезное изменение политических и экономических отношений в стране или наличие возможности борьбы с нежелательными формами поведения иными, более мягкими средствами, чем уголовное наказание. Данные изменения без взаимосвязи с существенным снижением общественной опасности нельзя признать достаточными для декриминализации.

Далее скажем несколько слов о принципах криминализации. Н. А. Лопашенко среди них выделяет достаточную общественную опасность, относительную распространенность, преобладание позитивных последствий, избыточность и своевременность уголовно-правового запрета и др. [Лопашенко 2009]. Т. Р. Сабитов говорит о таких принципах криминализации и пенализации, как принцип целесообразности (уголовно-политической

адекватности), умеренности уголовно-правового воздействия и соразмерности [Сабитов 2019: 14].

На наш взгляд, справедливы высказывания авторов, полагающих, что криминализация – крайняя (в ряде случаев – временная) мера, когда иные средства несостоятельны. Преступления совершаются в первую очередь по общесоциальным причинам, поэтому наивно полагать, что решать проблемы борьбы с преступностью можно лишь путем корректировки уголовного закона. Перспективной представляется концепция «умеренной криминализации» [Пан, Чжао, Васильев 2014], по существу соответствующая принципу экономии репрессии.

Говоря о политической составляющей в вопросе оснований криминализации в дополнение к точкам зрения Т. Р. Сабитова и Л. М. Прокументова [Прокументов 2012: 56], отметим, что Т. Г. Понятовская убедительно доказывает принципиальное значение этой составляющей вплоть до признания наличия «уголовно-политической концепции в основе отрасли уголовного права» [Понятовская 1997: 8].

Считаем, что недопустимо смешение принципов и оснований криминализации (декриминализации). Данные принципы должны коррелировать с принципами уголовной политики, в связи с чем можно выделить принципы законности, справедливости, демократизма и гуманности, экономии мер уголовной репрессии, научной и социальной обоснованности и целесообразности. При этом верным видится подход к определению приоритетности обозначенных принципов, предложенный А. И. Коробеевым. Согласно ему «по способу выражения, характеру и содержанию принципы уголовно-правовой политики качественно отличаются от принципов уголовного права, и в этом смысле именно они лежат в основе формирования последних, а не наоборот» [Коробеев 2001: 75].

В качестве выводов стоит отметить следующее.

Во-первых, наиболее корректным представляются использование термина «основание криминализации» и выделение единственного такого основания – наличия деяния, не находящегося под уголовным запретом, но причиняющего (способного причинить) существенный вред общественным отношениям. Ставить в один ряд общественную опасность и иные указываемые различными авторами основания некорректно, поскольку очевидно, что данные аспекты второстепенны и более правильным будет восприятие их как неких условий (факторов). Вместе с тем возможен и второй подход к вопросу оснований криминализации: отнесение общественной опасности пусть не к единственному, но к «генеральному» основанию с одновременным указанием иных оснований в качестве второстепенных.

Изложенное справедливо, к примеру, в отношении распространенности (массовости), что не является ни самостоятельным, ни тем более ключевым основанием для криминализации, поскольку данное свойство лишь одна из составляющих общественной опасности, и отрицательная динамика распространенности (массовости) должна приниматься во внимание с учетом потенциальных негативных последствий криминализации.

Вместе с тем считаем уместным использовать термин «социальное основание» с учетом объективного существования процессов криминализации (декриминализации) в общественных отношениях.

Во-вторых, целесообразно выделить единственное основание декриминализации – утрату общественной опасности деяния, ранее признаваемого преступлением. Иные основания декриминализации следует признать второстепенными и оценивать во взаимосвязи с существенным снижением общественной опасности.

Список литературы

Cunningham S., Shah M. Decriminalizing Indoor Prostitution: Implications for Sexual Violence and Public Health // The Review of Economic Studies. 2018. Vol. 85. № 3. P. 1683–1715. DOI: 10.3386/w20281.

Lachapelle L., Schneider C., Shapiro M. et al. Does the Decriminalization of Prostitution Reduce Rape and Sexually Transmitted Disease? A Review of Cunningham and Shah Findings.

2019 // URL: <https://digitalcommons.uri.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1175&context=dignity> (дата обращения: 19.03.2022).

Robinson P. H., Wilt J. C. Undemocratic Crimes. 2021 // URL: https://scholarship.law.upenn.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=3251&context=faculty_scholarship (дата обращения: 19.03.2022).

Антонов А. Д. Теоретические основы криминализации и декриминализации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. 28 с.

Бабаев М. М. Криминология и уголовная политика // Юристъ-Правоведъ. 2012а. № 2. С. 7–19.

Бабаев М. М. Криминологические предпосылки формирования уголовной политики // Ученые труды Российской Академии адвокатуры и нотариата. 2012б. № 3. С. 94–99.

Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е. Криминологическое мышление в контексте интеллектуального обеспечения уголовной политики // Журнал российского права. 2013а. № 8. С. 55–65.

Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е. Криминология и уголовное право: взаимодействие как способ выживания // Вестник Московского университета. Сер. 11. Право. 2016. № 4. С. 40–58.

Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е. Мертвые нормы в Уголовном кодексе: проблемы и решения // Уголовное право. 2010. № 6. С. 4–10.

Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е. Провокативная роль уголовного закона // Общественные науки и современность. 2013б. № 4. С. 78–90.

Бибик О. Н. Источники уголовного права Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2005. 228 с.

Босхолов С. С., Тарасова М. В. Проблемы криминализации и декриминализации преступлений в Уголовном кодексе России // Проблемы современного законодательства России и зарубежных стран: материалы VI Междунар. науч.-практ. конф. / под ред. С. И. Сусловой. Иркутск: Иркут. ин-т (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2018. С. 146–150.

Голик Ю. В., Коробеев А. И. Реформа уголовного законодательства России: быть или не быть // Lex Russica. 2014. № 12. С. 1399–1410.

Грачева Ю. В., Коробеев А. И., Чучаев А. И. Новый вид транспортного средства как модифицированный вариант хорошо забытого старого // Lex Russica. 2015. № 4. С. 71–80.

Дагель П. С. Основания установления уголовной наказуемости деяний // Ученые записки ДВГУ. 1961. Вып. 3. С. 185–197.

Дагель П. С. Условия установления уголовной наказуемости // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1975. № 4. С. 67–74.

Егорова Н. А. Общественная опасность преступления: теория, законодательство, судебная практика // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2019. № 1. С. 8–18. DOI: 10.25724/VAMVD.FPQR.

Ендольцева А. В., Ендольцева Ю. В., Платонова Н. И. Базовые начала уголовной политики: от теоретических рассуждений к *de lege ferenda* // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13. № 4. С. 641–650. DOI: 10.17150/2500-4255.2019.

Замдыханова Л. Р. Характер и степень общественной опасности преступления и личность преступника как критерии назначения наказания // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 8. С. 137–145. DOI: 10.17803/1994-1471.2018.93.8.137–145.

Злобин Г. А. Основания и принципы уголовно-правового запрета // Советское государство и право. 1980. № 1. С. 70–76.

Иванов Н. Г. Модельный уголовный кодекс: Общая часть. Опус № 1: моногр. М.: ЮНИТИ; Закон и право, 2003. 143 с.

Иншаков С. М., Казакова В. А. Методологические подходы к наказуемости преступлений в ракурсе современной уголовной политики // Уголовное право. 2016. № 1. С. 84–92.

Келина С. Г. Основания уголовно-правового запрета // Материалы IV совещания западно-германского симпозиума по криминологии, уголовному праву и процессу / под ред. А. Я. Светлова, Г. И. Чангули. Киев: Наукова думка, 1990. С. 8–10.

Козаев Н. III. Состояние уголовной политики и вопросы преодоления кризисных явлений в уголовном праве // Юридический вестник ДГУ. 2016. Т. 17. № 1. С. 96–101.

Козаченко И. Я., Сергеев Д. Н. Нравственные основы уголовной ответственности: обзор XIV Международной научно-практической конференции памяти М. И. Ковалева // Российское право: образование, практика, наука. 2017. № 2. С. 24–32.

Коробеев А. И. Соотношение принципов уголовно-правовой политики и принципов уголовного права // Правовая политика и правовая жизнь. 2001. № 3. С. 73–85.

Коробеев А. И. Транспортные преступления и транспортная преступность. М.: Юрлитинформ, 2015. 488 с.

Коробеев А. И. Уголовно-правовая политика современной России в сфере законотворчества: «свободная в своей причине?» // Современные проблемы уголовной политики: материалы Междунар. конф. / под ред. А. Н. Ильяшенко. Краснодар: Краснодар. ун-т Министерства внутр. дел Рос. Федерации, 2014а. С. 71–81.

Коробеев А. И. Уголовно-правовая политика современной России в сфере пенализации (депенализации): кнут или пряник? // Библиотека криминалиста. 2014b. № 3. С. 45–53.

Кудрявцев В. Н. Стратегии борьбы с преступностью. М.: Юристъ, 2003. 352 с.

Кудрявцев В. Н., Эминов В. Е. Декриминализация (социально-правовой аспект) // Lex Russica. 2005а. № 2. С. 326–331.

Кудрявцев В. Н., Эминов В. Е. Криминология и проблемы декриминализации // Журнал российского права. 2005b. № 4. С. 103–107.

Курляндский В. И. Уголовная политика, дифференциация и индивидуализация уголовной ответственности // Основные направления борьбы с преступностью. М.: Юрид. лит., 1975. С. 77–95.

Крылов Г. В. Проблемы декриминализации деяний в советском уголовном праве: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1985. 170 с.

Лесников Г. Ю. Полинормативность уголовной политики // Ученые труды Российской Академии адвокатуры и нотариата. 2009. № 2. С. 72–78.

Лесников Г. Ю. Проблемы соотношения уголовной политики и уголовного права // Научные ведомости. 2008. № 8. С. 73–76.

Лопашенко Н. А. Российская уголовная политика: поиск истины или метод проб и ошибок? (Субъективная попытка анализа и прогноза) // Российский ежегодник уголовного права. 2007. № 2. С. 433–434.

Лопашенко Н. А. Уголовная политика. М.: Волтерс Клувер, 2009. 579 с.

Маркунцов С. А. Понятие и система истоков уголовно-правовых запретов // Вестник Владимирского юридического института. 2013. № 3. С. 71–81.

Мельниченко А. Б. Уголовно-правовые средства обеспечения национальной безопасности Российской Федерации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Ростов-н/Д, 2009. 59 с.

Миньковский Г. М. Правовая политика в сфере борьбы с преступностью и проблемы законодательного регулирования этой борьбы // Труды Академии МВД России. Проблемы формирования уголовной политики Российской Федерации и ее реализации ОВД. М.: Изд-во Акад. МВД РФ, 1995. С. 25–37.

Митюкова Ю. А. Декриминализация преступлений: теоретический и практический аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020. 27 с.

Наумов А. В. Проблемы кодификации российского уголовного законодательства: новый уголовный кодекс или новая редакция кодекса // Уголовное право. 2009. № 4. С. 44–48.

Недотко Ю. В. Тенденции российской уголовно-правовой политики постсоветского периода: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2005. 25 с.

Новичков В. Е. Прогнозирование в сфере борьбы с преступностью в современной России: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005. 42 с.

Основания уголовно-правового запрета: Криминализация и декриминализация / под ред. В. Н. Кудрявцева, А. М. Яковлева. М.: Наука, 1982. 303 с.

Пан Д., Чжао Б., Васильев И. А. Проблемы криминализации деяний в уголовном праве Китая // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13. № 1. С. 142–151. DOI: 10.17150/2500-4255.2019.13(1).142-151.

Панченко П. Н. Предмет и система научных основ советской уголовной политики: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1990. 32 с.

Плаксина Т. А. Нормообразование в уголовном праве: плоскости, направления, способы // Российский юридический журнал. 2002. № 4. С. 50–54.

Плаксина Т. А. Основания уголовно-правовых норм, уголовно-правового запрета, криминализации: понятие и соотношение // Государство и право. 2006. № 5. С. 41–47.

Плаксина Т. А. Проблемы современной уголовно-правовой политики // Гражданское общество и правовое государство. 2015. Т. 1. С. 22–25.

Побегайло Э. Ф. Кризис современной российской уголовной политики // Уголовное право. 2004. № 3. С. 112–117.

Побегайло Э. Ф. Уголовная политика современной России: авторская концепция // Вестник РГУ им. И. Канта. 2007. Вып. 9. Экономические и юридические науки. С. 6–15.

Понятовская Т. Г. Концептуальные основы уголовного права России: история и современность: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 1997. 34 с.

Прокументов Л. М. Криминологические условия криминализации и декриминализации деяний // Вестник Томского государственного университета. Право. 2012. № 4. С. 56–62.

Прокументов Л. М. Основание криминализации (декриминализации) деяний // Вестник Томского государственного университета. Право. 2014. № 4. С. 81–91.

Прокументов Л. М. Распространенность деяний как факультативный признак их общественной опасности // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 429. С. 227–230. DOI: 10.17223/15617793/429/30.

Пудовочкин Ю. Е., Андрианов В. К. Закономерности формирования уголовного права // Научный вестник Омской академии МВД России. 2017. № 4. С. 3–7.

Рарог А. И. Репрессивный крен российской уголовной политики // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2014. № 3. С. 88–95.

Рарог А. И. Уголовная политика и уголовно-правовые амбиции // Всероссийский криминологический журнал. 2016. Т. 10. № 3. С. 470–479. DOI: 10.17150/2500-4255.2016.10(3). 470-479.

Сабитов Т. Р. Уголовно-правовые принципы: понятие, система и виды: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2019. 54 с.

Современная уголовная политика: поиск оптимальной модели / под ред. В. С. Комиссарова. М.: Проспект, 2012. 664 с.

Третьяков И. Л. Уголовная политика России: общетеоретические и прикладные проблемы: дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2006. 384 с.

Шеслер А. В. Понятие преступления в российском уголовном законодательстве // Вестник Владимирского юридического института. 2014. № 2. С. 185–188.

Фефелов П. А. Критерии установления уголовной наказуемости деяний // Советское государство и право. 1970. № 11. С. 101–105.

Вилли Андреевич Маслов – кандидат юридических наук, доцент, начальник научно-исследовательского и редакционно-издательского отдела Уральского юридического института МВД России. 620057, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Корепина, д. 66. E-mail: villi@e1.ru.

ORCID: 0000-0001-5539-5220

Public Danger of an Act as a Basis for Criminalization (Decriminalization)

The foundation of criminal policy is the criminal law policy, the implementation of which is unthinkable without the use of such targeted means of influencing public relations as criminalization and decriminalization. At the same time, amendments to the criminal law that expand its scope

are often criticized by the scientific community, due to their scientific inconsistency, spontaneity and inconsistency.

The paper analyzes the interdependence of the public danger of acts and criminalization (decriminalization), it is argued that the only basis for criminalization should be singled out – the presence of an act that is not under a criminal ban, but causing (capable of causing) significant harm to public relations. Other grounds identified in the doctrine – for example, prevalence of the act, the impossibility of resolving the situation without changing the criminal law – cannot be named independent grounds for criminalization, since they are of a secondary nature and should be recognized as conditions (factors) of criminalization.

It is indicated that there is only one reason for decriminalization – the loss of public danger of an act previously recognized as a crime. Specifying as independent grounds for decriminalization such circumstances as a serious change in political and economic relations in the country or the possibility of combating undesirable forms of behavior by other, milder means than criminal punishment is considered incorrect due to the fact that these changes without a significant reduction in public danger cannot be considered sufficient for decriminalization.

Keywords: criminal policy, criminal law policy, criminalization, decriminalization, public danger, prevalence (mass character), basis of criminalization

Recommended citation

Maslov W. A. Obshchestvennaya opasnost' deyaniya kak osnovanie kriminalizatsii (dekriminalizatsii) [Public Danger of an Act as a Basis for Criminalization (Decriminalization)], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2022, no. 3, pp. 71–85, DOI: 10.34076/2410_2709_2022_3_71.

References

Antonov A. D. *Teoreticheskie osnovy kriminalizatsii i dekriminalizatsii* [Theoretical Foundations of Criminalization and Decriminalization]: autoabstr. of cand. jur. sc. thesis, Moscow, 2001, 28 p.

Babaev M. M. *Kriminologiya i ugovornaya politika* [Criminology and Criminal Policy], *Yurist-Pravoved*, 2012a, no. 2, pp. 7–19.

Babaev M. M. *Kriminologicheskie predposylki formirovaniya ugovornoj politiki* [Criminological Prerequisites for the Formation of Criminal Policy], *Uchenye trudy Rossiiskoi Akademii advokatury i notariata*, 2012b, no. 3, pp. 94–99.

Babaev M. M., Pudovochkin Yu. E. *Kriminologicheskoe myshlenie v kontekste intellektual'nogo obespecheniya ugovornoj politiki* [Criminological Thinking in the Context of Intellectual Support of Criminal Policy], *Zhurnal rossiiskogo prava*, 2013a, no. 8, pp. 55–65.

Babaev M. M., Pudovochkin Yu. E. *Kriminologiya i ugovornoe pravo: vzaimodeistvie kak sposob vyzhivaniya* [Criminology and Criminal Law: Interaction as a Way of Survival], *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 11. Pravo*, no. 4, pp. 40–58.

Babaev M. M., Pudovochkin Yu. E. *Mertvye normy v Ugovornom kodekse: problemy i resheniya* [Dead Norms in the Criminal Code: Problems and Solutions], *Ugovornoe pravo*, 2010, no. 6, pp. 4–10.

Babaev M. M., Pudovochkin Yu. E. *Provokativnaya rol' ugovornogo zakona* [The Provocative Role of Criminal Law], *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, 2013b, no. 4, pp. 78–90.

Bibik O. N. *Istochniki ugovornogo prava Rossiiskoi Federatsii* [Sources of Criminal Law of the Russian Federation]: cand. jur. sc. thesis, Omsk, 2005, 228 p.

Boskholov S. S., Tarasova M. V. *Problemy kriminalizatsii i dekriminalizatsii prestuplenii v Ugovornom kodekse Rossii* [Problems of Criminalization and Decriminalization of Crimes in the Criminal Code of Russia], Suslova S. I. (ed.) *Problemy sovremennogo zakonodatel'stva Rossii i zarubezhnykh stran*: [Problems of Modern Legislation of Russia and Foreign Countries]: conference papers. Saratov, Irkutsk, Irkut. in-t (filial) VGUYu (RPA Minyusta Rossii), 2018, pp. 146–150.

Cunningham S., Shah M. Decriminalizing Indoor Prostitution: Implications for Sexual Violence and Public Health, *The Review of Economic Studies*, 2018, vol. 85, no. 3, pp. 1683–1715, DOI: 10.3386/w20281.

Dagel' P. S. Osnovaniya ustanovleniya ugovolnoi nakazuemosti deyanii [Grounds for Establishing Criminal Offenses], *Uchenye zapiski DVGU*, 1961, vol. 3, pp. 185–197.

Dagel' P. S. Usloviya ustanovleniya ugovolnoi nakazuemosti [Conditions for Establishing Criminal Liability], *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii*, 1975, no. 4, pp. 67–74.

Egorova N. A. Obshchestvennaya opasnost' prestupleniya: teoriya, zakonodatel'stvo, sudebnaya praktika [Social Danger of Crime: Theory, Legislation, Judicial Practice], *Vestnik Volgogradskoi akademii MVD Rossii*, 2019, no. 1, pp. 8–18, DOI: 10.25724/VAMVD.FPQR.

Endol'tseva A. V., Endol'tseva Yu. V., Platonova N. I. Bazovye nachala ugovolnoi politiki: ot teoreticheskikh rassuzhdenii k de lege ferenda [Basic Principles of Criminal Policy: From Theoretical Reasoning to de Lege Ferenda], *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal*, 2019, vol. 13, no. 4, pp. 641–650, DOI: 10.17150/2500-4255.2019.13(4).641-650.

Fefelov P. A. Kriterii ustanovleniya ugovolnoi nakazuemosti deyanii [Criteria for Establishing the Criminal Liability of Acts], *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*, 1970, no. 11, pp. 101–105.

Golik Yu. V., Korobeev A. I. Reforma ugovolnogo zakonodatel'stva Rossii: byt' ili ne byt' [Reform of the Criminal Legislation of Russia: to Be or not to Be], *Lex Russica*, 2014, no. 12, pp. 1399–1410.

Gracheva Yu. V., Korobeev A. I., Chuchaev A. I. Novyi vid transportnogo sredstva kak modifitsirovannyi variant khorosho zabytogo starogo [A New Type of Vehicle as a Modified Version of a Well-Forgotten Old One], *Lex Russica*, 2015, no. 4, pp. 71–80.

Ivanov N. G. *Model'nyi ugovolnyi kodeks: Obshchaya chast'. Opus № 1* [Model Criminal Code: General Part. Opus no. 1], Moscow, YuNITI, Zakon i pravo, 2003, 143 p.

Inshakov S. M., Kazakova V. A. Metodologicheskie podkhody k nakazuemosti prestuplenii v rakhovke sovremennoi ugovolnoi politiki [Methodological Approaches to the Punishability of Crimes from the Perspective of Modern Criminal Policy], *Ugovolnoe pravo*, 2016, no. 1, pp. 84–92.

Kelina S. G. *Osnovaniya ugovolno-pravovogo zapreta* [Grounds for Criminal Law Prohibition], Svetlova A. Ya., Changuli G. I. (eds.) *Materialy IV soveshchaniya zapadnogermanskogo simpoziuma po kriminologii, ugovolnomu pravu i protsessu* [Materials of the IV Meeting of the West German Symposium on Criminology, Criminal Law and Procedure], Kiev, Naukova dumka, 1990, pp. 8–10.

Komissarov V. S. (ed.) *Sovremennaya ugovolnaya politika: poisk optimal'noi modeli* [Modern Criminal Policy: Search for an Optimal Model]: conference papers, Moscow, Prospekt, 2012, 664 p.

Korobeev A. I. Sootnoshenie printsipov ugovolno-pravovoi politiki i printsipov ugovolnogo prava [Correlation Between the Principles of Criminal Law Policy and the Principles of Criminal Law], *Pravovaya politika i pravovaya zhizn'*, 2001, no. 3, pp. 73–85.

Korobeev A. I. *Transportnye prestupleniya i transportnaya prestupnost'* [Transport Crimes and Transport Criminality], Moscow, Yurlitinform, 2015, 488 p.

Korobeev A. I. *Ugovolno-pravovaya politika sovremennoi Rossii v sfere zakonotvorchestva: «svobodnaya v svoei prichine?»* [Criminal Law Policy of Modern Russia in the Field of Lawmaking: «Free in its Reason?»], *Sovremennye problemy ugovolnoi politiki* [Modern Problems of Criminal Policy]: conference papers, Krasnodar, Krasnodar. un-t Ministerstva vnutr. del Ros. Federatsii, 2014a, pp. 71–81.

Korobeev A. I. Ugovolno-pravovaya politika sovremennoi Rossii v sfere penalizatsii (depenalizatsii): knut ili pryantik? [Criminal and Legal Policy of Modern Russia in the Field of Penalization (Depenalization): a Carrot or a Stick?], *Biblioteka kriminalista*, 2014b, no. 3, pp. 45–53.

Kozaev N. Sh. Sostoyanie ugovolnoi politiki i voprosy preodoleniya krizisnykh yavlenii v ugovolnom prave [The State of Criminal Policy and Issues of Overcoming Crisis Phenomena in Criminal Law], *Yuridicheskii vestnik DGU*, 2016, vol. 17, no. 1, pp. 96–101.

Kozachenko I. Ya., Sergeev D. N. *Nravstvennye osnovy ugolovnoi otvetstvennosti: obzor XIV Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii pamyati M. I. Kovaleva* [Moral Foundations of Criminal Responsibility: An Overview of the XIV International Scientific and Practical Conference in Memory of M. I. Kovalev], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2017, no. 2, pp. 24–32.

Kudryavtsev V. N., Yakovlev A. M. (eds.) *Osnovaniya ugolovno-pravovogo zapreta: Kriminalizatsiya i dekriminalizatsiya* [Grounds for Criminal Law Prohibition: Criminalization and Decriminalization], Moscow, Nauka, 1982, 303 p.

Kudryavtsev V. N. *Strategii bor'by s prestupnost'yu* [Crime Control Strategies], Moscow, Yurist", 2003, 352 p.

Kudryavtsev V. N., Eminov V. E. *Dekriminalizatsiya (sotsial'no-pravovoi aspekt)* [Decriminalization (Social and Legal Aspect)], *Lex Russica*, 2005a, no. 2, pp. 326–331.

Kudryavtsev V. N., Eminov V. E. *Kriminologiya i problemy dekriminalizatsii* [Criminology and the Problems of Decriminalization], *Zhurnal rossiiskogo prava* [Journal of Russian Law], 2005b, no. 4, pp. 103–107.

Kurlyandskii V. I. *Ugolovnaya politika, differentsiatsiya i individualizatsiya ugolovnoi otvetstvennosti* [Criminal Policy, Differentiation and Individualization of Criminal Responsibility], *Osnovnye napravleniya bor'by s prestupnost'yu*, Moscow, Yurid. lit., 1975, pp. 77–95.

Krylov G. V. *Problemy dekriminalizatsii deyanii v sovetskom ugolovnom prave* [Problems of Decriminalization of Acts in Soviet Criminal Law]: cand. jur. sc. thesis, Moscow, 1985, 170 p.

Lachapelle L., Schneider C., Shapiro M. et al. *Does the Decriminalization of Prostitution Reduce Rape and Sexually Transmitted Disease? A Review of Cunningham and Shah Findings*, 2019, available at: <https://digitalcommons.uri.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1175&context=dignity> (accessed: 19.03.2022).

Lesnikov G. Yu. *Polynormativnost' ugolovnoi politiki* [Polynormativity of Criminal Policy], *Uchenye trudy Rossiiskoi akademii advokatury i notariata*, 2009, no. 2, pp. 72–78.

Lesnikov G. Yu. *Problemy sootnosheniya ugolovnoi politiki i ugolovnogo prava* [Problems of Correlation of Criminal Policy and Criminal Law], *Nauchnye vedomosti*, 2008, no. 8, pp. 73–76.

Lopashenko N. A. *Rossiiskaya ugolovnaya politika: poisk istiny ili metod prob i oshibok? (Sub"ektivnaya popytka analiza i prognoza)* [Russian Criminal Policy: Search for Truth or Trial and Error? (Subjective Attempt to Analyze and Forecast)], *Rossiiskii ezhegodnik ugolovnogo prava*, 2007, no. 2, pp. 433–434.

Lopashenko N. A. *Ugolovnaya politika* [Criminal Policy], Moscow, Wolters Kluwer, 2009, 579 p.

Markuntsov S. A. *Ponyatie i sistema istokov ugolovno-pravovykh zapretov* [The Concept and System of Origins of Criminal Law Prohibitions], *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta*, 2013, no. 3, pp. 71–81.

Mel'nichenko A. B. *Ugolovno-pravovye sredstva obespecheniya natsional'noi bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii* [Criminal Legal Means of Ensuring the National Security of the Russian Federation]: autoabstr. of doct. jur. sc. thesis, Rostov-on-Don, 2009, 59 p.

Min'kovskii G. M. *Pravovaya politika v sfere bor'by s prestupnost'yu i problemy zakonodatel'nogo regulirovaniya etoi bor'by* [Legal Policy in the Field of Combating Crime and the Problems of Legislative Regulation of this Struggle], *Problemy formirovaniya ugolovnoi politiki Rossiiskoi Federatsii i ee realizatsii OVD. Trudy Akademii MVD Rossii*, Moscow, 1995, pp. 25–37.

Mityukova Yu. A. *Dekriminalizatsiya prestuplenii: teoreticheskii i prakticheskii aspekty* [Decriminalization of Crimes: Theoretical and Practical Aspects]: autoabstr. of cand. jur. sc. thesis, Moscow, 2020, 27 p.

Naumov A. V. *Problemy kodifikatsii rossiiskogo ugolovnogo zakonodatel'stva: novyi ugolovnyi kodeks ili novaya redaktsiya kodeksa* [Problems of Codification of Russian Criminal Legislation: A New Criminal Code or a New Version of the Code], *Ugolovnoe pravo*, 2009, no. 4, pp. 44–48.

Nedotko Yu. V. *Tendentsii rossiiskoi ugovolno-pravovoi politiki postsovetskogo perioda* [Trends in Russian Criminal Law Policy in the Post-Soviet Period]: autoabstr. of cand. jur. sc. thesis, Chelyabinsk, 2005, 25 p.

Novichkov V. E. *Prognozirovaniye v sfere bor'by s prestupnost'yu v sovremennoi Rossii* [Forecasting in the Field of Combating Crime in Modern Russia]: autoabstr. of doct. jur. sc. thesis, Moscow, 2005, 42 p.

Pan D., Chzhao B., Vasil'ev I. A. Problemy kriminalizatsii deyanii v ugovolnom prave Kitaya [Problems of Criminalization of Acts in the Criminal Law of China], *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal*, 2019, vol. 13, no. 1, pp. 142–151, DOI: 10.17150/2500-4255.2019.13(1).142-151.

Panchenko P. N. *Predmet i sistema nauchnykh osnov sovetskoii ugovolnoi politiki* [Subject and System of Scientific Foundations of Soviet Criminal Policy]: autoabstr. of doct. jur. sc. thesis, Moscow, 1990, 32 p.

Plaksina T. A. Normoobrazovanie v ugovolnom prave: ploskosti, napravleniya, sposoby [Norm Formation in Criminal Law: Planes, Directions, Methods], *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal*, 2002, no. 4, pp. 50–54.

Plaksina T. A. Osnovaniya ugovolno-pravovykh norm, ugovolno-pravovogo zapreta, kriminalizatsii: ponyatie i sootnosheniye [Foundations of Criminal Law, Criminal Law Prohibition, Criminalization: Concept and Relationship], *Gosudarstvo i pravo*, 2006, no. 5, pp. 41–47.

Plaksina T. A. Problemy sovremennoi ugovolno-pravovoi politiki [Problems of Modern Criminal Law Policy], *Grazhdanskoe obshchestvo i pravovoe gosudarstvo*, 2015, vol. 1, pp. 22–25.

Pobegailo E. F. Krizis sovremennoi rossiiskoi ugovolnoi politiki [The Crisis of Modern Russian Criminal Policy], *Ugovolnoe pravo*, 2004, no. 3, pp. 112–117.

Pobegailo E. F. Ugolovnaya politika sovremennoi Rossii: avtorskaya kontseptsiya [Criminal Policy of Modern Russia: the Author's Concept], *Vestnik RGU im. I. Kanta. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki*, 2007, no. 9, pp. 6–15.

Prozumentov L. M. Kriminologicheskie usloviya kriminalizatsii i dekriminalizatsii deyanii [Criminological Conditions of Criminalization and Decriminalization of Acts], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo*, 2012, no. 4, pp. 56–62.

Prozumentov L. M. Osnovanie kriminalizatsii (dekriminalizatsii) deyanii [The Basis for the Criminalization (Decriminalization) of Acts], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo*, 2014, no. 4, pp. 81–91.

Prozumentov L. M. Rasprostranennost' deyanii kak fakul'tativnyi priznak ikh obshchestvennoi opasnosti [The Prevalence of Acts as an Optional Sign of their Social Danger], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2018, no. 429, pp. 227–230, DOI: 10.17223/15617793/429/30.

Pudovochkin Yu. E., Andrianov V. K. Zakonomernosti formirovaniya ugovolnogo prava [Laws of Formation of Criminal Law], *Nauchnyi vestnik Omskoi akademii MVD Rossii*, 2017, no. 4, pp. 3–7.

Ponyatovskaya T. G. *Kontseptual'nye osnovy ugovolnogo prava Rossii: istoriya i sovremennost'* [Conceptual Foundations of Criminal Law in Russia: History and Modernity]: autoabstr. of doct. jur. sc. thesis, Ekaterinburg, 1997, 34 p.

Rarog A. I. Repressivnyi kren rossiiskoi ugovolnoi politiki [The Repressive Tilt of the Russian Criminal Policy], *Kriminologicheskii zhurnal Baikal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava*, 2014, no. 3, pp. 88–95.

Rarog A. I. Ugolovnaya politika i ugovolno-pravovye ambitsii [Criminal Policy and Criminal-Legal Ambitions], *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal*, 2016, vol. 10, no. 3, pp. 470–479, DOI: 10.17150/2500-4255.2016.10(3).470-479.

Robinson P. H., Wilt J. C. *Undemocratic Crimes*, 2021, available at: https://scholarship.law.upenn.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=3251&context=faculty_scholarship (accessed: 19.03.2022).

Sabitov T. R. *Ugolovno-pravovye printsipy: ponyatie, sistema i vidy* [Criminal Law Principles: Concept, System and Types]: autoabstr. of doct. jur. sc. thesis, Ekaterinburg, 2019, 56 p.

Shesler A. V. Ponyatie prestupleniya v rossiiskom ugovnom zakonodatel'stve [The Concept of Crime in Russian Criminal Legislation], *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta*, 2014, no. 2, pp. 185–188.

Tret'yakov I. L. *Ugolovnaya politika Rossii: obshcheteoreticheskie i prikladnye problemy* [Criminal Policy of Russia: General Theoretical and Applied Problems]: doct. jur. sc. thesis, Saint Petersburg, 2006, 384 p.

Zamdikhanova L. R. Kharakter i stepen' obshchestvennoi opasnosti prestupleniya i lichnost' prestupnika kak kriterii naznacheniya nakazaniya [The Nature and Degree of Social Danger of the Crime and the Personality of the Offender as Criteria for the Appointment of Punishment], *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava*, 2018, no. 8, pp. 137–145, DOI: 10.17803/1994-1471.2018.93.8.137-145.

Zlobin G. A. Osnovaniya i printsipy ugovno-pravovogo zapreta [Grounds and Principles of Criminal Law Prohibition], *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*, 1980, no. 1, pp. 70–76.

Willie Maslov – candidate of juridical sciences, associate professor, head of the Research and editorial and publishing department, Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. 620057, Russian Federation, Ekaterinburg, Korepina str., 66. E-mail: villi@e1.ru.

ORCID: 0000-0001-5539-5220

Дата поступления в редакцию / Received: 28.03.2022

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 01.06.2022

Д. В. Бахтеев

Уральский государственный
юридический университет им. В. Ф. Яковлева
(Екатеринбург)

ОБ ОСНОВНЫХ НАПРАВЛЕНИЯХ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО РАЗВИТИЯ КРИМИНАЛИСТИКИ

В статье рассматриваются направления междисциплинарного развития криминалистики в двух взаимосвязанных сферах: практической деятельности и в соответствующих научных исследованиях. Цифровое направление включает в себя, помимо исследования цифровых следов, технологии обнаружения, фиксации, копирования, изъятия и исследования иных цифровых данных (в том числе веб-сервисы, мобильные приложения, боты, программное и программно-аппаратное обеспечение узкого и широкого назначения), информационно-справочное обеспечение, цифровые технологии анализа больших объемов криминалистических данных, технологии оптимизации отдельных практических действий следователя. В качестве примеров в когнитивном направлении развития криминалистики называются оптимизация мыслительной деятельности следователя, использование личностных психологических характеристик допрашиваемых при допросах и проведении иных вербальных следственных действий, метод криминалистического профилирования личности неустановленного преступника. Оптимизировать следственные действия можно посредством применения как цифровых методов (с помощью дронов, систем прокторинга, видеоконференц-связи, транскрайбинга для составления протоколов), так и когнитивных методов – современных средств оптимизации мышления либо упомянутого метода профилирования. Технологии машинного обучения и искусственного интеллекта рассматриваются в рамках комплексного направления криминалистических исследований, находящегося на стыке цифрового и когнитивного.

Ключевые слова: криминалистические технологии, цифровая криминалистика, информационное обеспечение следственной деятельности, криминалистическое мышление, профилирование личности

Для цитирования

Бахтеев Д. В. Об основных направлениях междисциплинарного развития криминалистики // Российское право: образование, практика, наука. 2022. № 3. С. 86–92. DOI: 10.34076/2410_2709_2022_3_86.

УДК 343.9

DOI: 10.34076/2410_2709_2022_3_86

Современная научная политика как Российской Федерации, так и зарубежных стран в основном поддерживает не обособленные научные исследования, а междисциплинарные научные проекты¹. Криминалистика не является исключением: изначально появив-

шись как естественно-техническая отрасль уголовного права, она обособилась в самостоятельный блок научного знания, не утратив при этом интегративного характера. Р. С. Белкин, подчеркивая самостоятельность криминалистики как науки, неоднократно указывал на синтез в ее структуре знаний из различных областей, необходимость «формирования комплексных, междисциплинарных проблем и направлений исследований» [Белкин 2001: 127]. О вариантах таких исследований и возможностях их интеграции в структуру теоретической и практической криминалистики и пойдет речь в настоящей статье.

¹ См., например: Прогноз научно-технического развития Российской Федерации на период до 2030 года (утв. Правительством Российской Федерации 2 января 2014 г.); О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации: Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201910110003> (дата обращения: 20.04.2022).

Наиболее приоритетной видится реализация цифрового и когнитивного направлений развития криминалистики, что в целом соответствует критической группе нано-, био-, информационных и когнитивных технологий (НБИК), поддерживаемых Российской Федерацией.

А. М. Кустов поставил важный вопрос о том, следует ли науке изучать «цифровую криминалистику» или цифровые технологии в криминалистике [Кустов 2021]. Представляется, что дизъюнктивная связка этих понятий излишня: они вполне комплементарны и могут параллельно существовать в структуре как науки криминалистики, так и криминалистической практики. Цифровизация следственной и экспертной деятельности, выступающих одной из двух основных частей объекта криминалистической науки, наравне с деятельностью преступной, поставила перед учеными-криминалистами задачу также двуединую: изучение, с одной стороны, цифровых методов, используемых в расследовании преступлений, а с другой стороны – стремительно расширяемого перечня цифровых объектов криминалистического познания, к которым относятся не только следы преступления, но зачастую и инфраструктурные, и частные цифровые объекты преступного посягательства [Россинская, Сааков 2020].

Если цифровые объекты криминалистического познания изучает отдельная отрасль криминалистической техники – цифровая криминалистика [Цифровая криминалистика 2021], то цифровые криминалистические технологии могут рассматриваться во всех разделах криминалистики. Отметим, что количество публикаций по вопросу цифровой криминалистики намного превышает аналогичный показатель по теме цифровых технологий¹. При этом два упомянутых ранее направления имеют множество точек пересечения: цифровые технологии могут (и иногда обязаны) основываться на мыслительных операциях субъекта, их использующего, а когнитивные методы могут быть реализованы, в том числе, с помощью цифровых программно-аппаратных средств.

Рассмотрим направления использования цифровых технологий в криминалистической деятельности с позиций криминалистической науки.

¹ Так, ресурс *elibrary.ru* по запросу «цифровая криминалистика» выдает более 6600 публикаций.

В большинстве случаев, когда заходит речь о цифровых технологиях в криминалистике, упоминаются программные и аппаратные средства обнаружения, фиксации, копирования и изъятия цифровой доказательственной информации. Для этого могут использоваться:

веб-сервисы (например, *archive.org* – для получения информации о прошлом веб-сайтов, *attack.mitre.org* – для анализа способа совершения киберпреступлений; «Ирбис», *Social-Searcher.com* – для получения информации о человеке из открытых источников²);

мобильные приложения (*GetContact* – для выявления круга общения; разнообразные программы для поиска ближайших базовых станций сотовой связи и т. д.);

боты в мессенджерах и социальных сетях (самый известный пример – «Глаз Бога»);

Цифровые технологии могут (и иногда обязаны) основываться на мыслительных операциях субъекта, их использующего, а когнитивные методы могут быть реализованы, в том числе, с помощью цифровых программно-аппаратных средств

узкопрофильные программные и программно-аппаратные комплексы, ориентированные на задачи криминалистики (*UFED Celebrite*, «Мобильный криминалист» и пр.);

программные комплексы, созданные в рамках компьютерных исследований (например, *Silk*, *Wireshark* – для анализа трафика; *Ram-Capturer* – для снятия дампа оперативной памяти).

Другое направление использования цифровых технологий – информационно-справочное обеспечение следственной, экспертной и оперативной деятельности. К таким технологиям можно отнести разработанный автором настоящей статьи комплекс информационных ресурсов *CrimLib.info* [Беляков, Бахтеев 2020], проекты Ю. П. Гармаева [Гармаев, Чумаков 2021], ресурсы Росреестра, Федеральной службы судебных приставов, Федеральной налоговой службы, Федеральной нотариальной палаты и т. д.

Следующее направление – анализ больших объемов криминалистически значи-

² Иначе эти сервисы могут быть названы инструментами *OSINT* (*open-source intelligence* – получение информации из открытых источников).

мой информации. Так, в проекте, возглавляемом А. А. Бессоновым, «на основе более 1000 преступных эпизодов разработана экспериментальная система поддержки принятия решений, позволяющая прогнозировать расстояние от места преступления до места жительства преступника с точностью 88,3–93,5 %, возраст преступника (точность 80,3 %, доверительный интервал ± 6 лет), наличие у него психического заболевания (точность 81,5 %) и судимости (точность 82 %), а также некоторые другие признаки его поискового портрета по неочевидным преступлениям» [Бессонов 2021]. Существует также созданная К. А. Нелюбиным по материалам следственной практики реляционная база данных, в которую были занесены основные элементы криминалистической характеристики убийств, обеспечивающие эффективность расследования преступлений данной категории на территории Свердловской области [Нелюбин 2014]. В настоящее время база данных используется в исследованиях по актуализации отдельных элементов криминалистической характеристики убийств и насильственных сексуальных преступлений.

Наконец, цифровые технологии могут оптимизировать производство следственных действий, расширяя возможности следователя: дроны добавляют ракурсы обзора, транскрайберы служат альтернативой при заполнении протокола [Вахмянина, Иванов 2019]. Так, съемка с беспилотного летательного аппарата является логическим и более доступным продолжением аэрофотосъемки с использованием вертолетов и не требует сложной подготовки: обучающиеся, по опыту автора статьи, менее чем за час осваивают базовые операции по управлению квадрокоптером в целях фотофиксации статичных объектов на месте происшествия на открытой местности. Вместе с тем из числа опрошенных следователей лишь 18 % имеют опыт использования дронов при осмотре места происшествия. В перспективе вероятным видится выявление эмоциональных состояний и типов реакций допрашиваемого с помощью процедур, аналогичных прокторингу, используемому в оценке персонала и образовательном процессе [Добровинский, Ловецкий, Попов 2018].

Если цифровые технологии направлены преимущественно на улучшение эффективности невербальных следственных действий, то когнитивные, скорее, относятся к взаимодействию участников уголовного процесса.

Поддерживая мнение А. В. Холопова о когнитивной стадии развития криминалистики [Холопов 2017], опишем три варианта применения такого инструментария в криминалистической практике и, как следствие, в научных исследованиях.

Во-первых, существует концепция криминалистического мышления как основы познавательных операций субъекта уголовного судопроизводства. К настоящему времени отечественной криминалистикой уже подробно изучены многие компоненты, входящие в структуру профессионального криминалистического мышления. К ним относятся моделирование следственных и иных криминалистических ситуаций, версионный процесс, техники принятия и оценки криминалистических и уголовно-процессуальных решений. Однако мышление способно не только повышать эффективность рабочих процессов, но и нарушать их нормальное развитие. Соответственно рассмотрение феномена криминалистического мышления невозможно без исследования механизмов возникновения ошибок и искажений в деятельности субъекта криминалистического познания.

Английский ученый И. Е. Дрор заметил, что «после десятилетий игнорирования важности человеческого фактора в криминалистической деятельности формируется новая область – когнитивная криминалистика. Осознание того, что человеческий фактор играет решающую роль, имеет глубокие последствия для криминалистической науки» [Dror 2015].

Во-вторых, современные когнитивные науки, в первую очередь психология и логика, предоставляют инструментарий для оптимизации вербальных следственных действий путем изучения личностных особенностей субъектов допроса. Так, полезно учитывать психотипы допрашиваемых лиц и выстраивать линию допроса в соответствии с предполагаемой на основе психотипа моделью поведения допрашиваемого.

В-третьих, упомянем вполне состоявшийся в криминалистике метод профилирования личности неизвестного преступника. Проведенное нами анкетирование следователей показало, что основными, наиболее часто встречающимися элементами профиля неустановленного преступника в процессе планирования расследования являются:

- пол (73,3 % опрошенных);
- возраст (68,9 % опрошенных);

наличие и характеристика преступного опыта (67,4 % опрошенных);

наличие и характеристика специальных навыков (65,2 % опрошенных);

наличие судимости (61,5 % опрошенных);
рост, телосложение, физиологические дефекты (56,3 % опрошенных);

психические заболевания и отклонения (44,4 % опрошенных);

характеристика социальных связей, круг общения (42,3 % опрошенных);

географические характеристики – место проживания, работы и пр. (41,5 % опрошенных);

уровень технической или компьютерной грамотности (37,8 % опрошенных);

уровень образования (36,3 % опрошенных);

отношение к воинской службе (9,6 % опрошенных).

При этом следует иметь в виду, что к методу профилирования не прибегают регулярно: о его применении сообщили лишь 64 % опрошенных.

Очевидно, что предложенная совокупность сведений имеет значение именно для раскрытия и расследования преступлений, однако не все элементы профиля совпадают с содержанием анкетных данных преступника, что подтверждает криминалистическую, ориентированную на поисковые и розыскные действия направленность описываемого метода [Бахтеев, Леднев 2020].

Недостатком приведенных инструментов, очевидно, является сложность их интеграции: для этого требуется как минимум разработка программного или программно-аппаратного продукта, либо закупка оборудования и лицензий, либо же, если применяются когнитивные технологии, – заинтересованность и временные затраты субъектов применения такого решения. Отметим также, что реализация большинства описанных технологий и технологических решений возможна путем использования методов машинного обучения. Сопоставление концепции

криминалистического мышления и описываемых технологий можно представить в двух аспектах: через призму процесса обработки больших объемов информации и при сравнении теоретических построений в указанных областях знания. В последнем случае происходит интеграция существующих концепций криминалистической науки и технологических решений. Так, можно сопоставить процесс обработки больших данных искусственной нейронной сетью с операциями криминалистического мышления.

Познавательная деятельность субъектов расследования на первом этапе фактически аналогична сбору массива данных, которые при правильной обработке станут датасетом для обучения искусственной нейронной сети.

На втором этапе происходит фильтрация полученной первичной криминалистически значимой информации. Собранные данные аналогичным образом фильтруются и сортируются для формирования структурированного блока данных, разных по содержанию, но однородных по форме.

На третьем этапе осуществляется формирование искомого и информационных источников. Этот процесс коррелирует с установкой весов и разделением датасета на тренировочный и верификационный.

На четвертом этапе сопоставляются искомое и недостающие информационные источники, что аналогично процессу обучения искусственной нейронной сети.

Познание субъекта криминалистического мышления направлено на информационную систему – модель расследования. Точно так же искусственный интеллект (как информационная система в узком смысле) ориентирован на познание внешней для себя среды (информационной системы в широком смысле).

Подводя итог, отметим, что криминалистическая деятельность, благодаря широте применяемых технологий и методов, ставит перед криминалистической наукой сложную, но реализуемую задачу по учету этих методов и интеграции их в структуру криминалистики.

Список литературы

Dror I. E. Cognitive Neuroscience in Forensic Science: Understanding and Utilizing the Human Element // Philosophical Transactions of the Royal Society of London. Ser. B: Biological Sciences. 2015. № 370. DOI: 10.1098/rstb.2014.0255.

Бахтеев Д. В., Леднев И. В. Понятие и свойства криминалистического профилирования личности и поведения неизвестного преступника // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2020. № 3. С. 110–118.

Белкин Р. С. Курс криминалистики: учеб. пособие для вузов: в 3 т. 3-е изд., доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА; Закон и право, 2001. Т. 1. 835 с.

Беляков А. А., Бахтеев Д. В. Мобильный справочник следователя: состояние и перспективы // Современные технологии и подходы в юридической науке и образовании: сб. материалов Междунар. науч.-практ. форума, Калининград, 27–31 августа 2020 года. Калининград: Балт. федер. ун-т им. Иммануила Канта, 2021. С. 279–285.

Бессонов А. А. Возможности современных компьютерных технологий в расследовании преступлений // Право и экономика: стратегии регионального развития: сб. материалов I Вологодского регион. форума с междунар. участием, Вологда, 23–24 марта 2021 года. Вологда: Фонд развития филиала МГЮА им. О. Е. Кутафина в Вологде, 2021. С. 275–281.

Вахмянина Н. Б., Иванов Э. А. Возможности использования программ-транскрайберов при производстве следственных действий // Российский следователь. 2019. № 2. С. 6–9.

Гармаев Ю. П., Чумаков А. В. Мобильные приложения и иные инновационные средства обучения в криминалистике // Современные технологии и подходы в юридической науке и образовании: сб. материалов Междунар. науч.-практ. форума, Калининград, 27–31 августа 2020 года. Калининград: Балт. федер. ун-т им. Иммануила Канта, 2021. С. 270–278.

Добровинский Д. С., Ловецкий И. В., Попов М. А. Прокторинг как инструмент развития дистанционного образования // Научно-техническое и экономическое сотрудничество стран АТР в XXI веке. 2018. Т. 2. С. 27–32.

Кустов А. М. «Цифровая криминалистика» или «цифровые технологии в криминалистике» // Современные технологии и подходы в юридической науке и образовании: сб. материалов Междунар. науч.-практ. форума, Калининград, 27–31 августа 2020 года. Калининград: Балт. федер. ун-т им. Иммануила Канта, 2021. С. 173–181.

Нелюбин К. А. Некоторые вопросы создания и использования электронной базы данных на основе криминалистической характеристики убийств // Российский следователь. 2014. № 13. С. 4–5.

Россинская Е. Р., Сааков Т. А. Проблемы собирания цифровых следов преступлений из социальных сетей и мессенджеров // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2020. № 3. С. 106–123.

Холопов А. В. К вопросу о когнитивной стадии развития криминалистики // Современная криминалистика: проблемы теории, практики, обучения: сб. ст. по материалам Междунар. науч.-практ. конф. / под ред. М. Ю. Павлика, С. А. Полякова, Е. А. Ануфриевой. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2017. С. 136–140.

Цифровая криминалистика: учеб. для вузов / под ред. В. Б. Вехова, С. В. Зуева. М.: Юрайт, 2021. 417 с.

Дмитрий Валерьевич Бахтеев – кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева. 620137, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21. E-mail: dmitry.bakhteev@gmail.com.

ORCID: 0000-0002-0869-601X

On the Main Directions of Interdisciplinary Development of Criminalistics

The article describes the trends of interdisciplinary development of criminalistics in two interrelated areas: practical activity and scientific research. The digital direction includes, besides research of digital traces, technologies of detection, fixation, copying, withdrawal and research of other digital data (including web-services, mobile applications, bots, software and firmware of narrow and wide application), reference information support, digital technologies of analysis of big criminalistic data, technologies of optimization of certain practical actions of an

investigator. Cognitive direction of optimization of intellectual activity of an investigator includes the use of personal psychological characteristics of the interrogated at interrogations and other verbal investigative actions, a method of criminalistic profiling of personality of the unidentified criminal. Optimization of investigative actions is possible using digital methods (drones, proctoring systems, videoconferencing, transcribing protocols) or cognitive methods – modern tools for optimization of thinking, or the mentioned method of profiling. Technologies of machine learning and artificial intelligence are considered in the framework of a complex direction of criminalistic research, located at the junction of digital and cognitive directions.

Keywords: criminalistic technologies, digital forensics, information support for investigative activities, criminalistic thinking, personality profiling

Recommended citation

Bakhteev D. V. Ob osnovnykh napravleniyakh mezhdistsiplinarnogo razvitiya kriminalistiki [On the Main Directions of Interdisciplinary Development of Criminalistics], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2022, no. 3, pp. 86–92, DOI: 10.34076/2410_2709_2022_3_86.

References

Bakhteev D. V., Lednev I. V. Ponyatie i svoystva kriminalisticheskogo profilirovaniya lichnosti i povedeniya neizvestnogo prestupnika [The Concept and Characteristics of Forensic Profiling of the Personality and Behavior of an Unknown Offender], *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika*, 2020, no. 3, pp. 110–118.

Belkin R. S. *Kurs kriminalistiki* [Course of Criminalistics], in 3 vols., Moscow, YuNITI-DANA, Zakon i pravo, 2001, vol. 1, 835 p.

Belyakov A. A., Bakhteev D. V. *Mobil'nyi spravochnik sledovatelya: sostoyanie i perspektivy* [Investigator's Mobile Reference Guide: Status and Prospects], *Sovremennye tekhnologii i podkhody v yuridicheskoi nauke i obrazovanii* [Modern Technologies and Approaches in Juridical Science and Education]: conference papers, Kaliningrad, Balt. feder. un-t im. Immanuila Kanta, 2021, pp. 279–285.

Bessonov A. A. *Vozmozhnosti sovremennykh komp'yuternykh tekhnologii v rassledovanii prestuplenii* [Possibilities of Modern Technologies in Crimes Investigations], *Pravo i ekonomika: strategii regional'nogo razvitiya* [Law and Economics: Strategies of Regional Development]: conference papers, Vologda, Fond razvitiya filiala MGYuA im. O. E. Kutafina v Vologde, 2021, pp. 275–282.

Dobrovinskii D. S., Lovetskii I. V., Popov M. A. Proctoring kak instrument razvitiya distantsionnogo obrazovaniya [Proctoring as a Tool of Distance Education Development], *Nauchno-tekhnicheskoe i ekonomicheskoe sotrudnichestvo stran ATR v XXI veke*, 2018, vol. 2, pp. 27–32.

Dror I. E. Cognitive Neuroscience in Forensic Science: Understanding and Utilizing the Human Element, *Philosophical Transactions of the Royal Society of London. Ser. B, Biological sciences*, 2015, no. 370, DOI: 10.1098/rstb.2014.0255.

Garmaev Yu. P., Chumakov A. V. *Mobil'nye prilozheniya i inye innovatsionnye sredstva obucheniya v kriminalistike* [Mobile Apps and Other Innovations in Law Science and Practics], *Sovremennye tekhnologii i podkhody v yuridicheskoi nauke i obrazovanii* [Modern Technologies and Approaches in Juridical Science and Education]: conference papers, Kaliningrad, Balt. feder. un-t im. Immanuila Kanta, 2021, pp. 270–278.

Kholopov A. V. *K voprosu o kognitivnoi stadii razvitiya kriminalistiki* [On the Cognitive Stage in the Development of Criminalistics], Pavlik M. Yu., Polyakov S. A., Anufrieva E. A. (eds.) *Sovremennaya kriminalistika: problemy teorii, praktiki, obucheniya* [Modern Criminalistics: Problems of Theory, Practice, and Training]: conference papers, Novosibirsk, Izd-vo NGTU, 2017, pp. 136–140.

Kustov A. M. «Tsifrovaya kriminalistika» ili «tsifrovye tekhnologii v kriminalistike» [«Digital Forensics» or «Digital Technologies in Criminalistics»], *Sovremennye tekhnologii i podkhody v yuridicheskoi nauke i obrazovanii* [Modern Technologies and Approaches in Juridical Science and Education]: conference papers, Kaliningrad, Balt. feder. un-t im. Immanuila Kanta, 2021, pp. 173–181.

Nelyubin K. A. Nekotorye voprosy sozdaniya i ispol'zovaniya elektronnoi bazy dannykh na osnove kriminalisticheskoi kharakteristiki ubiistv [Some Issues of Creation and Use of Electronic Data Base on the Basis of Criminalistic Characteristics of Murders], *Rossiiskii sledovatel'*, 2014, no. 13, pp. 4–5.

Rossinskaya E. R., Saakov T. A. Problemy sobiraniya tsifrovyykh sledov prestuplenii iz sotsial'nykh setei i messendzherov [The Problems of Collecting Digital Footprints of Crimes in Social Networks and Messengers], *Kriminalistika: vchera, segodnya, zavtra*, 2020, no. 3, pp. 106–123.

Vekhov V. B., Zuev S. V. (eds.) *Tsifrovaya kriminalistika* [Digital Criminalistics], Moscow, Yurait, 2021, 417 p.

Vakhmyanina N. B., Ivanov E. A. Vozmozhnosti ispol'zovaniya programm-transkraiberov pri proizvodstve sledstvennykh deistvii [Possibility to Use of Transcription Software in Investigative Activities], *Rossiiskii sledovatel'*, 2019, no. 2, pp. 6–9.

Dmitrii Bakhteev – candidate of juridical sciences, associate professor of the Department of criminalistics, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev. 620137, Russian Federation, Ekaterinburg, Komsomol'skaya str., 21. E-mail: dmitry.bakhteev@gmail.com.

ORCID: 0000-0002-0869-601X

Дата поступления в редакцию / Received: 06.05.2022

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 17.06.2022

Д. М. Дубовик
Уральский государственный
юридический университет им. В. Ф. Яковлева
(Екатеринбург)

ОБЪЕКТЫ НАКОПЛЕННОГО ВРЕДА: К ВОПРОСУ О НЕСАНКЦИОНИРОВАННЫХ СВАЛКАХ

В статье рассмотрены вопросы, связанные с правовым регулированием деятельности по устранению объектов накопленного вреда окружающей среде и ее соотношением с деятельностью по ликвидации несанкционированных свалок. В исследуемой сфере автор выделяет такие проблемы, как несовершенство понятийного аппарата, наличие противоречий в действующем законодательстве с позиции отнесения несанкционированных свалок к объектам накопленного вреда, определения уполномоченного государственного органа и органа местного самоуправления, их взаимоотношений и компетенций, регламентации их деятельности по устранению данных объектов, а также определения вопросов бюджетного финансирования этой деятельности.

Обоснована необходимость уточнить критерии выделения объектов накопленного вреда, порядок и основания их включения в соответствующий государственный реестр, разграничить полномочия государственных органов и органов местного самоуправления с точки зрения государственного надзора и муниципального контроля. Рассматривая вопросы правоприменительной практики, связанной с выявлением и ликвидацией объектов накопленного вреда, автор выявляет проблемы исполнения принимаемых судебных актов, а также доказывает необходимость обобщения Верховным Судом РФ судебной практики по вопросам охраны окружающей среды, устранения объектов накопленного вреда и ликвидации несанкционированных свалок.

Ключевые слова: несанкционированные свалки, объекты накопленного вреда, отходы производства и потребления, объекты размещения отходов, финансирование работ по ликвидации накопленного вреда

Для цитирования

Дубовик Д. М. Объекты накопленного вреда: к вопросу о несанкционированных свалках // Российское право: образование, практика, наука. 2022. № 3. С. 93–99. DOI: 10.34076/2410_2709_2022_3_93.

УДК 349.415

DOI: 10.34076/2410_2709_2022_3_93

В силу ст. 42 Конституции РФ каждый имеет право на благоприятную окружающую среду. Проблемы реализации и защиты обозначенного конституционного права не перестают быть актуальными, особенно с точки зрения соблюдения баланса публичных и частных интересов. М. В. Пономарев справедливо отмечает, что защита данного права в полной мере должна осуществляться за счет не количественного, а качественного развития всей экономической инфраструктуры, а также за счет своевременного и комплексного правового регулирования экологических правоотношений [Пономарев 2020].

Рассуждать о реализации и защите права на благоприятную окружающую среду невозможно без решения проблем, связанных с ликвидацией последствий накопленного вреда окружающей среде. Говоря о правовых инструментах, способствующих восстановлению состояния окружающей среды, необходимо согласиться с мнением Э. Ф. Нигматуллиной о придании особой значимости оценке объектов накопленного вреда [Нигматуллина 2020].

В соответствии со Стратегией национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ от 2 июля

2021 г. № 400, экологическая безопасность и рациональное природопользование являются национальными приоритетами. Из этого следует, что рост экономики государства должен быть экологически-ориентирован, т. е. должен учитывать и восстановление природных компонентов, их реабилитацию и ликвидацию экологического ущерба.

Наличие большого количества экологических проблем объективно способствовало реформированию деятельности по обращению с отходами производства и потребления и утверждению различных государственных программ и национальных проектов в сфере экологии. Однако, невзирая на положительные результаты государственной деятельности в сфере экологии, следует согласиться с мнением Т. М. Звездиной [Звездина 2019], И. А. Игнатъевой [Игнатьева 2018b], Н. С. Зиновкина [Зиновкин 2014] о том, что деятельность, связанная с отходами производства и потребления, до сих пор является самой проблемной с точки зрения как правового регулирования, так и правоприменительной практики. К примеру, С. Н. Русин, рассуждая о реализации национального проекта «Экология», справедливо обозначает следующую проблему: отсутствуют критерии, в соответствии с которыми определяются объекты накопленного вреда для включения их в соответствующую госпрограмму и открытия бюджетного финансирования мероприятий по их ликвидации [Русин 2020: 38].

Согласно распоряжению Правительства РФ от 8 декабря 2021 г. № 3496-р «Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации отрасли экологии и природопользования» к проблемам текущего состояния отрасли экологии и природопользования, в частности, отнесена проблема ликвидации несанкционированных свалок. Очевидно, что принятие и реализация государственных программ и национальных проектов в рассматриваемой сфере, проведение государством реформ не решили все правовые проблемы, связанные с обращением отходов производства и потребления, ликвидацией несанкционированных свалок. Это свидетельствует об актуальности научного исследования по заявленной теме.

В соответствии с данными, отраженными в Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до

2025 года (утв. Указом Президента РФ от 19 апреля 2017 г. № 176), свыше 30 млрд т отходов накоплено в результате прошлой хозяйственной и иной деятельности. По итогам инвентаризации территорий выявлено 340 объектов накопленного вреда окружающей среде, являющихся источниками потенциальной угрозы жизни и здоровью 17 млн человек. Увеличивается количество отходов, которые не вовлекаются во вторичный хозяйственный оборот, а размещаются на полигонах и свалках, что приводит к выводу продуктивных сельскохозяйственных угодий из оборота. Около 15 тыс. санкционированных объектов размещения отходов занимают территорию общей площадью примерно 4 млн га, и эта территория ежегодно увеличивается на 300–400 тыс. га.

Обозначенные масштабы экологических проблем обуславливают повышенную потребность в правовых исследованиях, призванных выработать оптимальные юридические механизмы предотвращения и ликвидации вредных последствий. При этом ряд авторов обоснованно указывает на необходимость, с одной стороны, обеспечить своевременное и качественное восстановление нарушенного состояния окружающей среды, а с другой – не превратить право в инструмент чрезмерного подавления экономической деятельности [Винницкий, Круглов, Соловьев 2020].

В соответствии со ст. 1 Федерального закона от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» (далее – ФЗ «Об охране окружающей среды») под вредом окружающей среде понимается негативное изменение окружающей среды в результате ее загрязнения, повлекшее за собой деградацию естественных экологических систем и истощение природных ресурсов. В свою очередь загрязнение окружающей среды представляет собой поступление в окружающую среду вещества и (или) энергии, свойства, местоположение или количество которых оказывают негативное воздействие на окружающую среду. К таким веществам, в частности, относятся объекты накопленного вреда.

В качестве одной из проблем в сфере ликвидации объектов накопленного вреда следует выделить отсутствие критериев, по которым тот или иной объект относится к рассматриваемой категории.

Положения ст. 80.1, 80.2 ФЗ «Об охране окружающей среды» являются предметом научных дискуссий и вызывают многочисленные вопросы в правоприменительной практике. Так, Г. В. Выпханова отмечает, что одним из проблемных вопросов является критерий определения объектов накопленного вреда окружающей среде, указанный в п. 1 ст. 80.1 ФЗ «Об охране окружающей среды» [Выпханова 2020: 11–12]. Исходя из содержания данной нормы к таким объектам могут относиться как объекты прошлой экономической деятельности (например, полигоны промышленных отходов, заброшенные рудники, нефтешламоамбары и т. д.), так и иные объекты, образованные в процессе жизнедеятельности человека (например, несанкционированные свалки), что находит отражение при их учете.

В рассматриваемой ситуации возникает вопрос о возможности отнесения несанкционированных свалок к объектам накопленного вреда.

Согласно ст. 1 Федерального закона от 24 июня 1998 г. № 89-ФЗ «Об отходах производства и потребления» в число объектов размещения отходов включаются специальные сооружения для размещения, хранения и захоронения отходов. Из законодательного определения видно, что несанкционированные свалки под него не подпадают, а следовательно, по формальным признакам не должны относиться к категории «объект накопленного вреда». В то же время, как справедливо отмечает ряд авторов [Новикова 2020 и др.], объектом права выступает не сам накопленный вред как таковой, а определенная территория в виде того пространства или акватории, на которых он помещен или размещен в виде отхода или объекта капитального строительства.

Таким образом, несанкционированные свалки можно отнести к объектам накопленного вреда, поскольку они представляют собой конкретную территорию, которая занята отходом производства и потребления и является источником накопленного вреда. Однако в связи с этим автоматически возникает проблема определения публичного органа, ответственного за принятие мер по ликвидации таких свалок.

Исходя из ст. 80.1 ФЗ «Об охране окружающей среды» выявлением и оценкой объектов накопленного вреда окружающей среде впра-

ве заниматься органы государственной власти субъектов Российской Федерации или органы местного самоуправления, а в случаях, установленных Правительством РФ, – федеральные органы исполнительной власти. В силу ч. 2 ст. 80.2 ФЗ «Об охране окружающей среды» организацию работ по ликвидации объектов накопленного вреда вправе осуществлять органы государственной власти субъектов Российской Федерации и органы местного самоуправления, а в случаях, установленных Правительством РФ, – и федеральный орган исполнительной власти. Как видим, законодатель, вводя нормы о выявлении, учете и ликвидации объектов накопленного вреда, указывает, что ответственный орган *вправе* заниматься этой деятельностью, однако такая формулировка является не совсем удачной.

Несанкционированные свалки можно отнести к объектам накопленного вреда, поскольку они представляют собой конкретную территорию, которая занята отходом производства и потребления и является источником накопленного вреда

В судебной практике можно встретить попытки обозначенных уполномоченных органов «переложить» данные мероприятия на хозяйствующих субъектов.

Так, администрация муниципального образования подала иск к индивидуальному предпринимателю о возложении на него обязанности ликвидировать несанкционированную свалку. Арбитражный суд Новосибирской области в удовлетворении иска отказал (решение от 13 июля 2022 г. по делу № А45-235/2022), указав, что орган местного самоуправления пытается избежать ответственности за свое незаконное бездействие и по факту хочет устранить допущенные им нарушения исключительно за счет средств индивидуального предпринимателя, что очевидно является недобросовестным поведением по смыслу ст. 10 Гражданского кодекса Российской Федерации.

В данном споре суд сделал вывод о том, что именно администрация наделена полномочиями по восстановлению земельных участков, которые расположены на территории района и поселения и государственная

собственность на которые не разграничена, от любых отходов, несанкционированно размещенных на таких земельных участках.

Приведенный пример наглядно подтверждает тезис о том, что ликвидация объектов накопленного вреда должна рассматриваться через призму публично-правовой обязанности государства в лице его уполномоченных органов. Это позволит решить, в том числе, проблему отсутствия в бюджете уполномоченного органа соответствующей статьи расходов на проведение подобных мероприятий, что неоднократно являлось предметом научного обсуждения [Игнатъева 2017; Игнатъева 2018а]. Наличие закрепленной законом обязанности по выявлению, учету и ликвидации объектов накопленного вреда позволит формировать бюджет уполномоченного органа с учетом необходимости исполнения обозначенной задачи. При этом полномочия соответствующих органов нужно разграничивать и соотносить с полномочиями, которыми органы местного самоуправления наделяет Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», в частности, с полномочием по муниципальному контролю за организацией деятельности по обращению с твердыми коммунальными отходами и ликвидацией несанкционированных свалок.

Анализируя вопрос финансового контроля за целевым и рациональным использованием бюджетных средств в исследуемой сфере, Т. В. Петрова указывает, что необходимо детализировать в экологическом законодательстве перечень действий, которые в совокупности образуют процесс «ликвидация накопленного вреда окружающей среде» [Петрова 2020: 24]. Представляется, что этот процесс не должен ограничиваться устранением объектов накопленного вреда, в него также должны входить мероприятия по рекультивации земель, восстановлению водных объектов, озеленению и благоустройству территорий и т. д., а бюджет должен предусматривать соответствующую статью расходов.

Проблема определения ответственного органа и источника финансирования мероприятий по ликвидации объектов накопленного вреда порождает вопросы в правоприменительной практике.

К примеру, Свердловский межрайонный природоохранный прокурор подал иск о ликвидации объекта, оставшегося от прошлой экономической деятельности (медного рудника). Решением Кировского районного суда г. Екатеринбурга Свердловской области от 25 ноября 2021 г. по делу № 2-5301/2021 обязанность по включению объекта накопленного вреда в государственный реестр таких объектов возложена только на орган государственной власти субъекта – Министерство природных ресурсов и экологии Свердловской области, а обязанность по ликвидации медного рудника возложена как на Министерство природных ресурсов и экологии Свердловской области, так и на администрацию городского округа Дегтярск, что однозначно приведет к вопросу о порядке исполнения указанного решения суда.

Представляется доказанным тезис о том, что сегодня нормативно-правовое регулирование деятельности по ликвидации несанкционированных свалок фактически отсутствует; имеются законодательные пробелы как в понятийном аппарате, связанном с определением объектов накопленного вреда, так и в установлении диспозитивного поведения органов, ответственных за проведение такого рода мероприятий. В результате в правоприменительной практике возникают проблемы при определении субъектного состава, возмещении вреда окружающей среде, причиненного размещением несанкционированных свалок.

Разъяснения Верховного Суда РФ в области охраны окружающей среды (постановления Пленума Верховного Суда РФ от 18 октября 2012 г. № 21 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования», от 30 ноября 2017 г. № 49 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении вреда, причиненного окружающей среде», Обзор судебной практики по вопросам применения законодательства об охране окружающей среды от 24 июня 2022 г.) не содержат ответов на вопросы применения законодательства в области устранения объектов накопленного вреда и ликвидации несанкционированных свалок.

Рассмотрение поставленной проблемы позволило сформулировать ряд выводов.

1. Действенное восстановление окружающей среды невозможно без совершенствова-

ния правового регулирования в области ликвидации объектов накопленного вреда.

2. Необходимо законодательно закрепить критерии определения объектов накопленного вреда с целью повышения качества мероприятий по их выявлению и включению в государственный реестр.

3. Проведение мероприятий по выявлению и ликвидации объектов накопленного вреда должно быть публично-правовой обязанностью уполномоченных органов.

4. Наличие у уполномоченных органов публично-правовой обязанности по проведению обозначенных мероприятий позволит предусматривать соответствующую статью расходов в бюджете.

5. Сохраняется актуальность дальнейшего обобщения Верховным Судом РФ судебной практики по вопросам охраны окружающей среды, устранения объектов накопленного вреда и ликвидации несанкционированных свалок.

Список литературы

Винницкий А. В., Круглов В. В., Соловьев М. С. К вопросу о приоритете натуральной формы возмещения вреда, причиненного окружающей среде (на примере водных объектов и почв) // Юридические исследования. 2020. № 12. С. 18–30.

Выпханова Г. В. Теоретико-правовые и практические проблемы ликвидации накопленного вреда окружающей среде // Экологическое право. 2020. № 1. С. 11–13.

Звездина Т. М. Некоторые проблемы правового регулирования обращения с твердыми коммунальными отходами // Юрист. 2019. № 11. С. 66–71.

Зиновкин Н. С. Обзор судебной практики по вопросу платы за размещение отходов производства и потребления // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 2. С. 204–211.

Игнатьева И. А. Правовое обеспечение ликвидации накопленного вреда окружающей среде // Российский юридический журнал. 2017. № 2. С. 164–177.

Игнатьева И. А. Новые правила организации работ по ликвидации накопленного вреда окружающей среде // Практика муниципального управления. 2018а. № 9. С. 42–47.

Игнатьева И. А. Правовые проблемы определения понятия «отходы производства и потребления» // Экологическое право. 2018b. № 1. С. 12–19.

Нигматуллина Э. Ф. Приемлемость рисков воздействия объектов накопленного экологического вреда и их оценка // Экологическое право. 2020. № 1. С. 48–50.

Новикова Е. В. Накопленный вред: проблемы понятийного аппарата // Экологическое право. 2020. № 1. С. 8–10.

Петрова Т. В. Финансирование расходов по ликвидации накопленного вреда окружающей среде // Экологическое право. 2020. № 1. С. 23–25.

Пономарев М. В. Правовое регулирование охраны окружающей среды при обращении с отходами производства и потребления: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020. 215 с.

Русин С. Н. Национальный проект «Экология» в системе организационных и экономических средств ликвидации накопленного вреда окружающей среде. Правовые аспекты // Экологическое право. 2020. № 1. С. 37–39.

Дмитрий Михайлович Дубовик – ассистент кафедры земельного, градостроительного и экологического права Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева. 620137, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21. E-mail: dubovikgr@yandex.ru.

ORCID: 0000-0001-7240-6630

On the Problem of Unauthorized Dumps

The article deals with the issues related to the legal regulation of activities to eliminate objects of accumulated harm, and its relationship with the activities to eliminate unauthorized dumps. The author highlights such problems as the imperfection of the conceptual apparatus in the area

under study, the presence of contradictions in the current legislation from the position of classifying unauthorized dumps as objects of accumulated harm, determining the authorized state body and local government, their relationship and competencies, regulation of their activities to eliminate these objects, as well as determining the issues of budgetary financing of this activity.

The necessity of clarifying the criteria for identifying objects of accumulated harm, the procedure and grounds for their inclusion in the relevant state register, the delineation of powers of state bodies and local governments from the point of view of state supervision and municipal control is substantiated. Considering the issues of law enforcement practice related to the identification and liquidation of objects of accumulated harm, the author identifies problems in the execution of adopted judicial acts, and also proves the need for the Supreme Court of the Russian Federation to generalize the judicial practice on environmental protection, elimination of objects of accumulated harm and liquidation of unauthorized dumps.

Keywords: unauthorized dumps, objects of accumulated harm, production and consumption waste, waste disposal sites, financing of work to eliminate the accumulated harm

Recommended citation

Dubovik D. M. Ob'ekty nakoplennoogo vreda: k voprosu o nesanktsionirovannykh svalkakh [On the Problem of Unauthorized Dumps], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2022, no. 3, pp. 93–99, DOI: 10.34076/2410_2709_2022_3_93.

References

Ignat'eva I. A. Pravovoe obespechenie likvidatsii nakoplennoogo vreda okruzhayushchei srede [Legal Support for the Elimination of Accumulated Environmental Damage], *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal*, 2017, no. 2, pp. 164–177.

Ignat'eva I. A. Novye pravila organizatsii rabot po likvidatsii nakoplennoogo vreda okruzhayushchei srede [New Rules for Organizing Work to Eliminate Accumulated Environmental Damage], *Praktika munitsipal'nogo upravleniya*, 2018, no. 9, pp. 42–47.

Ignat'eva I. A. Pravovye problemy opredeleniya ponyatiya «otkhody proizvodstva i potrebleniya» [Legal Problems of Defining the Concept of Production and Consumption Waste], *Ekologicheskoe pravo*, 2018, no. 1, pp. 12–19.

Nigmatullina E. F. Priemlost' riskov vozdeistviya ob'ektov nakoplennoogo ekologicheskogo vreda i ikh otsenka [Acceptability of Risks of Exposure to Objects of Accumulated Environmental Damage and their Assessment], *Ekologicheskoe pravo*, 2020, no. 1, pp. 48–50, DOI: 10.18572/1812-3775-2020-1-48-50;

Novikova E. V. Nakoplennyi vred: problemy ponyatiinogo apparata [Cumulative Harm: Problems with the Conceptual Framework], *Ekologicheskoe pravo*, 2020, no. 1, pp. 8–10.

Petrova T. V. Finansirovanie raskhodov po likvidatsii nakoplennoogo vreda okruzhayushchei srede [Financing the Costs of Eliminating the Accumulated Damage to the Environment], *Ekologicheskoe pravo*, 2020, no. 1, pp. 23–25, DOI: 10.18572/1812-3775-2020-1-23-25.

Ponomarev M. V. *Pravovoe regulirovanie okhrany okruzhayushchei sredy pri obrashchenii s otkhodami proizvodstva i potrebleniya* [Legal Regulation of Environmental Protection in the Treatment of Production and Consumption Waste]: cand. jur. sc. thesis, Moscow, 2020, 215 p.

Rusin S. N. Natsional'nyi proekt «Ekologiya» v sisteme organizatsionnykh i ekonomicheskikh sredstv likvidatsii nakoplennoogo vreda okruzhayushchei srede. Pravovye aspekty [The National Project «Ecology» in the System of Organizational and Economic Means of Eliminating the Accumulated Harm to the Environment. Legal Aspects], *Ekologicheskoe pravo*, 2020, no. 1, pp. 37–39, DOI: 10.18572/1812-3775-2020-1-37-39.

Vypkhanova G. V. Teoretiko-pravovye i prakticheskie problemy likvidatsii nakoplennoogo vreda okruzhayushchei srede [Theoretical, Legal and Practical Problems of Elimination of Accumulated Harm to the Environment], *Ekologicheskoe pravo*, 2020, no. 1, pp. 11–13, DOI: 10.18572/1812-3775-2020-1-11-13.

Vinnitskii A. V., Kruglov V. V., Solov'ev M. S. K voprosu o prioritete natural'noi formy vozmeshcheniya vreda, prichinnogo okruzhayushchei srede (na primere vodnykh ob"ektov i pochv) [To the Question on the Priority of the Natural Form of Compensation for Damage Caused to the Environment (o the Example of Water Objects and Soils)], *Yuridicheskie issledovaniya*, 2020, no. 12, pp. 18–30, DOI: 10.25136/2409-7136.2020.12.34809.

Zvezdina T. M. Nekotorye problemy pravovogo regulirovaniya obrashcheniya s tverdymi kommunal'nymi otkhodami [Some Problems of Legal Regulation of Municipal Solid Waste Management], *Yurist*, 2019, no. 11, pp. 66–71, DOI: 10.18572/1812-3929-2019-11-66-71.

Zinovkin N. S. Obzor sudebnoi praktiki po voprosu platy za razmeshchenie otkhodov proizvodstva i potrebleniya [Review of Judicial Practice on the Issue of Payment for the Disposal of Production and Consumption Waste], *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava*, 2014, no. 2, pp. 204–211.

Dmitry Dubovik – assistant of the Department of land, urban planning and environmental law, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev. 620137, Russian Federation, Ekaterinburg, Komsomol'skaya str., 21. E-mail: dubovikgr@yandex.ru.

ORCID: 0000-0001-7240-6630

Дата поступления в редакцию / Received: 18.03.2022

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 22.07.2022

Р. В. Мельников

Университет прокуратуры Российской Федерации
(Москва)

ФОРМИРОВАНИЕ МОРАЛЬНО-ЭТИЧЕСКИХ ТРЕБОВАНИЙ К ПРОКУРОРСКИМ РАБОТНИКАМ В РОССИИ: ИСТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Автор отмечает, что, хотя первый этический кодекс прокуратуры принят лишь в 2010 г., содержащиеся в нем нормы являются результатом исторического развития прокуратуры России. В статье предлагается исследовать вопрос формирования норм профессиональной этики прокурорской деятельности в исторической ретроспективе, обратившись к эпохам Российской империи и СССР, а также выделить те из них, которые не потеряли актуальности и нашли отражение в действующих нормативных правовых актах.

Анализируются Именные указы от 12 января 1722 г., от 27 апреля 1722 г., от 3 сентября 1733 г., «секретнейшее наставление» Екатерины II при назначении генерал-прокурором князя А. А. Вяземского; нормативно-правовое регулирование деятельности прокуратуры в XIX в.; приказы Генерального прокурора СССР от 17 июня 1946 г. и от 28 июня 1949 г., Закон от 30 ноября 1979 г. «О прокуратуре СССР».

Ключевые слова: прокуратура Российской Федерации, этика прокурорской деятельности, Кодекс этики прокурорского работника, история формирования этических требований для прокурора, прокурорский надзор, история прокурорского надзора

Для цитирования

Мельников Р. В. Формирование морально-этических требований к прокурорским работникам в России: исторический анализ // Российское право: образование, практика, наука. 2022. № 3. С. 100–107. DOI: 10.34076/2410_2709_2022_3_100.

УДК 34.08

DOI: 10.34076/2410_2709_2022_3_100

Функциональная сущность должности прокурора в России имела разное содержание на разных этапах ее исторического становления, что обусловлено постоянным реформированием надзорного органа в связи со сменой политической, экономической и социальной повесток. На протяжении длительной истории надзорного органа формировались, дополнялись и укреплялись предъявляемые к прокурорам морально-этические требования, многие из которых нашли отражение в действующем Федеральном законе от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (далее – Закон о прокуратуре), а также в Кодексе этики прокурорского работника (далее – Кодекс этики) и Концепции воспитательной работы в системе прокуратуры Российской Федерации,

утвержденных приказом Генерального прокурора от 17 марта 2010 г. № 114.

Нормативные правовые акты XVIII–XX вв., определявшие статус надзорного ведомства, объем полномочий и должностных обязанностей, не устанавливают морально-этических норм в том же виде, как в этических кодексах [Прокуратура Российской империи в документах 2018: 143]. В то же время подтверждением того факта, что морально-этические требования, предъявляемые к должности прокурора, имели особое значение уже на этапе формирования надзорного органа, является личность первого генерал-прокурора Павла Ивановича Ягужинского. Как следует из Советской исторической энциклопедии, он отличался прямоотой, честностью и неподкупностью, неутомимостью

в работе [Советская историческая энциклопедия 1982: 844–845]. Прокурорский работник должен обладать данными личностными качествами и сейчас, что нашло отражение как в Европейских руководящих принципах по этике и поведению для прокуроров (приняты на VI Конференции генеральных прокуроров стран Европы в 2005 г.), так и в присяге прокурора, закрепленной в ст. 40.4 Закона о прокуратуре. Согласно ей прокурор обязан «постоянно совершенствовать свое мастерство, дорожить своей профессиональной честью, быть образцом неподкупности, моральной чистоты, скромности, свято беречь и приумножать лучшие традиции прокуратуры».

Свидетельством того, что предъявляемые сегодня к прокурорским работникам морально-этические требования – это результат осмысления норм, определявших функционал прокуроров в период зарождения института прокурорского надзора, являются и положения п. 2.1.7 Кодекса этики, согласно которым прокурорам надлежит использовать должностные полномочия взвешенно и гуманно. Впервые акцент на особом отношении к службе, осмотрительности и осторожности в принятии решений был сделан в Именном указе от 3 сентября 1733 г. «О должности прокурора», который предписывал исполнять возложенные на прокурора обязанности взвешенно, «дабы бесчестия не учинить».

Думается, что А. Г. Звягинцев справедливо охарактеризовал правопослушание, следование правилам нравственности, строгости и гуманности как фундамент, на котором стоит отечественная прокуратура [Звягинцев 2008: 42]. Исправление «порочности» органов фискалитета [Серов 2010: 144] – основных предшественников прокуратуры – было бы невозможно без предъявления особых требований морали и нравственности к лицам, основной задачей которых являлось «...проведение в жизнь экономических, социальных и политических реформ вопреки скрытому, а нередко и открытому сопротивлению органов местной власти» [Кашаев 2008: 78]. Как следует из Именного указа от 27 апреля 1722 г. «О должности генерал-прокурора», «генерал-прокурор повинен... смотреть накрепко, дабы Сенат свою должность хранил и во всех делах, которые к Сенатскому рассмотрению и решению под-

лежат, истинно, ревностно и порядочно, без потеряния времени, по регламентам и указам отправлял...». Выполнение надзорной функции обуславливало предъявление высоких требований к тем, кто, подчиняясь только государю, способен был обеспечить верховенство закона в становившейся все более просвещенной империи.

Среди принимаемых на должности прокуроров были видные дворяне, гвардейские генералы и офицеры, характеризовавшиеся как люди образованные, имевшие высокий авторитет и влияние в стране [Хлебникова 2016: 2]. Однако невзирая на подобную характеристику личного состава надзорного ведомства, насчитывавшего по состоянию на 1723 г. не более 20 лиц, в нормативных правовых актах, принятых в период правления Петра I, правовая регламентация этики не ставилась на первые позиции. Следует отметить, что количество этих актов было невелико, а содержание с точки зрения конкретности и определенности требовало значительной доработки. В то же время уже в первых нормативных правовых актах, в которых упоминалась должность прокурора, особое значение уделялось именно нравственным началам. И. Я. Фойницкий замечал, что «правила доброго поведения и безукоризненной жизни» особенно важны «для людей, публично обличающих порок и преступления» [Фойницкий 1996: 527].

Так, в Именном указе от 12 января 1722 г. «Об обязанностях Сенатских членов, о заседании президентов Воинских коллегий Иностранной и Берг-коллегий в Сенате, о бытии при Сенате генерал- и обер-прокурорам, рекетмейстеру, экзекутору и герольдмейстеру, а в каждой коллегии по прокурору; о выборе кандидатов к оным местам и о чинении при сем выборе и балотировании присяги по приложенной форме» содержится присяга на должность прокурора: «Я, нижеименованный, обещаюся и клянуся всемогущим Богом, что, по Его Императорского Величества указу, определенное ныне балотирование и избирание в чины представленных господ штаба, и царедворцов, чинить мне ни для какой страсти, свойства, дружбы или вражды, но по самой истине, как я пред Богом и страшным Его судом в том ответ дать могу, и как суще мне Господь Бог да поможет, Аминь». Нель-

зя не согласиться с тем, что присяге свойственны лаконичность и высокий уровень нравственных требований к претендентам на должность прокурора [Гапузо 2011: 70], коим надлежит исполнять профессиональные обязанности, опираясь исключительно на истину, отбросив субъективные факторы принятия решений.

С морально-этической точки зрения интересно «секретнейшее наставление» Екатерины II при назначении генерал-прокурором князя А. А. Вяземского. Императрица не только требовала от руководителя ведомства объективного исполнения полномочий, но и обращала внимание на то, каким образом следует взаимодействовать со сложившимися в Сенате «партиями». В наставлении говорилось: «...Вам не должно уважать ни ту,

Принимаемые на службу прокуроры и их товарищи должны были отвечать критериям благонадежности, уровня образования и профессионального опыта, им запрещалось заниматься коммерческой деятельностью

ни другую сторону, обходиться должно учтиво и беспристрастно, выслушать всякого, имея только единственно пользу отечества и справедливость в виду, и твердыми шагами идти кратчайшим путем к истине» [История Правительствующего Сената 1911: 793–796].

Думается, что предъявление к прокурорским работникам подобных требований послужило началом формирования служебного этикета, необходимого для исполнения должностных обязанностей и выстраивания отношений с чиновничеством, наделенным широким кругом полномочий на местах. В развитие данных положений в действующий Кодекс этики включена норма, согласно которой прокурорскому работнику следует сохранять независимость, проявлять тактичность и уважение, требовательность и принципиальность (пп. 2.1.3, 2.1.13).

Надзорное ведомство развивалось за государством и как институт, входящий в состав Министерства юстиции, учрежденного Александром I, и как самостоятельный, не относящийся в настоящее время ни к одной из ветвей власти государственный орган, обеспе-

чивающий верховенство закона. К середине XIX в. прокуратура империи не была единой, не обладала необходимой самостоятельностью и ввиду ее структуры была крайне бюрократизированной [Министерство юстиции 1902: 302], превратившись из органа надзора в орган управления. Вместе с тем профессионализм прокуроров, понимание важности норм морали и нравственности с течением времени возрастали, в том числе ввиду получения должностными лицами обязательного высшего юридического образования [Муравьев 1889: 356–357]. Уже к середине XIX в. работники прокуратуры стали одними из наиболее образованных среди русских чиновников [Казаков 2008: 225].

С. М. Казанцев справедливо отмечает, что прокуратура, как и общество в целом в середине XIX в., требовала серьезных преобразований [Дореволюционные юристы о прокуратуре 2001: 19], которые произошли в ходе Судебной реформы 1864 г. Невзирая на то что надзорное ведомство лишилось функции общего надзора, объем полномочий органов прокуратуры расширился и конкретизировался. Именно с 1864 г. прокуратура стала участником уголовного и гражданского судопроизводства, приняла надзорный статус по отношению к органам предварительного следствия, сформировалась как орган государственного обвинения, что значительно повлияло на сущность морально-этических требований, предъявляемых к прокурорским работникам. Принимаемые на службу прокуроры и их товарищи должны были отвечать критериям благонадежности, уровня образования и профессионального опыта, им запрещалось заниматься коммерческой деятельностью.

Регулирование XIX в. нашло отражение в Кодексе этики. Он предписывает прокурорскому работнику воздерживаться от поступков, которые могли бы вызвать сомнение в объективном исполнении им служебных обязанностей, а также быть верным гражданскому и служебному долгу. Кроме того, действующее законодательство прямо запрещает прокурорам заниматься любой приносящей доход деятельностью, что также декларировалось Судебными уставами от 20 ноября 1864 г.

Сохранение прокуратуры России обвинительного типа до 1917 г. сформировало

определенные этические и поведенческие требования, которые также закреплены в действующих нормативных правовых актах. Не является исключением норма Кодекса этики о поведении прокурора при отправлении правосудия, требующая от прокурора быть образцом уважения к суду, способствовать вынесению законного и справедливого судебного решения. По отношению к другим участникам судебного процесса Кодекс обязывает проявлять корректность, непредвзятость и уважение. Данные положения зародились именно в период Судебной реформы 1864 г., когда прокурор являлся «публичным обвинителем во всех уголовных делах в качестве представителя правительства и закона» [Судебные уставы 1867: 189].

А. Ф. Кони отмечал, что судебные уставы, создавая прокурора-обвинителя, «начертали ему нравственные требования, которые облегчают и возвышают его задачу, отнимая у исполнения ее формальную черствость и бездушную исполнительность», давали прокурору «возвышенные наставления», определяя его как говорящего публично судью [Кони 2000: 110].

С момента введения прокурора в качестве активного участника в процесс правосудия встал вопрос о соблюдении прокурором этических норм при исполнении служебного долга. Если судья, оказавшись один на один с материалами дела, имеет возможность тайно и независимо принимать решения, находясь в специальной процессуальной стадии, не ограниченной во времени, то прокурору надлежало гораздо оперативнее, публично, корректно и емко выразить позицию государства по отношению к подсудимому и им содеянному до принятия решения судом, оставаясь независимым и непредвзятым, исключив бездоказательное обвинение, которое, безусловно, является верным признаком беззакония [Джатиев 2008: 31]. Н. М. Яковлев писал, что, будучи государственным обвинителем, «прокурор должен поддерживать обвинение, защищая права жертв преступлений, опираясь не только на уголовное, уголовно-процессуальное законодательство, но и в том числе на всю палитру нравственно-этических устоев гражданского общества, свое цивилизованное мироощущение, свой положительный жизненный опыт и правиль-

ное понимание сути правоприменения закона» [Яковлев 2006: 28–37].

По окончании правления Александра II объем должностных обязанностей прокуроров, в частности во взаимодействии с полицией и жандармерией, сокращался. Однако продлилось это недолго, в скором времени прокуратура фактически превратилась в ревизионный орган Министерства юстиции [Бессарабов 2002: 146]. Расширение функционала в очередной раз привело к бюрократизации аппарата и подняло вопросы о реформировании надзорного органа.

После смены режима, вызванной революцией 1917 г., и провозглашения новых для российского общества ценностей и моральных ориентиров нормативные правовые акты, требующие от прокурора придерживаться определенных поведенческих ориентиров, в начале XX в. не принимались. Этико-правовая составляющая деятельности прокуроров осталась без должного внимания и с утверждением постановлением ЦИК и СНК СССР Положения о прокуратуре СССР от 17 декабря 1933 г.

Нельзя не обратить внимание на приказ Генерального прокурора СССР от 17 июня 1946 г. № 128 «Об усилении общего надзора за точным исполнением законов». В нем ставился вопрос о недостаточной твердости, настойчивости и принципиальности прокуроров, непроведении работы по повышению квалификации сотрудников, что приводило к длительному нарушению законов и их повторению. В свою очередь Кодекс этики с учетом того, что зачастую именно нежелание твердо и решительно применять закон является причиной ненадлежащей организации надзора, требует постоянно повышать профессиональную квалификацию, общеобразовательный и культурный уровень (п. 1.7), непримиримо бороться с любыми нарушениями закона, кем бы они ни совершались (п. 2.1.2).

Повышение значимости морально-этической составляющей прокурорской деятельности, выраженной в необходимости выстраивания корректной профессиональной коммуникации, находит отражение и в последующих ведомственных актах прокуратуры советского периода. Введенная приказом Генерального прокурора СССР от 28 июня 1949 г. № 131 участковая система работы следователей прокуратуры возлагала на них обязанность по

установлению деловой связи с органами милиции и ревизионно-контрольными органами.

В принятом 30 ноября 1979 г. Законе «О прокуратуре СССР» не только устанавливались требования о наличии у прокурорских работников юридического образования, но и упоминались этические критерии их работы. Статьей 20 Закона предусмотрено, что прокуроры и следователи прокуратуры должны обладать необходимыми политическими, деловыми и моральными качествами. Однако содержание данных понятий в Законе и иных нормативных правовых актах не раскрывалось. Эта неопределенность фактически устранена лишь с принятием Кодекса этики. Несмотря на наличие в нормативных актах, принимавшихся с 1722 г., многочисленных отсылок к нормам этического содержания, окончательно морально-этические требования к прокурорским работникам сформулированы лишь в 2010 г. В то же время по сути они сопровождали российскую прокуратуру с начала XVIII в. и определяли ее значимость, служили ориентиром в профессиональной деятельности.

О предъявлении к блюстителям закона повышенных требований говорит и Генеральный прокурор Российской Федерации

И. В. Краснов, который подчеркивает, что, помимо неукоснительного соблюдения законодательных предписаний, прокурорский работник должен являться образцом моральной чистоты и неподкупности¹.

Думается, что анализ становления моральных и этических требований, предъявляемых к прокурорским работникам, позволит избежать профессиональной деформации, не допустить развития пренебрежительного отношения к закону, гражданам, исключить черствость и формализм при исполнении служебного долга, а также стать основой профилактики коррупционных правонарушений. Резюмируя, нельзя не согласиться с позицией С. В. Якушевой и Н. В. Желокова, которые отмечают, что в целях укрепления авторитета органов прокуратуры, воспитания в молодых сотрудниках высоких морально-нравственных качеств необходимы поиск путей повышения нравственной культуры, следование им в повседневной служебной деятельности [Якушева, Желоков 2020: 206].

¹ Игорь Краснов: «решалам» в прокурорских рядах мало не покажется // URL: <https://ria.ru/20211209/krasnov-1762837054.html> (дата обращения: 15.03.2022).

Список литературы

- Бессарабов В. Г. Пореформенная российская прокуратура (1864–1917) // Журнал российского права. 2002. № 10. С. 141–152.
- Гапузо В. Н. О нравственных требованиях к представителям «должности прокурора» // Вестник Московского университета МВД России. 2011. № 5. С. 70–71.
- Джантиев В. С. Зачем России прокуратура? // Законность. 2008. № 8. С. 30–32.
- Дореволюционные юристы о прокуратуре: сб. ст. / науч. ред. С. М. Казанцев. СПб.: Юрид. центр «Пресс», 2001. 287 с.
- Звягинцев А. Г. Правосознание и духовность как основа государственности // Законность. 2008. № 3. С. 42–46.
- История Правительствующего Сената за 200 лет. СПб.: Сенат. тип., 1911. Т. 2. 796 с.
- Казаков В. В. Государственная служба в прокуратуре Российской империи, 1722–1864 // Проблемы экономики и юридической практики. 2008. № 4. С. 222–227.
- Кашаев К. А. Прокурор – гарант соблюдения прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве России. М.: Городец, 2008. 336 с.
- Кони А. Ф. Приемы и задачи прокуратуры // Кони А. Ф. Избранные труды и речи / сост. И. В. Потапчук. Тула: Автограф, 2000. С. 107–171.
- Министерство юстиции за сто лет, 1802–1902: исторический очерк. СПб.: Сенат. тип., 1902. 340 с.
- Муравьев Н. В. Прокурорский надзор в его устройстве и деятельности: Прокуратура на Западе и в России. Пособие для прокурорской службы. М.: Унив. тип., 1889. Т. 1. 568 с.

Прокуратура Российской империи в документах, 1722–1917: хрестоматия / под ред. Г. В. Штадлера. СПб.: С.-Петербург. юрид. ин-т (филиал) Ун-та прокуратуры Рос. Федерации, 2018. 172 с.

Серов Д. О. Фискальская служба и прокуратура России первой трети XVIII в.: дис. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2010. 442 с.

Советская историческая энциклопедия / под ред. Е. М. Жукова. М.: Сов. энциклопедия, 1982. Т. 16. С. 844–845.

Судебные уставы от 20 ноября 1864 года с изложением рассуждений, на коих основаны. СПб.: Тип. II Отд-ния Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1867. Ч. 2. 376 с.

Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб.: Альфа, 1996. Т. 2. 607 с.

Хлебникова Д. А. Первый состав российской прокуратуры. 2016 // URL: http://journal.mrsu.ru/wp-content/uploads/2016/08/khlebnikova_statuya-2.pdf (дата обращения: 15.03.2022).

Яковлев Н. М. Нравственные основы формирования современного правового сознания прокуроров как необходимое условие обеспечения прав, свобод и законных интересов участников уголовного судопроизводства // Безопасность бизнеса. 2006. № 4. С. 28–37.

Якушева С. Е., Желоков Н. В. О нравственных началах прокурорской деятельности // Вестник СГЮА. 2020. № 1. С. 198–206.

Руслан Викторович Мельников – аспирант факультета подготовки научных кадров Университета прокуратуры Российской Федерации. 107078, Российская Федерация, Москва, ул. Н. Басманная, д. 10, стр. 1. E-mail: kash717ruslan@gmail.com.

ORCID: 0000-0003-4998-1850

Formation of Moral and Ethical Requirements for Prosecutors in Russia: a Historical Analysis

The author notes that, although the first ethical code of the prosecutor's office was adopted only in 2010, its norms are the result of the historical development of the Russian prosecutor's office. The paper proposes to explore the issue of forming the norms of professional ethics of prosecutorial activity in a historical retrospective, referring to the eras of the Russian Empire and the USSR, as well as to highlight those that have not lost their relevance and are reflected in the current legal acts.

In particular, the author analyses the Personal Decrees of January 12, 1722, April 27, 1722, September 3, 1733, Catherine II's «most secret instruction» when appointing Prince A. A. Vyazemsky as General Prosecutor; normative-legal regulation of the activities of the prosecutor's office in the 19th century; orders of the General Prosecutor of the USSR of June 17, 1946 and June 28, 1949, Law of November 30, 1979 «On the Prosecutor's Office of the USSR».

Keywords: *Prosecutor's Office of the Russian Federation, ethics for prosecutors, Code of Ethics for prosecutors, history of the formation of ethical standards for prosecutors, requirements for prosecutors in Russian Federation, prosecutorial supervision, history of prosecutorial supervision*

Recommended citation

Melnikov R. V. Formirovanie moral'no-eticheskikh trebovaniy k prokurorskim rabotnikam v Rossii: istoricheskii analiz [Formation of Moral and Ethical Requirements for Prosecutors in Russia: a Historical Analysis], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2022, no. 3, pp. 100–107, DOI: 10.34076/2410_2709_2022_3_100.

References

Bessarabov V. G. Poreformennaya rossiiskaya prokuratura (1864–1917) [Post-Reform Russian Prosecutor's Office, 1864–1917], *Zhurnal rossiiskogo prava*, 2002, no. 10, pp. 141–152.

Dzhatiev V. C. Zachem Rossii prokuratura? [Why Does Russia Need a Prosecutor's Office?], *Zakonnost'*, 2008, no. 8, pp. 30–32.

Foinitskii I. Ya. *Kurs ugovnogo sudoproizvodstva* [Criminal Justice Course], Saint Petersburg, Al'fa, 1996, vol. 2, 607 p.

Gapuzo V. N. O npravstvennykh trebovaniyakh k predstavitel'yam «dolzhnosti prokurora» [About Moral Requirements to Representatives «Posts of the Public Prosecutor], *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*, 2011, no. 5, pp. 70–71.

Istoriya Pravitel'stvuyushchego Senata za 200 let [History of the Governing Senate for 200 Years], Saint Petersburg, Senat. tip., 1911, vol. 2, 796 p.

Kashaev K. A. *Prokuror – garant soblyudeniya prav i svobod cheloveka i grazhdanina v ugovnom sudoproizvodstve Rossii* [Prosecutor is the Guarantor of Observance of the Rights and Freedoms of Man and Citizen in the Criminal Proceedings of Russia], Moscow, Gorodets, 2008, 336 p.

Kazakov V. V. Gosudarstvennaya sluzhba v prokurature Rossiiskoi imperii 1722–1864 [Public Service in the Prosecutor's Office of the Russian Empire, 1722–1864], *Problemy ekonomiki i yuridicheskoi praktiki*, 2008, no. 4, pp. 222–227.

Kazantsev S. M. (ed.) *Dorevolyutsionnye yuristy o prokurature* [Pre-revolutionary Lawyers about the Prosecutor's Office], Saint Petersburg, Yurid. tsentr «Press», 2001, 287 p.

Khlebnikova D. A. *Pervyi sostav rossiiskoi prokuratury* [Members of the First Public Prosecution Service of Russia], 2016, available at: http://journal.mrsu.ru/wp-content/uploads/2016/08/khlebnikova_statya-2.pdf (accessed: 15.03.2022).

Koni A. F. *Priemy i zadachi prokuratury* [Receptions and Tasks of the Prosecutor's Office], Koni A. F. *Izbrannye trudy i rechi* [Selected Works and Speeches], Tula, 2000, 640 p.

Ministerstvo yustitsii za sto let, 1802–1902 [Ministry of Justice for a Hundred Years, 1802–1902], Saint Petersburg, Senat. tip., 1902, 340 p.

Murav'ev N. V. *Prokurorskii nadzor v ego ustroistve i deyatelnosti: Prokuratura na Zapade i v Rossii. Posobie dlya prokurorskoj sluzhby* [Prosecutor's Supervision in Its Structure and Activity: The Prosecutor's Office in the West and in Russia. Handbook for the Prosecutor's Office], Moscow, Univ. tip., 1889, vol. 1, 552 p.

Serov D. O. *Fiskal'skaya sluzhba i prokuratura Rossii pervoi treti XVIII v* [Fiscal Service and Prosecutor's Office of Russia in the First Third of the 18th Century]: doct. hist. sc. thesis, Ekaterinburg, 2010, 442 p.

Shtadler G. V. (ed.) *Prokuratura Rossiiskoi imperii v dokumentakh, 1722–1917* [Prosecutor's Office of the Russian Empire in Documents, 1722–1917], Saint Petersburg, S.-Peterb. yurid. in-t (filial) Un-ta prokuratury Ros. Federatsii, 2018, 172 p.

Sudebnye ustavy ot 20 noyabrya 1864 goda s izlozheniem rassuzhdenii, na koikh osnovany [Judicial Statutes of November 20, 1864, Outlining the Arguments on Which They Are Based], Saint Petersburg, Tip. II Otd-niya Sobstv. E. I. V. Kantselyarii, 1867, 376 p.

Yakovlev N. M. Npravstvennye osnovy formirovaniya sovremennogo pravovogo soznaniya prokurorov kak neobkhodimoe uslovie obespecheniya prav, svobod i zakonnykh interesov uchastnikov ugovnogo sudoproizvodstva [Moral Foundations for the Formation of Modern Legal Consciousness of Prosecutors as a Necessary Condition for Ensuring the Rights, Freedoms and Legitimate Interests of Participants in Criminal Proceedings], *Bezopasnost' biznesa*, 2006, no. 4, pp. 28–37.

Yakusheva S. E., Zhelokov N. V. O npravstvennykh nachalakh prokurorskoj deyatelnosti [On the Moral Principles of Prosecutorial Activity], *Vestnik SGYUA*, 2020, no. 1, pp. 198–206, DOI: 10.24411/2227-7315-2020-10023.

Zhukov E. M. (ed.) *Sovetskaya istoricheskaya entsiklopediya* [Soviet Historical Encyclopedia], Moscow, Sov. entsiklopediya, 1982, vol. 16, pp. 844–845.

Zvyagintsev A. G. Pravosoznanie i dukhovnost' kak osnova gosudarstvennosti [Sense of Justice and Spirituality as Statehood Basis], *Zakonnost'*, 2008, no. 3, pp. 42–46.

Ruslan Melnikov – postgraduate student of the Faculty of scientific personnel training, the University of the Prosecutor’s Office of the Russian Federation. 107078, Russian Federation, Moscow, Basmannaya str., 10, bld. 1. E-mail: kash717ruslan@gmail.com.
ORCID: 0000-0003-4998-1850

Дата поступления в редакцию / Received: 15.03.2022

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 17.06.2022

РОССИЙСКОЕ ПРАВО

ОБРАЗОВАНИЕ ПРАКТИКА НАУКА

Редактор *К. С. Путушкина*
Дизайн обложки *К. О. Хрущева*
Компьютерная верстка *И. В. Яцюк*

Подписано в печать 05.08.2022. Формат 60×84/8.

Бумага писчая. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 12,55. Уч.-изд. л. 11,38.

Тираж 100 экз. Заказ № 5

Дата выхода в свет 16.08.2022.

Цена свободная

16+

Уральский государственный
юридический университет им. В. Ф. Яковлева.
620137, Екатеринбург, ул. Комсомольская, 21